СВЕТЛАНА ЗДРОЗДОВА
АКАДЕМИЯ

Светлана Дроздова
Академия

https://litres.ru/74697447
SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, разделенном на Свет и Тьму, Арден — аномалия, носитель двойного дара. Его бабушка десятилетиями подавляла его магию, скрывая от Смотрителей Академии, пока принудительное приглашение не разрушило их тихую жизнь. В древней Башне Стража Обелиск помечает его как «Равновесие», делая угрозой для системы.

Академия — это поле боя: Крыло Света требует дисциплины, Крыло Тени — жестокости. Арден застревает между ними, чувствуя, как стихии рвут его на части. Вместе с дерзкой Кирой Вэнс и эхо-читателем Тео он обнаруживает, что фундамент Башни гниет от магии Бездны — «Тлена». Чтобы выжить, Ардену предстоит совершить невозможное: заставить Свет и Тьму танцевать вместе. Его дар может спасти мир или расколоть его пополам.

Светлана Дроздова
Академия

Глава 1. Тень в деревне

Арден проснулся от того, что петух прокричал прямо у окна, будто хотел разбудить именно его. Он приоткрыл глаза, поморщился от резкого света и тут же потянулся за шерстяным одеялом — утренний холод пробирался сквозь щели в ставнях. В комнате пахло дымом, сушёной ромашкой и старым деревом — запахами, которые он знал с самого детства и которые всегда казались ему самыми родными.

Он сел на кровати, потёр лицо ладонями и прислушался. В доме было тихо, но эта тишина была не пустой, а наполненной ожиданием: скрип половицы, шорох мыши за печкой, далёкий лай собаки. Всё это было привычным, как дыхание. И всё же сегодня что-то было не так. Арден не мог понять, что именно, но где-то внутри, под рёбрами, шевелилось странное чувство — будто день собирался быть не таким, как все остальные.

«Наверное, просто потому, что мне сегодня двенадцать», — подумал он, натягивая грубую рубашку.

В кухне бабушка уже возилась у печи. Её седые волосы были туго заплетены в косу, а фартук потемнел от золы и муки. Она двигалась тихо, почти бесшумно, но каждое её движение было уверенным, будто она знала, где что лежит, даже не глядя.

— Доброе утро, бабушка, — сказал Арден, выходя в кухню.

Она обернулась, и на её лице мелькнула улыбка, но она была какой-то натянутой, будто ей пришлось её специально надеть.

— Доброе, доброе, — ответила она, не глядя на него, помешивая что-то в чугунке. — Сегодня дел побольше, чем обычно. Козы ждут, куры тоже. Да и вода в бочке почти кончилась.

Арден кивнул. Он привык к этим словам. Каждое утро было похоже на предыдущее: вода, дрова, корм, уборка. Но сегодня он чувствовал, что бабушка говорит это не просто так, будто пытается его чем-то занять, чтобы он не задавал лишних вопросов.

— А что-то случилось? — спросил он осторожно.

Бабушка замерла на мгновение, ложка застыла над чугунком. Потом она медленно опустила её и повернулась к нему.

— Ничего не случилось, — сказала она, но голос её прозвучал чуть громче, чем нужно, будто она пыталась убедить не только его, но и себя. — Просто день такой. Длинный.

Арден хотел спросить ещё, но что-то в её взгляде остановило его. В её глазах было не раздражение, а усталость, смешанная с тревогой. Как будто она ждала чего-то, что должно было вот-вот произойти, и боялась, что оно случится слишком скоро.

Он молча кивнул и вышел во двор.

Утро было прохладным, туман стелился по земле, цепляясь за траву и кусты. Деревня казалась спящей, но не мёртвой — в этой тишине чувствовалось напряжение, будто воздух был натянут, как струна. Арден прошёл мимо старого колодца, мимо покосившегося забора, мимо дома соседа, где на крыльце сидел кот и смотрел на него так, будто знал что-то, чего не знал сам Арден.

Козы встретили его радостным блеянием, будто были рады, что он пришёл. Он раздал им сено, проверил, не прогрызли ли они дыру в ограде, и только тогда заметил, что од-

ной козы не хватает.

— Марта? — позвал он, оглядываясь по сторонам. — Марта, где ты?

Но ответа не было. Только тишина, в которой шёпот ветра звучал как чужой голос.

Арден нахмурился. Марта никогда не уходила далеко. Она была самой спокойной из всех коз, любила сидеть у забора и жевать траву, пока он чинил что-нибудь рядом. Если она пропала, значит, случилось что-то нехорошее.

Он обошёл ограду, заглянул в кусты, позвал ещё раз. Ничего. Только следы на влажной земле: копыта, ведущие в сторону леса, и что-то ещё — отпечатки, которые не были похожи на следы зверя. Они были слишком ровными, слишком аккуратными, будто кто-то шёл на двух ногах, но в очень странной обуви.

Арден замер, глядя на эти следы. Ему вдруг стало холодно, хотя солнце уже начинало пригревать. Он хотел пойти по этим следам, но что-то внутри подсказывало ему, что этого делать не стоит.

Когда он вернулся домой, бабушка стояла у двери, будто

ждала его.

— Что-то не так? — спросила она, и в её голосе прозвучала тревога, которую она не смогла скрыть.

— Марта пропала, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Я нашёл следы… они ведут в лес.

Бабушка побледнела. Не сильно, но достаточно, чтобы Арден это заметил. Она сжала кулаки, будто пыталась удержать что-то внутри себя.

— Не ходи туда, — сказала она резко, так резко, что Арден даже отступил на шаг. — Слышишь? Не ходи в лес сегодня.

— Но Марта…

— Пусть другие разбираются, — перебила она, и голос её дрогнул. — Сегодня не тот день.

Арден хотел возразить, но что-то в её лице остановило его. Он никогда не видел её такой напуганной. Даже когда в прошлом году на деревню напал волк, она оставалась спокойной, будто знала, что делать. А сейчас она выглядела так, будто сама не знала, как справиться с тем, что надвигалось.

Он кивнул, хотя внутри у него всё сжималось от непонимания.

— Хорошо, — пробормотал он. — Я не пойду.

Бабушка вздохнула, будто с её плеч свалился тяжёлый груз, и снова повернулась к печи. Но Арден заметил, как её руки дрожали, когда она брала ложку.

День тянулся медленно, как будто время решило растянуться, чтобы дать ему почувствовать каждую секунду. Арден помогал бабушке, делал все привычные дела, но теперь они казались ему бессмысленными. Он ловил себя на том, что прислушивается к каждому звуку, к каждому шороху, будто ждал, что вот-вот что-то произойдёт.

К полудню деревня начала просыпаться. Люди выходили из домов, собирались у колодца, обсуждали пропажу животных. Кто-то говорил, что это волк, кто-то — что бродяги, а кто-то шептал, что в лесу завелся «дух», который забирает всё, что ему приглянется.

Арден стоял в стороне, слушал эти разговоры и чувствовал, как тревога внутри него растёт. Он хотел верить, что это просто слухи, что всё объяснится просто и понятно, но что-то подсказывало ему, что на этот раз всё будет иначе.

Когда солнце начало клониться к закату, бабушка позвала его в дом.

— Садись, — сказала она, указывая на лавку у стола. — У меня есть для тебя кое-что.

Арден сел, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле. Он не знал, чего ожидать, но предчувствие было таким сильным, что ему казалось, будто он стоит на краю обрыва и вот-вот упадёт.

Бабушка достала из сундука маленький мешочек, потёртый от времени, и вынула из него что-то, завернутое в ткань. Она развернула её, и на ладони у неё оказался маленький амулет — медный кружок с выгравированным узором, который Арден никогда раньше не видел.

— Это тебе, — сказала она тихо, протягивая его ему. — На день рождения.

Арден взял амулет, чувствуя, как холодный металл касается его ладони. Он повертел его в пальцах, пытаясь понять, что это такое.

— Что это? — спросил он.

Бабушка помолчала, будто собираясь с мыслями.

— Это оберег, — сказала она наконец. — Он должен защищать тебя.

— От чего?

Она снова помолчала, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на боль.

— От всего, — ответила она. — От того, что ты пока не можешь понять.

Арден хотел спросить ещё, но в этот момент за окном что-то зашуршало. Он обернулся и увидел, как по двору пробежала тень — слишком большая для кошки, слишком быстрая для человека.

— Что это было? — спросил он, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Бабушка встала, подошла к окну и посмотрела наружу. Её лицо стало бледным, почти серым.

— Ничего, — сказала она, но голос её звучал так, будто

она сама не верила в свои слова. — Просто ветер.

Но Арден знал, что это не ветер. Он чувствовал это всем своим существом.

Ночь пришла неожиданно, как будто кто-то выключил свет. Деревня затихла, но тишина была не спокойной, а напряжённой, будто весь мир затаил дыхание. Арден лежал на своей кровати, смотрел в потолок и пытался не думать о том, что происходило за стенами дома. Но мысли кружились в его голове, как листья на ветру, и он не мог их остановить.

Он встал, подошёл к окну и выглянул наружу. Двор был тёмным, только лунный свет рисовал на земле причудливые узоры. И вдруг он услышал шёпот.

Сначала он подумал, что это ветер, шепчущий в листве. Но потом шёпот стал чётче, и он понял, что это не ветер. Это были голоса. Много голосов, сливающихся в один неразборчивый гул. И среди этого гула он услышал своё имя.

— Арден… Арден…

Он отступил от окна, чувствуя, как страх сжимает его сердце. Он хотел позвать бабушку, но что-то остановило его. Вместо этого он вышел во двор, будто какая-то сила тянула

его туда, где было темно и страшно.

Тени двигались вокруг него, скользя по земле, как живые существа. Они не приближались, но и не уходили, будто ждали чего-то. И вдруг из темноты вылетела сова — огромная, с блестящими глазами, которые смотрели прямо на него.

Сова села на забор, наклонила голову и посмотрела на него так, будто знала что-то, чего он не знал. Потом она протянула лапу, и Арден увидел, что к ней привязано письмо.

Он подошёл ближе, протянул руку и взял письмо. Оно было тяжёлым, будто внутри него было не просто письмо, а что-то большее. На конверте была печать — странный узор, который он никогда раньше не видел, — и его имя, написанное незнакомым почерком.

В этот момент из дома вышла бабушка. Она остановилась, увидев сову, и её лицо стало таким бледным, что Арден испугался.

— Ты должен это принять, — сказала она тихо, но в её голосе звучала твёрдость, которой он раньше не слышал.

— Что это? — спросил он, сжимая письмо в руке.

Бабушка глубоко вздохнула, будто собиралась с силами, чтобы сказать что-то очень важное.

— Это приглашение, — сказала она. — В Академию.

— Какую Академию?

— Ту, где учат магии.

Арден замер, будто мир вокруг него остановился.

— Магии? — переспросил он, чувствуя, как слова застревают в горле. — Но… но магии не существует.

Бабушка покачала головой.

— Существует, — сказала она. — И ты не такой, как все. Твои родители… они были связаны с этим миром. И теперь пришло время, когда ты должен узнать правду.

Арден почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он хотел закричать, убежать, спрятаться, но вместо этого он стоял и смотрел на бабушку, будто пытался понять, не шутит ли она.

— Почему ты не сказала раньше? — спросил он, и в его

голосе прозвучала обида, которую он не мог скрыть.

Бабушка опустила голову, и на её глазах появились слёзы.

— Я хотела защитить тебя, — сказала она тихо. — Я думала, что смогу держать это в тайне, пока ты не будешь готов. Но теперь… теперь я понимаю, что время вышло.

Арден сжал письмо в руке, чувствуя, как бумага мнётся под его пальцами. Он посмотрел на сову, которая всё ещё сидела на заборе, будто ждала его решения. Потом он посмотрел на бабушку, на её усталое, измученное лицо, и понял, что она говорит правду. Что-то в нём изменилось в этот момент — будто дверь, которую он даже не знал, что существует, распахнулась, и теперь он видел мир по-другому.

— Что будет, если я не приму это письмо? — спросил он.

Бабушка подняла голову, и в её глазах он увидел страх, который она больше не могла скрывать.

— Тогда Академия пришлёт кого-то лично, — сказала она. — И тогда всё станет ещё сложнее.

Арден снова посмотрел на письмо, на печать, на своё имя, написанное чужим почерком. Он чувствовал, как страх и лю-

бопытство борются внутри него, как два зверя, которые не могут решить, кто из них сильнее.

Он глубоко вздохнул, будто собирался нырнуть в холодную воду, и разорвал конверт.

Письмо было коротким, но каждое слово в нём звучало как приговор.

> «Уважаемый Арден,
>
> Вы приглашены в Академию магии для прохождения обучения. Ваше присутствие обязательно. В случае отказа Академия будет вынуждена принять меры.
>
> С уважением,
> Совет Академии»

Арден прочитал письмо дважды, будто надеялся, что слова изменятся, если он посмотрит на них ещё раз. Но они оставались теми же — холодными, официальными, неизбежными.

Он поднял голову и посмотрел на бабушку.

— Я не знаю, что делать, — прошептал он.

Бабушка подошла к нему, положила руку ему на плечо и посмотрела ему в глаза.

— Ты можешь отказаться, — сказала она тихо. — Но тогда они придут за тобой. И я не смогу тебя защитить.

Арден закрыл глаза, чувствуя, как мир вокруг него рушится. Он хотел остаться здесь, в своей деревне, в своём привычном мире, где не было магии и тайн. Но он знал, что уже не сможет этого сделать. Что-то изменилось в нём в этот день, и он больше не был тем мальчиком, который просто помогал бабушке по хозяйству.

Он открыл глаза и посмотрел на письмо, которое всё ещё держал в руке. Потом он поднял голову и сказал:

— Я поеду.

Бабушка кивнула, и на её лице появилась слабая улыбка, в которой было больше грусти, чем радости.

— Я знала, что ты так скажешь, — прошептала она. — Ты всегда был смелее, чем думал.

Арден посмотрел на сову, которая всё ещё сидела на за-

боре, будто ждала, когда он примет решение. Потом он повернулся и пошёл в дом, чувствуя, как за его спиной закрывается дверь в прошлое.

И когда он переступил порог, он понял, что его жизнь уже никогда не будет прежней.

Глава 2. Тайна бабушки

Утро следующего дня началось не с петуха и не с запаха дыма. Оно началось с тишины — такой плотной, такой осязаемой, что Арден, ещё не открыв глаза, почувствовал, как она давит на грудь, будто кто-то положил ему на ребра тяжёлое шерстяное одеяло. Он лежал неподвижно и слушал. В доме не скрипели половицы, не перестукивала ложка о чугунок, не шуршала мышь за печкой. Только где-то глубоко, в самой сердцевине этой тишины, размеренно и глухо, будто замурованное в стену сердце, тикали старые часы в горнице — те самые часы, которые, сколько Арден себя помнил, никогда не ходили.

Он рывком сел на кровати.

Часы шли. Их маятник покачивался за стеклом, и тени от него скользили по стене туда-сюда, туда-сюда, отмеряя что-то, чего прежде никто не отмерял. Арден смотрел на них и

чувствовал, как по затылку ползёт холодок, тонкий, как паутинка, но липкий, как сырость в подвале. Вчерашний вечер всплыл в памяти разом, без всякого перехода: сова, письмо, печать, слова бабушки о магии, её побелевшее лицо и то, как она произнесла, будто выдохнула через силу: «Тогда Академия пришлёт кого-то лично».

Он оделся быстро, не глядя на себя, натянул рубашку, сунул ноги в стоптанные башмаки и вышел в сени. И тут же остановился.

Бабушка сидела на лавке у окна. Не у печи, не с ухватом в руках, не в фартуке, перепачканном золой, — просто сидела, в тёмном платье, которое Арден видел на ней едва ли пару раз в жизни, с распущенными, незаплетёнными волосами, седыми, как первый снег, и такими длинными, что они лежали на её коленях, будто чужая, отдельная от неё жизнь. Она смотрела в окно, но взгляд её был направлен не на двор, не на забор, не на серое небо, а куда-то дальше, туда, куда Арден не мог заглянуть.

На столе перед ней лежал раскрытый деревянный сундук. Тот самый, что всегда стоял в углу под клетчатой занавеской и который Арден с детства считал просто старой мебелью, — большой, окованный потемневшей от времени жестью, с тяжёлым кованым замком, который, сколько мальчик

себя помнил, был заперт и ключ от которого, он был уверен, давно потерян. Теперь крышка была поднята, и из сундука, казалось, выливался приглушённый, чуть желтоватый свет, будто внутри горела свеча, хотя никакой свечи там не было.

— Садись, — сказала бабушка, не поворачивая головы. — Нам нужно поговорить. По-настоящему.

Арден подошёл и сел напротив неё, на край длинной лавки. Он хотел что-то сказать, но слова, которые вчера казались такими важными — «почему ты молчала», «что это за Академия», «кто я такой» — вдруг показались ему слишком маленькими, слишком нетерпеливыми для этой тишины, для этого утра, для женщины, которую он видел каждый день и которая сейчас словно впервые сидела перед ним целиком, без привычной своей суеты.

Бабушка наконец повернулась к нему. И Арден с удивлением заметил, что глаза у неё красные, будто она не спала всю ночь или плакала — вот только веки были сухими. Сухими и твёрдыми.

— Я много лет обещала себе, — начала она медленно, — что не расскажу тебе ничего, пока не придётся. Я говорила себе: пусть у него будет детство. Пусть у него будет немного времени, когда мир простой. Когда есть козы, дрова, вода в

бочке и бабка, которая ворчит. — Она усмехнулась уголками губ, но усмешка вышла горькой, как полынь. — Я думала, что успею всё тебе объяснить потом. Потом. А потом — вот оно, пришло, а я всё оказалась не готова.

— Бабушка, — сказал Арден тихо. — Что случилось вчера? Что это было?

— Вчера всё началось, — ответила она. — По-настоящему началось. Письмо — это не начало, Арден. Письмо — это уже конец того молчания, в котором мы жили. Началось раньше.

Она замолчала, будто собираясь с силами, и медленно, очень медленно, положила ладонь на крышку сундука.

— Ты знаешь, откуда взялся этот сундук?

Арден покачал головой.

— Ты его видел каждый день, но никогда не заглядывал внутрь. И правильно, потому что я тебе не позволяла. — Она прикрыла глаза. — Он не мой. Он не от твоего деда, не от моей матери. Он приехал сюда вместе с тобой.

— Со мной?

— Ты был у меня на руках, — сказала бабушка, и голос её дрогнул так, будто она сама не верила в то, что говорит. — Тебе было около двух лет. Ты спал, завёрнутый в одеяло, и когда я взяла тебя, ты даже не проснулся. А рядом стоял этот сундук. И ещё — на твоей груди была вот эта вещь.

Она запустила руку за ворот платья и вытянула из-под него шнурок. На шнурке, потёртом, с одной жилой, готовой вот-вот лопнуть, висел медальон. Небольшой, круглый, из потемневшей бронзы, с выгравированным по краю узором, который Арден, приглядевшись, узнал: такой же узор был на печати письма — спираль, переплетённая с чем-то похожим на ветвь и глаз в её сердцевине.

— И вот эта? — спросил Арден, доставая из кармана амулет, подаренный накануне. Он всё ещё был при нём, тёплый от тела, привычный, будто он носил его всю жизнь.

— Она, — сказала бабушка. — Их было две. Один — твой, второй — твоей матери. Она сняла его и повесила мне на шею, когда… — Бабушка осеклась и отвернулась.

— Когда что? — Арден подался вперёд. — Когда она ушла? Куда она ушла, бабушка? Ты всегда говорила, что родители погибли. Что лодка перевернулась. Что их унесло в

море. Ты всегда так говорила.

— Я знаю, что я говорила. — Бабушка снова повернулась к нему, и теперь во взгляде её было столько боли, что Арден невольно отшатнулся. — Я говорила это, потому что так было легче. Легче, чем правда. Легче, чем сказать тебе, что твои родители не утонули. Что они просто исчезли. Бесследно. В одну ночь. И что я до сих пор не знаю, живы они или нет.

Тишина, которая наступила после этих слов, была такой, что Арден слышал, как в горле у него стучит собственное сердце.

— Что? — выдохнул он. — Как исчезли? Почему?

— Потому что за ними пришли, — сказала бабушка. И это было сказано так спокойно, так просто, что у Ардена по спине побежала холодная струйка пота. — Так же, как придут за тобой, если ты не примешь приглашение.

Он хотел вскочить, закричать, но тело его не слушалось. Он сидел, вцепившись пальцами в край лавки, и слушал, как бабушкина размеренная речь, тихая, как шорох страниц, разворачивает перед ним незнакомый мир.

— Я расскажу тебе по порядку, — сказала она. — Ты заслужил порядок, а не обрывки. Слушай и не перебивай. Когда закончу — сможешь спросить всё, что хочешь, и я отвечу, потому что времени у нас мало, а лжи между нами больше быть не должно.

Она сложила руки на коленях, разгладила складку платья, будто готовилась к долгому разговору, и начала.

— Магия существует, — сказала она. — Не сказочная, не та, что в песнях у костра — с колдуньями в ступах и говорящими медведями. Настоящая. Тихая. Живущая в вещах, в земле, в крови. Она есть в каждом, кто родился с искры, но искра эта вспыхивает только у немногих. И ты, Арден, из таких. Ты родился в мире, где магия — не выдумка. И твои родители тоже. И я. — Она помедлила. — Да, я тоже.

Арден хотел издать какой-то звук, но не смог. Только смотрел на неё, на морщинистое её лицо, на тёмное платье, на длинные седые волосы, и вдруг понял, что все эти годы он видел перед собой женщину, которая сама себя сузила до бабушки, до печи, до коз — нарочно, будто спряталась внутри этой маленькой жизни, как в шкафу, от чего-то большого и страшного.

— Магия была повсюду, пока человечество не видела её,

— продолжала бабушка. — И вот тут самое трудное. — Она подняла на него глаза. — Ты видел вчера тень во дворе? Слышал шёпот? Видел сову, которая принесла письмо?

Арден кивнул.

— Это не привидения и не суеверия. Это те, кто пришли за тобой. Их называют Смотрителями. Они служат Академии и следят за теми, в ком проснулась искра. Обычно приглашение приходит в одиннадцать лет, как пришло когда-то твоим родителям и мне. Но ты — не обычный ребёнок. Твоя искра спрятана глубже, чем у других. Её укрыли — от Смотрителей, от тех, кто мог бы прийти раньше. А теперь защита слабеет. Она истончается. И потому они пришли на год позже, но пришли.

— Кто её укрыл? — спросил Арден хрипло.

Бабушка опустила взгляд.

— Я, — сказала она.

И слово это упало в комнату, как камень в тихий пруд. Арден почувствовал, как у него в ушах зазвенело, будто кто-то ударил по колоколу.

— Как ты могла? — вырвалось у него. — Ты знала всё это время? Знала, кто я? Знала, что родители не погибли? И молчала?

— Молчала, — сказала бабушка твёрдо, не отводя глаз. — Молчала и… плакала ночами. Думаешь, мне было легко? Думаешь, я не хотела рассказать тебе тысячу раз, когда ты сидел на коленях и спрашивал про маму с папой? — Она сделала глубокий вдох. — Да, я прятала твою искру. Каждый день этого года я, старуха, у которой, ты думаешь, есть только козы, заклинаниями и кровью, капля за каплей, удерживала в тебе её взаперти. Это не колдовство в твоём понимании — это просто значит, что я отдавала то, что у меня было, чтобы у тебя не было того, что тебе не по годам. — Её голос стал совсем тихим. — Но я не могла удержать её вечно. Магия не терпит заточения. И теперь я слишком слаба. Этого хватило до нынешнего лета — не больше.

Арден смотрел на неё, и внутри у него боролись две реки: обида, обжигающая, глупо-детская — «как ты могла скрывать от меня, почему я ничего не знал», и что-то другое, взрослое, медленное, страшное — понимание, что она сделала это не из злобы, а от страха, от бессилия, от любви такой тяжёлой, что она пожертвовала всей своей жизнью, чтобы удержать его в безопасной тишине.

— Значит, магия… взаправду, — сказал он глухо, будто пробуя слова на вкус. — Значит, всё это… — Он обвёл взглядом комнату, как будто увидел её впервые: печь, чугунок, стол, сундук, часы на стене. — Значит, и ты…

— И я, — сказала бабушка. — И твой дед был таким же. Он не умер от простуды, как я тебе говорила. Он погиб от того, что попытался защитить тебя, когда тебе не было и года. — Она закрыла глаза на мгновение. — Он был одним из немногих, кто не побоялся пойти против воли Совета. Он хотел спрятать тебя навсегда, в самом глухом углу мира. Он и спрятал. Но это не спасло его.

Арден почувствовал, как в горле у него встал ком. Дед. Тот самый дед, о котором в деревне говорили как о добром молчаливом человеке, который любил чинить старые вещи и никогда не повышал голоса. Арден никогда не видел его — только портрет, пожелтевший снимок, висевший над сундуком. И вот теперь он узнавал, что этот молчаливый человек отдал жизнь за него.

— Я расскажу тебе, что знаю о твоих родителях, — продолжала бабушка, и в её голосе появилась новая сила, будто она решила больше не прятаться. — Их звали Мира и Тарен. Твоя мать была из семьи, в которой магия передавалась от поколения к поколению. Она рано обнаружила искру, её взя-

ли в Академию, там она стала одной из лучших. Твой отец… — она улыбнулась бледно, — он был вроде тебя. Порывистый, упрямый, добрый. Не маг от рождения, но с искрой, которая проснулась позже всех ожиданий. Они встретились в Академии, и когда родился ты, они поняли, что твоя искра — не такая, как у всех. Слишком сильная для ребёнка. Слишком заметная.

Она помолчала, и в этой паузе Ардену почудилось, будто он слышит далёкий, глухой звон, будто в комнате начал звонить невидимый колокол.

— За тобой начали охоту, — сказала она. — Не Смотрители — они приходят с приглашением. А те, кто не хочет, чтобы ты стал тем, кем мог бы стать. Те, кому не нужна ещё одна искра, которая может их превзойти. Твои родители узнали об этом. Они спрятали тебя, отдали мне и ушли — ушли, чтобы увести охоту за собой, чтобы ты остался здесь, тихий, спящий, со мной.

— И они… не вернулись, — сказал Арден.

— Не вернулись, — повторила бабушка. — Я ждала их год. Два. Писала письма — их некому было доставить. Пыталась искать, но со мной тогда было не оставить тебя одного. А потом я поняла, что если начну искать — найдут меня. И

тебя. И потому я молчала, заперлась здесь и делала вид, что я просто старая женщина у печи. — Она посмотрела на него прямо. — Я не знаю, что с ними. Не знаю, живы ли они. Но я знаю одно: они не случайно исчезли.

Арден сидел, стиснув зубы. Внутри что-то раскачивалось, как маятник тех старых часов в горнице, туда-сюда, туда-сюда, между злостью и горем, между неверием и страхом.

— Почему никто не искал их? — спросил он наконец. — Твоя Академия, твои маги — почему они ничего не сделали?

— Потому что для Совета твои родители — предатели, — сказала бабушка. — Не спрашивай почему, я не знаю всего. Знаю только, что после того, как они забрали тебя и ушли, Совет записал их в изгои. А изгоев в Академии не ищут. Их вычёркивают.

Она снова запустила руку в сундук и вынула свёрток — из тех, должно быть, что лежали тут нетронутыми. Развернула его на коленях. Там оказалась маленькая книга в кожаном переплёте.

— Эта книга, — начала бабушка, — дневник твоей матери. Она писала его, когда была молода, пока училась. Здесь её мысли, её открытия, её страхи. Я читала его много раз. Но

сегодня ты прочитаешь его сам.

Она протянула книгу Ардену. Тот взял её. Кожаный переплёт был мягким, потёртым. От книги исходил слабый запах старой бумаги и чего-то ещё, неуловимого, похожего на аромат трав. Арден чувствовал, как внутри него растёт странное, тревожное предвкушение.

— Твоя мать была очень сильной. И очень смелой. Она верила в то, что маги должны служить людям, а не властвовать над ними. Совет же… Совет думает иначе. Они хотят контролировать магию, контролировать тех, кто ею обладает. И они считают, что каждый, кто им не подчиняется, — враг.

Бабушка замолчала, глядя куда-то вдаль. Арден чувствовал, что её слова — это лишь верхушка айсберга, что есть вещи, которые она не может или не хочет ему пока рассказать. Но он также чувствовал, что время настало. Время узнать правду, какой бы горькой она ни была.

— Твоя искра, — продолжила она, — не просто сильная. Она особенная. Именно поэтому твои родители и решили спрятать тебя. Они знали, что Совет не оставит тебя в покое. И они… они сделали всё, что могли, чтобы ты был в безопасности. Чтобы ты мог выбрать свой путь.

Арден сжал книгу в руках. Он чувствовал, как тепло его ладоней передаётся ей, будто они уже были связаны. Он посмотрел на бабушку, и в её глазах увидел отражение собственной решимости. Он был готов. Готов узнать, кто он на самом деле.

Глава 3. Дорога в Академию

Утро, в которое Арден покинул деревню, не было похоже ни на одно утро в его жизни. Оно началось не с привычного крика петуха, который, казалось, остался в какой-то другой, прошлой жизни, и не с запаха дыма из печи. Оно началось с тишины, которая была тяжелее любого одеяла. Бабушка стояла на крыльце, закутанная в шаль, хотя утро было не по-осеннему теплым. Она не плакала. Арден знал свою бабушку: она никогда не плакала при людях, даже когда хоронили деда. Её горе было сухим, как старая зола в печи, и таким же горячим внутри.

— Помни, — сказала она, когда Арден уже забросил на плечо тощий узелок с хлебом, сыром и сменной рубахой. — Твоя искра спит, но она чуткая. Если почувствуешь, что земля под ногами становится слишком легкой или, наоборот, слишком тяжелой — не иди дальше. Остановись. Слушай.

Арден кивнул. Он не совсем понимал, о чем она говорит. Земля — это просто земля. Она твердая, иногда мокрая, иногда пыльная. Но спорить не стал. Он обнял бабушку, чувствуя, как её хрупкие плечи дрожат, несмотря на все её попытки казаться каменной. Она пахла домом, травами и старым деревом. Этот запах он унес с собой, как щит.

Деревня провожала его взглядами. Соседи выглядывали из-за заборов, кто-то крестился вслед. Для них он был просто мальчишкой, которого увозят в большой город учиться какому-то непонятному ремеслу. Никто, кроме старосты, которому бабушка шепнула пару слов на ухо, не знал правды. И слава богу. Ардену хватило того, что он сам едва мог дышать от тяжести этой правды.

Лес встретил его прохладой. Первые полчаса он шел по знакомой тропе, той самой, по которой ходил за хворостом и где искал пропавшую Марту. Следы козы всё ещё виднелись у старого вяза — странные, двуногие отпечатки, уходящие в чащу. Арден старался на них не смотреть. Лес здесь был своим, привычным. Птицы пели так же, как вчера, белка метнулась через дорогу, сердито цокая. Но чем дальше он уходил от околицы, тем сильнее менялся воздух.

Сначала он подумал, что это просто похолодало. Но холод был не снаружи. Он был внутри. Словно кто-то открыл

форточку прямо у него в груди. Деревья здесь росли гуще, их кроны смыкались так плотно, что солнце едва пробивалось пятнами, похожими на разлитое молоко. Туман, который в деревне был просто утренней сыростью, здесь казался живым. Он не лежал на земле, а струился между стволами, словно змеи, ощупывая каждый корень.

Арден остановился. Он снял с плеча узелок и прислушался. Птицы замолчали. Не постепенно, не испугавшись чего-то, а просто в одну секунду. Наступила та самая тишина, которую он слышал дома сегодня утром — плотная, осязаемая. Он сделал шаг вперед, и его подошва не встретила сопротивления. Земля под ногой была мягкой, как пуховая перина, хотя он видел перед собой обычную лесную тропу, усыпанную хвоей. Он поднял ногу — след остался, но он медленно, на глазах, начал заполняться серебристым туманом, стирая отпечаток сапога.

— Что за... — прошептал Арден.

Он посмотрел на свои руки. Они были обычными, в цыпках, с обкусанными ногтями. Но когда он поднес ладонь к лицу, ему показалось, что кожа на ней едва заметно светится изнутри бледно-голубым светом. Он моргнул — свечение исчезло. «Искра спит, но она чуткая», — всплыл в голове голос бабушки. Значит, это она? Его магия? Она реагирует

на лес?

Он сделал еще один осторожный шаг. На этот раз он закрыл глаза и попытался не думать о тропе. Он попытался почувствовать. И он почувствовал. Лес дышал. Это не было метафорой. Он вдыхал запах прелой листвы, а выдыхал что-то похожее на озон, на запах после грозы. Корни деревьев пульсировали под землей, как вены. Арден присел на корточки и приложил ладонь к земле.

Вибрация ударила по руке. Это был ритм, сложный, многослойный. Сердцебиение леса. И поверх этого ритма, диссонансом, звучало что-то чужое. Как фальшивая нота в идеальном хоре. Арден нахмурился, водя ладонью по мху. Там, чуть левее тропы, под слоем опавших листьев, магия была... изломана. Она не текла плавно, она билась в конвульсиях.

Он разгреб листья носком сапога. Под ними обнажилась земля, но она была не коричневой. Она была черной, спекшейся, как стекло, и от неё шел жар, хотя внешне она казалась холодной. Арден отдернул руку. Он вспомнил слова бабушки: «Если почувствуешь, что земля становится слишком тяжелой — остановись». Здесь земля была тяжелой от горя. Это было место, где кто-то применил магию не для созидания, а для разрушения. Или где магия вырвалась из-под контроля.

Он обошел это место по широкой дуге, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Теперь он понимал. Лес не просто рос. Он помнил всё. Каждое заклинание, каждый всплеск силы оставлял шрам. И его собственная «искра», этот спящий зверь внутри, обнюхивала эти шрамы, как собака обнюхивает следы.

Тропа начала забирать вверх, в холмы. Деревья здесь сменились старыми, узловатыми дубами. Их ветви были так переплетены, что образовывали естественные арки. Арден шел под ними, и ему казалось, что он идет внутри гигантского собора. Свет здесь стал золотым, густым, в нем плясали пылинки, которые не падали вниз, а кружились в медленном танце.

Именно здесь, у огромного дуба, чья крона, казалось, подпирала само небо, Арден увидел её.

Сначала он услышал звук. Не пение птиц, не шелест ветра. Это был звук металла, ритмичный, но сбивающийся с такта. Цок. Цок. Дзынь. Цок. Словно кто-то ехал верхом, но лошадь была подкована неправильно, или всадник был ужасно неуклюжим.

Арден замер за стволом, сжав в руке узелок. Его сердце

заколотилось где-то в горле. После всего, что рассказала бабушка, он ожидал встретить чудовище. Смотрителя с горящими глазами или лесного духа.

Из-за поворота тропы выехала девушка.

Она была примерно его возраста, может, на год старше. Её лошадь — крепкая, рыжая кобылка с белой проточкой на лбу — фыркала и косила глазом на кусты. Девушка же выглядела так, словно её нарядили для ярмарки, но забыли сказать, что придется ехать через бурелом. На ней было темно-синее дорожное платье хорошего кроя, из-под которого виднелись добротные кожаные штаны — явно надетые в последний момент и не привыкшие к такому соседству. Дорожный плащ был заколот на плече массивной серебряной брошью в виде книги.

Но самое главное — её лицо. Оно было бледным, но не от природы, а от волнения. Губы были закушены, а в огромных серых глазах плескался такой коктейль из восторга и ужаса, что Арден невольно улыбнулся. Она была похожа на него самого — человека, которого вытряхнули из привычной жизни и бросили в реку, не научив плавать.

Девушка в этот момент пыталась достать что-то из седельной сумки. Её руки дрожали. Она потянулась за флягой, про-

махнулась, и фляга упала в дорожную пыль.

— Да чтоб тебя! — вырвалось у неё с такой искренней досадой, что Арден не выдержал и вышел из-за дерева.

— Она не кусается, — сказал он. — Пыль.

Девушка вздрогнула так резко, что чуть не свалилась с седла. Её рука метнулась к поясу, где висел короткий кинжал в потертых ножнах. Но, увидев Ардена — обычного мальчишку в застиранной рубахе, с соломой в волосах и узелком за спиной, — она расслабилась. Щеки её залил густой румянец.

— Ты меня напугал! — выдохнула она, спешиваясь и поднимая флягу. — Я думала, это Смотритель. Или... не знаю. Говорят, в Старом лесу водятся гончие тумана.

— Гончие тумана? — переспросил Арден, принимая у неё флягу, чтобы помочь закрутить крышку. Его пальцы случайно коснулись её пальцев — они были горячими. — Бабушка про таких не рассказывала.

— А твоя бабушка... она из Академии? — девушка взяла флягу обратно и сделала большой глоток. Вода плеснула на подбородок, и она раздраженно вытерла его рукавом.

— Нет. Она просто... бабушка, — Арден отвел взгляд, снова вспомнив утреннее лицо старухи. — Я из деревни. Из Лисьей Пади.

— О, — девушка посмотрела на него с новым интересом, в котором смешались легкое презрение городского жителя и любопытство. — Я думала, оттуда только свиней гонят на ярмарку. Меня зовут Кира. Кира Вэнс.

Она произнесла это с гордостью, чуть вскинув подбородок. Имя «Вэнс» явно что-то значило. Арден пожал плечами.

— Арден.

— Просто Арден? — Кира вскинула бровь. — Ни рода, ни дома?

— Просто Арден, — подтвердил он. — А ты... ты не похожа на деревенскую.

Кира фыркнула, запрыгивая обратно в седло. Лошадь переступила с ноги на ногу, недовольная тем, что её дернули за повод.

— Я из торгового квартала Столицы. Мой отец — поставщик специй для кухни Академии. Он говорит, что еда — это единственное, что может смягчить сердце старого маги-

стра Эразмуса. Я еду поступать на факультет Артефакторики. Или Целительства. Я еще не решила. А ты?

— Меня не спросили, — хмыкнул Арден, пристраиваясь рядом и шагая по обочине. — Пришло письмо. Сказали, присутствие обязательно.

Кира резко натянула поводья. Лошадь недовольно всхрапнула.

— Что? Тебя тоже... принудительно? Я думала, я одна такая. У меня отец в Совете не последний человек, но даже он не смог выбить для меня «добровольное» приглашение. Сказал, что моя искра «буйная» и «неконтролируемая», и если я не поеду, они пришлют конвоиров.

Она говорила быстро, глотая слова, словно боялась, что если остановится, то заплачет. Арден смотрел на неё и видел зеркало. Его собственные страхи, которые он утрамбовывал внутрь всю дорогу, вдруг показались на поверхности.

— У меня бабушка плакала, — тихо сказал Арден. — Сказала, что если я не поеду, они придут сами. И она меня не защитит.

Кира помолчала, глядя на уши своей лошади. Рыжая челка кобылки дергалась в такт шагам.

— Они пугают нас, — наконец сказала она, но в голосе не было уверенности. — Чтобы мы знали свое место. Мой отец говорит, что Академия — это порядок. Что магия без дисциплины — это пожар в соломенном сарае. Но я видела, как он сам колдует. Он зажигает свечи щелчком пальцев, и в его глазах... в его глазах в этот момент нет никакого порядка. Там только... голод. Жадность до силы.

Арден слушал её и понимал, что его «искра» внутри, которая до этого просто дремала, сейчас проснулась и начала прислушиваться. Она узнавала родственную душу. Искра Киры была похожа на костер — яркая, трескучая, рвущаяся наружу. Арден чувствовал её тепло даже на расстоянии шага. Его же собственная искра была другой — глубокой, темной, похожей на подземную реку. Она не хотела гореть, она хотела течь.

— Ты боишься? — спросил Арден.

Кира посмотрела на него сверху вниз. Солнце наконец пробилось сквозь кроны и осветило её лицо, заставив серые глаза казаться почти серебряными.

— Я в ужасе, — честно призналась она. — Я боюсь, что я бездарность. Что они дадут мне эти тесты, я ничего не смогу сделать, и меня вышвырнут с позором. Отец тогда... он будет разочарован. Это хуже, чем если бы он злился. А ты? Ты

боишься?

Арден пнул попавшийся под ноги камешек. Тот улетел в кусты, но не просто упал, а рассыпался в облачко золотистой пыли, которая медленно осела на папоротник. Арден моргнул. Он даже не пытался этого делать.

— Я боюсь, что я не бездарность, — сказал он, глядя на свои руки. — Бабушка сказала, что моя искра... особенная. Слишком сильная. Она прятала её от Совета десять лет. Заклинаниями и кровью. Я боюсь, что когда я приду туда, эта дверь, которую она держала закрытой, просто сорвет с петель. И я не знаю, что оттуда выйдет.

Кира молчала долго. Так долго, что они успели пройти мимо зарослей дикой малины, ягоды на которой светились в полумраке леса мягким фиолетовым светом. Наконец она остановила лошадь.

— Слезай, — сказала она.

— Что?

— Слезай. Пешком пойдем. Моя Звездочка устала. Да и... так разговор честнее.

Она спрыгнула на землю с неожиданной грацией, похло-

пала кобылу по шее и привязала её к ветке. Арден молча принял повод. Кира оказалась чуть ниже его ростом, когда стояла рядом. Она развязала свой узелок — куда более богатый, чем у него, с вышитыми инициалами — и достала два яблока.

— Держи, — она протянула одно Ардену. — Из нашего сада. Они с кислинкой, но после дорожной пыли — самое то.

Яблоко было холодным и хрустнуло на зубах с такой силой, что у Ардена свело скулы. Кислый сок потек по подбородку. Это было настолько по-человечески, настолько обыденно, что лед в его животе, который не таял с самого утра, чуть подтаял.

— Мой отец говорит, что страх — это лучший индикатор силы, — сказала Кира, жуя свое яблоко. — Если тебе страшно, значит, есть чего терять. Значит, ты живой. Те, кому всё равно... те и есть настоящие монстры.

— Твой отец мудрый, — заметил Арден.

— Он хитрый, — поправила Кира. — Но я всё равно боюсь. А ты?

— Я тоже, — признался Арден. — Но я боюсь не экзаме-

на. Я боюсь, что узнаю, что с родителями. Бабушка сказала... она сказала, что они не утонули. Что за ними пришли.

Кира перестала жевать. Яблоко замерло в её руке.
— Пришли? Кто?

— Она не знает. Или не говорит. Но она сказала, что мои родители были... изгоями. Что Совет их вычеркнул.

Кира медленно опустилась на поваленное дерево, с которого уже сошел мох. Она смотрела на свои руки, на яблоко, на дорогу.
— Изгои, — повторила она шепотом. — Мой отец никогда не произносит это слово. Он говорит «отрекшиеся». Это те, кто отказался подчиняться Уставу. Кто использовал магию для... для свободы, а не для службы. Их не казнят. Это было бы слишком просто. Их просто стирают. Из архивов, из памяти, из истории. Как будто их никогда не было.

— Значит, мои родители — призраки, — горько усмехнулся Арден, садясь рядом. — Удобно.

— Нет, — Кира вдруг повернулась к нему, и её глаза блеснули сталью. — Призраки — это те, кто сидит в Совете и делает вид, что они святые. А твои родители... они просто ушли в тень. И если твоя искра такая сильная, как говорит

твоя бабушка, значит, ты — их продолжение.

Она протянула руку и дотронулась до медальона на груди Ардена. Того самого, что висел на потертой жилке. Бронза была теплой.

— Что это?

— Не знаю. Бабушка сказала, это от матери. Узор такой же, как на печати письма.

Кира наклонилась, рассматривая гравировку. Спираль, ветвь, глаз.

— Это знак Дома Зрящих-в-Тьму, — вдруг сказала она так тихо, что Арден едва расслышал. — Мой отец торгует с ними. Точнее... торговал. Они поставляют редкие реагенты. Но они... они не такие, как мы. Они живут в Северных Пределах. Там, где ночь длится полгода. Говорят, они видят не то, что есть, а то, что будет. Или то, что могло бы быть.

Арден сглотнул. Название Дома ничего ему не говорило, но то, как Кира это произнесла — с придыханием и опаской — заставило его кожу покрыться мурашками.

— Лес меняется, — вдруг сказал Арден, меняя тему. Ему нужно было перевести дух. — Ты не чувствуешь?

Кира огляделась. Она прищурилась, и на мгновение её зрачки вытянулись в вертикальные щели, как у кошки, а радужка полыхнула желтым. Она тут же зажмурилась и потрясла головой, возвращая себе нормальный вид.

— Прости, — пробормотала она, краснея. — Иногда оно само... Да, я чувствую. Мы на Границе.

Тропа в этом месте действительно изменилась. Деревья здесь стояли так ровно, словно их высаживали по линейке. Между стволами висели нити паутины, но они не были серыми. Они были серебряными и тихо гудели, как высоковольтные провода. Воздух здесь пах озоном и чем-то сладковатым, похожим на жженый сахар.

— Здесь Смотрители любят патрулировать, — прошептала Кира, инстинктивно прижимаясь к Ардену. Он почувствовал, как её плечо дрожит. — Если нас увидят...

— Мы просто идем в Академию, — сказал Арден, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — У нас есть письма.

— Письма не спасают от Смотрителей, если те решат, что ты «угроза», — возразила Кира. — Мой отец говорил, что они чувствуют страх. Как акулы чуют кровь.

Арден посмотрел на неё, потом на свои руки. Внутри него

ворочалась та самая темная река. Она не боялась. Она была дома в темноте.

— Не смотри на них, — вдруг сказал Арден. — Смотри на меня.

Кира перевела на него испуганный взгляд.

— Что?

— Если они смотрят на нас, мы не должны смотреть на них, — Арден сам не знал, откуда берутся эти слова. Они просто текли, как та река. — Страх — это открытая дверь. А мы закроем двери. Давай... расскажи мне про артефакты. Как они работают? Только по-настоящему, не как в учебниках.

Кира моргнула. Её страх не исчез, но он отступил на второй план, потесненный любопытством. Это было видно по тому, как она выпрямилась.

— Ну... — она задумалась, теребя косу. — По-настоящему... Артефакт — это не просто предмет с заклинанием. Это... это как брак. Между вещью и магом. Ты должен убедить вещь, что она хочет делать то, что хочешь ты. Если вещь сопротивляется — она взорвется. Если ты давишь — она сломается. Нужно... нужно её уговорить.

Она говорила всё быстрее, жестикулируя свободной ру-

кой. Серебряные нити паутины вокруг них, казалось, начали вибрировать в такт её голосу.

— Вот, например, брошь у меня на плече. Это не просто застежка. Внутри неё живет дух-холод. Маленький такой, злой. Он любит тишину. Если я прошу его заморозить воду, я не приказываю. Я прошу его вспомнить, как хорошо спится зимой под снегом. И он делает это, потому что хочет спать. Понимаешь?

Арден кивнул. Он понимал. Его искра понимала. Это было похоже на то, как он уговаривал козу Марту зайти в хлев. Не силой, а лаской.

— А ты? — спросила Кира, внезапно оборвав себя. — Что умеешь ты? Бабушка что-нибудь учила?

Арден посмотрел на свои ладони. Он вспомнил след на земле. Вспомнил, как земля стала мягкой.

— Я могу... слушать, — сказал он неуверенно. — Землю. Лес. Я не знаю, как это назвать. Я чувствую, где магия... болит.

Он протянул руку к ближайшей серебряной нити паутины. Кира дернулась, чтобы его остановить, но он уже коснулся её кончиками пальцев.

Нить не обожгла. Она не была холодной. Она была живой.

Под пальцами Ардена она завибрировала, и вибрация передалась в кости руки. Он закрыл глаза.

Паутина была сетью. И эта сеть ловила не мух. Она ловила звуки.

Арден услышал, как далеко-далеко, за много лиг отсюда, в чаще, спит медведь. Он слышал, как бьется сердце совы в дупле. Он слышал, как растет гриб, разрывая мох своими клетками. И поверх всего этого — он услышал шаги.

Далеко впереди, на основной дороге, по которой им предстояло идти, двигались люди. Много людей. Их шаги были слишком ритмичными, слишком тяжелыми для путников.

— Кира, — тихо позвал Арден, не открывая глаз. — Там, впереди. Кто-то есть. Человек десять. Идут в сапогах с железными набойками.

Кира побледнела так, что веснушки на её носу стали черными.

— Смотрители, — выдохнула она. — Сапоги стражи Академии. Они... они ищут нас?

— Они идут нам навстречу, — сказал Арден. Он открыл глаза. Паутина в его руке погасла. — Они знают, что мы здесь.

Кира вскочила. Её лицо исказилось паникой.

— Бежать? В чащу? Звездочка не пройдет...

— Нет, — Арден тоже встал. Его голос звучал странно — низко и спокойно, совсем не так, как он себя чувствовал. — Если побежим — они поймут, что мы боимся. Акиулы чуют кровь, помнишь? Мы просто идем. Мы — ученики. У нас есть письма. Мы идем в Академию. И мы не боимся.

Он сам не верил в то, что говорил. Его сердце колотилось где-то в ушах. Но та темная река внутри него стала спокойной. Она была глубже их страха.

Он взял лошадь под уздцы.

— Пойдем, Кира. Расскажи мне еще про духов-холод. Как их уговаривать.

Они вышли из-под серебряных нитей на широкую просеку. Солнце ударило по глазам. И там, в конце просеки, из-за поворота показались фигуры в серых плащах. На груди каждого мерцал серебряный знак — раскрытая книга, из которой рос терновый венец.

Смотрители.

Их было двенадцать. Они шли молча, и их плащи не шелестели, хотя дул ветер.

Арден почувствовал, как Кира вцепилась в его рукав до побеления костяшек. Но она не издала ни звука. Она смотрела прямо перед собой, высоко подняв подбородок.

Арден шагнул вперед, выходя чуть вровень с лошадью, словно пытаясь загородить девушку. Он не знал, откуда взялась эта смелость. Или глупость. Он просто знал, что если он сейчас дрогнет, та дверь, которую держала бабушка, действительно сорвет с петель, и она сорвет её от ужаса. А он должен был встретить этот ужас спокойно.

Старший из Смотрителей — у него не было волос, а кожа была бледной, как у утопленника — остановился в десяти шагах. Его глаза были цвета застоявшейся воды.

— Путники, — его голос был сухим, как шелест пергамента. — Остановитесь.

Арден остановился. Кира замерла рядом, её лошадь испуганно прижала уши.

— Предъявите свои подорожные грамоты и письма о зачислении, — продолжил Смотритель. Его взгляд скользнул

по Ардену, по его простой одежде, и задержался на медальоне. Бровь Смотрителя едва заметно дрогнула.

Кира выступила вперед. Она дрожала, но голос её был звонким.

— Я — Кира Вэнс, дочь поставщика Совета. Вот моё письмо.

Она протянула свиток с такой гордостью, словно это был скипетр. Смотритель взял его двумя пальцами, даже не взглянув на печать, и передал стоящему рядом адепту.

— Арден, — сказал Арден, когда взгляд Смотрителя снова обратился на него. Он достал свой конверт, измятый и чуть влажный от пота ладони. — Письмо от Академии.

Смотритель взял конверт. Он повертел его в руках, изучая печать. Спираль, ветвь, глаз. Его лицо осталось непроницаемым, но Арден, смотревший не на лицо, а на руки, увидел, как напряглись сухожилия на запястье Смотрителя. Он знал этот знак. И он ему не нравился.

— Дом Зрящих, — произнес Смотритель. Это не был вопрос.

— Я не знаю, — честно ответил Арден. — Я из Лисьей

Пади.

— В Лисьей Пади нет магии, — отрезал Смотритель. — Там только куры и невежество.

— Я был невежественным, — согласился Арден. — До сегодняшнего утра.

В рядах Смотрителей прошелестел смешок. Сухой, безжизненный. Но это был смех. Старший Смотритель посмотрел на Ардена долгим, тяжелым взглядом. Он пытался пробиться сквозь его защиту, надавить волей. Арден почувствовал это давление — оно было похоже на тяжелый камень, положенный на грудь. Хотелось упасть на колени, сдаться.

Но он вспомнил бабушку. Её дрожащие руки. Он вспомнил Киру и её рассказ о духах-холодах. Уговорить. Не приказать.

Арден не стал сопротивляться давлению силой. Он просто... выдохнул. Он позволил камню упасть. Но падал он не в пустоту, а в ту самую темную реку. Камень исчез в глубине, не оставив даже кругов на воде.

Смотритель моргнул. На мгновение в его глазах цвета стоячей воды отразилось удивление.

— Твой дар спит, мальчик, — сказал он наконец, возвращая Ардену письмо. — Но он пахнет кровью. И старой магией. Будь осторожен в Академии. Там много тех, кто любит вырывать клыки у спящих волков.

— Я запомню, — кивнул Арден.

Смотритель перевел взгляд на Киру.

— Вэнс. Твой отец предупреждал о твоей... несдержанности. Не опозорь его. И не вздумай поджигать библиотеку в первую же неделю.

Кира вспыхнула, но лишь кивнула.

— Я постараюсь, старший.

— Свободны, — бросил Смотритель. — До Академии три часа пути. Если сойдете с Тракта в сторону Границы — Стая разорвет вас быстрее, чем вы успеете позвать на помощь. Тропа сама знает, куда вести. Не сворачивайте.

Они развернулись и пошли дальше, так же бесшумно, как и появились. Их плащи сливались с тенями леса, и через минуту казалось, что их и не было. Только воздух на просеке еще долго пах озоном и железом.

Кира выдохнула так громко, что лошадь под ней всхрапнула. Она осела на землю прямо там, где стояла, словно из неё вынули кости.

— Они... они просто... отпустили нас, — прошептала она, глядя на Ардена огромными глазами. — Ты видел? Он смотрел на тебя, как на ядовитую змею. А тебя — отпустил.

Арден опустился рядом, чувствуя, как дрожат колени. Только сейчас, когда опасность миновала, страх догнал его. Руки ходили ходуном.

— Он смотрел на медальон, — сказал Арден, пытаясь унять дрожь. — Он знает этот Дом.

— Он знает, что ты — проблема, — Кира вдруг схватила его за руку. Её хватка была железной. — Арден, ты понимаешь? Они испугались. Смотрители. Испугались мальчишку в обносках. Твоя бабушка... она не просто спрятала тебя. Она спрятала оружие. И теперь это оружие везут прямо в сердце Совета.

Арден посмотрел на свою руку в её руке. Потом на лес вокруг. Деревья снова стали просто деревьями. Птицы снова запели. Но мир уже никогда не будет прежним.

— Значит, — сказал он, сжимая её руку в ответ, — я должен научиться им пользоваться. Прежде чем оно воспользу-

ется мной.

Кира улыбнулась. В этой улыбке не было страха. Только азарт.

— Вот это настрой, — сказала она, поднимаясь и отряхивая платье. — Ну что, ученик? До Академии три часа. Расскажи мне, что еще ты чувствуешь в этом лесу? Я хочу знать всё. А потом я научу тебя уговаривать огонь. По-настоящему.

Они снова двинулись в путь. Солнце поднялось выше, разгоняя последние клочья тумана. Дорога впереди была широкой и светлой, но Арден знал, что это лишь иллюзия. Лес всё ещё был полон шрамов, а его собственная искра только начинала просыпаться, потягиваясь после долгого сна. И где-то там, в конце этого пути, ждала Академия — место, где решится, станет ли он хозяином своей силы или её первой жертвой. Но теперь он был не один. Рядом шла девушка, чья магия была похожа на костер, и у него в кармане лежало письмо, пахнущее неизбежностью. Впервые за этот бесконечный день Арден улыбнулся по-настоящему.

Глава 4. Первые ворота

Тракт закончился внезапно.

Он не оборвался ямой или тупиком. Просто в какой-то момент плотно подогнанные друг к другу вековые дубы Старого леса расступились, словно их раздвинули гигантской рукой, и перед Арденом и Кирой открылась Долина Академий.

После полумрака, паутины и запаха прелой листвы, свет ударил по глазам с такой силой, что Арден зажмурился, пошатнувшись. Воздух здесь был другим. В лесу он был густым, пахнущим землей и тревогой. Здесь же он был стерильным, прохладным и звенящим, как стекло. В нем не было запахов — ни цветов, ни пыли, ни человеческого пота. Только едва уловимый озоновый привкус, который Арден уже начинал узнавать как запах чистой, концентрированной магии.

Они стояли на вершине пологого холма. Вниз, на многие мили вперед, расстилалась идеально круглая долина, окаймленная горами, вершины которых были покрыты вечными снегами, хотя на дворе стоял теплый месяц травень. В центре этой долины, словно корона, брошенная на бархат, возвышалась Академия.

У Ардена перехватило дыхание. Он ожидал увидеть замок. Высокие стены, башни, рвы — что-то похожее на крепости баронов, о которых пели менестрели на зимних ярмар-

ках. Но это было нечто иное.

Здание не имело крепостных стен. Оно вообще не казалось зданием в привычном смысле. Это был единый монолит из белого и черного камня, который изгибался двумя исполинскими полукружьями, образуя гигантскую чашу, обращенную к небу.

Левое полукружие, уходящее к восходящему солнцу, было слепящим. Оно было построено из материала, похожего на молочное стекло или отполированный до зеркального блеска кварц. «Крыло Света», — догадался Арден. Оно не просто отражало свет, оно его излучало. Даже смотреть на него долго было больно, казалось, что камень пульсирует теплом и радостью.

Правое полукружье, тонущее в тени гор, было его полной противоположностью. Оно поглощало свет. Оно было сделано из обсидиана — гладкого, вулканического стекла, в котором не было ни единого блика. «Крыло Тени». Оно казалось пустотой, дырой в пространстве, выточенной в форме идеальной дуги. Но эта пустота была живой. Арден прищурился и увидел, как по черной поверхности медленно текут струйки фиолетового и темно-синего пламени, не горя, но освещая саму тьму.

Два крыла соединялись в центре огромной аркой, под которой виднелся вход — темный провал, ведущий во внутренний двор.

— Мать честная... — выдохнула Кира, нарушая звенящую тишину. Она вцепилась в поводья своей Звездочки так, что побелели костяшки. — Отец говорил, что она большая. Но это... это же целый город.

— Это пугает, — честно признался Арден. Его «искра» внутри, обычно дремлющая, сейчас металась в панике. Она чувствовала океан силы, запертый в этих стенах, и этот океан был в тысячи раз больше, чем она сама.

— Пугает? — Кира нервно рассмеялась, но смех прозвучал истерично. — Арден, я сейчас описаюсь от восторга. Пошли. Если мы простоим здесь до заката, Смотрители решат, что мы — арт-объект, и поставят нас в саду.

Они начали спускаться с холма. Дорога здесь была вымощена тем же странным камнем, что и само здание. Он был идеально ровным, без единой трещины, и, казалось, слегка пружинил под ногами, забирая усталость.

Чем ближе они подходили, тем яснее становились детали. На фасаде «Крыла Света» не было окон. Вместо них — ты-

сячи граней, которые работали как линзы, преломляя солнечный свет и пуская его внутрь здания радугами. «Крыло Тени» же имело окна, но они были узкими, как бойницы, и, казалось, смотрели не наружу, а вглубь самой ночи.

У подножия холма, перед огромной аркой входа, их встретила тишина. Ни стражи, ни ворот, ни цепей. Только два ряда мраморных статуй. Слева стояли фигуры в легких туниках, с книгами, посохами и ветвями в руках — застывшие в движении познания. Справа — фигуры в глухих доспехах, с опущенными забралами, сжимающие цепи и кривые клинки. Они не были страшными, но от них веяло такой холодной уверенностью, что Арден поежился.

— Статуи Предков, — тихо сказала Кира, указывая на них подбородком. — Говорят, это не камень. Это маги, которые согласились... законсервироваться, чтобы охранять вход. Не смотри им в глаза.

Арден и не собирался. Он смотрел на арку. Под ней, прямо в воздухе, не касаясь земли, висел обелиск.

Он был высотой в два человеческих роста, выточенный из цельного куска горного хрусталя. Но хрусталь этот не был прозрачным. Внутри него кипела субстанция, похожая на жидкое золото и расплавленное серебро, смешанные с чер-

нилами. Они не смешивались, образуя причудливые узоры, которые постоянно менялись. Обелиск гудел. Низкий, вибрирующий звук, который ощущался не ушами, а зубами и костями.

— Это и есть распределение, — прошептала Кира, спешиваясь. Она похлопала Звездочку по шее. — Дальше пешком. Животных забирают в стойла. Не бойся за неё, здесь лучшие конюхи в мире.

Арден кивнул, привязывая лошадь к специальному кольцу в стене. Он чувствовал на себе взгляды. Из арки начали выходить другие ученики. Их было несколько десятков — те, кто добрался до Долины раньше или быстрее. Они сбились в небольшие группы. Арден сразу заметил разницу: одни были одеты в шелка и бархат, с гербами на груди — дети знати. Другие, как он и Кира, выглядели проще. Но даже самый оборванный мальчишка здесь держался с достоинством, которое давалось либо великой кровью, либо великим страхом.

— Иди, — Кира подтолкнула его в спину. — Я после тебя. Не хочу, чтобы ты видел, если я... ну... упаду в обморок.

Арден глубоко вздохнул и шагнул под арку.

Холод.

Как только он переступил невидимую черту, звуки долины отрезало. Наступила абсолютная, звенящая тишина. Золотой гул обелиска стал единственным, что существовало. Арден подошел к нему на расстояние вытянутой руки.

Вблизи субстанция внутри камня выглядела еще более пугающей. Это была не жидкость. Это были тысячи крошечных душ, или искр, или воспоминаний, запертых внутри. Они тянулись к его ладони.

— Положи руку на вершину, — раздался голос.

Он не был громким. Он просто возник в голове Ардена, минуя уши. Спокойный, древний, без пола и возраста.

Арден сглотнул. Он посмотрел на Киру, которая стояла в тени арки, кусая губу и сжимая кулаки. Посмотрел на статуи, которые, казалось, чуть повернули головы в его сторону.

«Твоя искра спит, но она чуткая», — вспомнил он.

Он протянул руку. Его пальцы дрожали. Он коснулся вершины обелиска.

Ощущение было не таким, как с землей. Земля была мяг-

кой, податливой. Обелиск был твердым, как алмаз, но внутри него бился пульс.

Сначала ничего не происходило. Затем по руке Ардена пробежал разряд, похожий на укус пчелы. Золотая субстанция внутри камня всколыхнулась. Она потянулась к его ладони, словно любопытный зверь.

Внезапно по всему обелиску, от основания до вершины, пробежала ослепительно белая вспышка.

Свет.

Он был таким ярким, что Арден закричал бы, если бы мог издать звук. Это был не просто свет, это была чистота. Ощущение абсолютной правоты, порядка, тепла летнего полудня. Арден почувствовал, как его плечи распрямляются, как уходит страх. Ему захотелось смеяться, обнять весь мир, строить, лечить, созидать.

«Крыло Света», — понял он. Его тянет туда. Он — целитель? Созидатель?

Но в тот момент, когда он уже расслабился, поддаваясь этому сиянию, из глубины обелиска поднялась тень.

Она не была черной. Она была... густой. Как деготь. Как бархат. Она не гасила белый свет, она вплеталась в него. Белый луч начал меркнуть, становясь жемчужным, затем серебристым, и, наконец, в центре обелиска вспыхнул глубокий, фиолетово-черный огонь.

Тень.

Она не несла холода могилы. Она несла тайну. Она пахла озоном, старой бумагой, кровью и ночным небом. Она обещала не созидание, а знание. Не порядок, а свободу.

Арден замер. Внутри него началась война.

Его «искра», та темная река, узнавала этот фиолетовый огонь. Это было её эхо. Это была кровь его матери, кровь Дома Зрящих.

Но золотой свет... это было тепло бабушки. Это была безопасность. Это была ложь, в которой он жил десять лет, и которая казалась такой сладкой.

Обелиск гудел всё громче. Субстанция внутри него забурлила. Золотые и черные струи начали сплетаться в тугой узел прямо напротив сердца Ардена. Они не боролись. Они танцевали.

— Двойная искра, — снова прозвучал голос в голове, но теперь в нем было удивление. — Равновесие. Редчайший случай.

Арден открыл глаза. Он даже не заметил, когда закрыл их.

Обелиск перед ним пульсировал двумя цветами одновременно. Нижняя его половина была залита расплавленным золотом, верхняя — непроницаемым обсидианом. А ровно посередине, там, где его ладонь всё ещё касалась камня, горела точка, белая и черная одновременно. Как глаз. Как печать на его письме.

Жар и холод одновременно пронзили его ладонь. Обелиск втягивал его в себя. Арден почувствовал, как его сознание начинает растягиваться. Он видел вспышки: вот его мать, молодая и смеющаяся, держит в руках такой же свет. Вот дед, молчаливый, стоит в тени, и тень слушается его. Вот бабушка, плачущая над колыбелью, шепчет слова, которые запирают дверь.

— Достаточно, — голос в голове стал тверже.

Арден отдернул руку, но она не подчилась. Камень держал его. Не физически — пальцы были свободны. Но невидимая нить связала его ладонь с бурлящим хаосом внутри обелис-

ка.

Внезапно всё прекратилось.

Золотой свет втянулся в камень. Фиолетовая тьма последовала за ним. Обелиск снова стал просто гудящим куском хрусталя. Только на его вершине, там, где была рука Ардена, теперь горела метка.

Она была в форме глаза. Радужка была золотой, зрачок — черным, а белок — отсутствовал, там была лишь серая пустота.

Метка медленно впиталась в кожу. Она не жгла. Она стала частью его, как родимое пятно. Арден посмотрел на свои пальцы — они были целы. Только подушечка указательного пальца слегка онемела.

— Следующий, — произнес голос.

Арден, пошатываясь, вышел из-под арки. Ноги были ватными. Мир казался слишком тусклым после того света и той тьмы.

Кира стояла бледная как мел. Она смотрела на метку на руке Ардена.

— Что... что это значит? — прошептала она. — Я видела, как люди выходят либо с золотыми, либо с черными знаками. У тебя... у тебя что, лихорадка?

— Это значит, что я — проблема, — хрипло ответил Арден. — Двойная искра. Равновесие.

Кира сглотнула. Она шагнула к обелиску. Её рука, в отличие от руки Ардена, не дрожала. Она была твердой. Кира Вэнс знала, чего хочет.

— Только попробуй не дать мне Огонь, — процедила она сквозь зубы, обращаясь к камню, и припечатала ладонь к вершине.

Обелиск вспыхнул мгновенно. Не золотом. Багровым, яростным пламенем. Внутри камня заметались саламандры. Кира запрокинула голову, её волосы взметнулись, хотя ветра не было, а на лбу выступили капли пота. Огонь был красным, как кровь, и оранжевым, как кузнечный горн. Он ревел.

Но затем, словно отвечая на вызов, из основания обелиска поползли тонкие изумрудные лианы. Они оплели ноги Киры, её руку, начали подниматься по запястью. Багровый огонь встретился с зеленым соком.

Кира зарычала — низко, по-звериному. Она не пыталась оторвать руку. Она давила. Её воля была как таран.

— Я! — крикнула она (хотя звука не было, Арден слышал её в своей голове). — Я — Вэнс! Я — огонь!

Лианы дрогнули. Они начали высыхать, чернеть и осыпаться пеплом. Багровое пламя победило.

Вспышка.

Кира отшатнулась, едва не упав. На тыльной стороне её ладони теперь пылал знак: стилизованный язык пламени, внутри которого был заключен крошечный кристалл льда.

— Огонь и Лед, — констатировал голос в голове. — Конфликт. Но доминирует Пламя.

Кира посмотрела на свою руку, потом на Ардена. Её глаза горели ярче, чем её метка.

— Видел? — выдохнула она. — Он пытался меня заморозить! Я же говорила, что моя искра буйная.

Она схватила Ардена за плечо, её пальцы всё ещё были горячими от магии.

— А ты? Что у тебя? Покажи!

Арден показал свою ладонь. Серый глаз с золотой и черной радужкой.

Кира моргнула.

— Ты... ты Арден из Лисьей Пади? Мальчик, который слушает землю?

— Да, — Арден всё ещё чувствовал звон в ушах.

— Но это же... — она осеклась, глядя на вход в Академию. — Смотрители. Они уже идут.

Из-под арки, из полумрака, бесшумно вышли трое. Они не носили серых плащей, как патруль в лесу. На них были мантии цвета грозового неба, расшитые серебром. Двое мужчин и одна женщина. Их лица были бесстрастны, но глаза... глаза были слишком внимательными.

Один из них, высокий, с волосами цвета соли с перцем, посмотрел на Киру.

— Вэнс. Факультет Пирокинетики. Направо. Второе крыло. Инструктор ждет у Черной лестницы.

Кира просияла, как начищенная монета.

— Да, старший! — она подмигнула Ардену. — Не сожги

библиотеку раньше меня! — и быстрым шагом, почти вприпрыжку, направилась к правой, черной части здания.

Женщина в мантии перевела взгляд на Ардена. Её глаза были цвета грозовой тучи, но в них не было ни капли тепла.

— Арден. Без рода.

— Просто Арден, — поправил он.

— Двойная искра, — она произнесла это так, будто говорила о редкой, но опасной болезни. — Равновесие. Это... осложнение.

— Куда мне? — спросил Арден. Он чувствовал себя голым под этим взглядом.

Женщина переглянулась с мужчиной, у которого на лице был старый шрам, пересекающий бровь.

— В Центр, — наконец сказала она. — В Башню Стража. Ты не принадлежишь ни Свету, ни Тени. Ты — переменная. Твоим распределением займется лично Магистр Эразмус.

Арден почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

— Эразмус? Тот самый? О котором говорил отец Киры?

— Тот самый, — кивнула женщина. — Иди за мной. И не отставай. В коридорах Академии новички часто теряются. Навсегда.

Она развернулась и пошла к арке. Арден бросил последний взгляд на «Крыло Света» — оно манило его обещанием покоя. Затем на «Крыло Тени» — оно шептало о силе.

Ему не позволили выбрать.

Он пошел за женщиной в сером прямо в центр, под арку, где сходились золото и обсидиан. Туда, куда, как он начинал понимать, сходились все нити его проклятой, особенной крови.

Внутренний двор Академии не был вымощен камнем. Он был живой.

Арден ступил на траву и замер. Это был не газон. Это был ковер из тысяч крошечных цветов, которые поворачивали свои головки вслед за идущими людьми. Деревья здесь росли кронами вниз, их корни уходили в небо, а листья светились мягким лунным светом, хотя на дворе был день. Вода в фонтане, изображавшем схватку дракона с фениксом, текла вверх, распадаясь на дождь из светящихся бабочек, которые испарялись, не долетая до земли.

— Не смотри по сторонам, — не оборачиваясь, бросила инструктор. — Если будешь пялиться на каждое чудо, как деревенщина, тебя сожрет первый же портрет в коридоре.

— Портреты? — переспросил Арден.

— Они здесь не для красоты, — отрезала женщина. — Они следят.

Они пересекли двор. Арден старался смотреть под ноги, но его «искра» сходила с ума. Здесь магия не просто была в воздухе — она была архитектором. Стены дышали. Полы под ногами слегка пружинили, подстраиваясь под шаг, чтобы шаги учеников не нарушали тишину библиотеки на верхних этажах.

Они подошли к Башне Стража. Она стояла точно в геометрическом центре между двумя Крыльями, словно копье, пронзающее сердце мира. Башня была сделана из того же материала, что и обелиск — из живого хрусталя, в котором застыли вихри всех возможных цветов.

Вход в башню охраняли двое. Но это были не люди.

Это были големы. Высотой в три человеческих роста, вы-

кованные из металла, который менял цвет от медного до платинового. У них не было лиц — только гладкие маски с одним-единственным рубином во лбу. Когда Арден и его провожатая подошли, рубины вспыхнули, сканируя их.

— Арден. Равновесие, — пророкотал один из големов голосом, похожим на обвал в горах. — Допуск подтвержден. Магистр ожидает.

Внутри башня была полой. Арден ожидал увидеть лестницу, но вместо этого они шагнули на круглую платформу в центре зала. Пол под ними дрогнул, и они начали подниматься. Это был не лифт. Платформа просто плыла вверх, скользя вдоль стен без видимых механизмов, удерживаемая лишь силой воли самого здания.

Они поднимались мимо этажей. Арден видел лаборатории, где ученики в защитных очках смешивали жидкости, светящиеся ярче солнца. Видел библиотеки, где книги сами вылетали с полок и выстраивались в воздухе в затейливые фигуры. Видел дуэльные арены, где студенты сражались на шпагах из чистой молнии.

— Этаж Магистра, — сказала инструктор, когда платформа замедлилась.

Дверей не было. Стена просто растворилась, превратившись в туман, и они шагнули в кабинет.

Первое, что увидел Арден — это окно. Оно занимало всю противоположную стену. Но за ним не было Долины. За ним была Бездна. Черная, усыпанная звездами пустота, которая, казалось, дышала.

Второе — это запах. Старый пергамент, пыль, озон и... железо. Запах свежей крови.

— Оставь нас, Лира, — произнес голос из глубины комнаты.

Инструктор молча поклонилась и вышла, стена за ней снова стала твердой. Арден остался один на один с Магистром.

Эразмус сидел в огромном кресле, спиной к Ардену. Он не повернулся.

— Подойди, — сказал он. — Не бойся. Кровь на полу — не моя. Уже.

Арден сделал шаг. Его ноги налились свинцом. Он обошел кресло.

Магистр Эразмус был стар. Стар так, что, казалось, он пе-

режил саму смерть. Его кожа была похожа на сухой пергамент, натянутый на череп, но глаза... глаза были молодыми, яркими и абсолютно безумными. Один глаз был золотым, как расплавленный металл. Другой — черным, как дно колодца.

Он сидел, закинув ногу на ногу, и чистил длинным кинжалом под ногтями. На его коленях лежал раскрытый фолиант, страницы которого, казалось, были сделаны из тумана.

— Садись, — Эразмус кивнул на стул напротив. — Смотреть на тебя снизу вверх — вредно для моей шеи. И для твоего самомнения.

Арден осторожно сел. Стул был неудобным, жестким. Специально, чтобы гость не расслаблялся.

— Двойная искра, — Эразмус отложил кинжал и сложил пальцы домиком. — За последние триста лет было всего семь случаев. Четверо сошли с ума в первый же год обучения. Двое взорвали себя, пытаясь удержать баланс. Один... один стал величайшим Архимагом, которого видел мир, прежде чем исчезнуть в Пустоте. Хорошие шансы, мальчик. Мне нравится.

— Вы меня не боитесь? — вырвалось у Ардена.

Эразмус расхохотался. Смех был сухим, как шуршание листьев.

— Бояться? Тебя? — он подался вперед, и его золотые и черные глаза впились в Ардена. — Я не боюсь стихий, Арден. Я боюсь посредственности. А ты... ты — аномалия. А аномалии либо разрушают мир, либо переписывают его законы. Я — историк. Мне нужны оба варианта.

— Почему я здесь? — спросил Арден. — Почему не в Крыле?

— Потому что Крылья — это для тех, кто умеет выбирать, — Эразмус щелкнул пальцами. В воздухе перед ним возникла проекция: карта Академии. Левая сторона сияла белым, правая — чернела. — Свет и Тень. Порядок и Хаос. Созидание и Разрушение. Совет любит эти сказки. Они делят мир пополам, потому что так легче править. Но ты... ты — Равновесие. Ты — Серый. Ты — Истина. А Истина всегда находится в центре. Между двумя фанатиками.

— Я не чувствую себя истиной, — тихо сказал Арден. — Я чувствую себя ошибкой. Бабушка десять лет прятала меня. Она говорила, что моя искра слишком сильная.

— Бабушка была дурой, — спокойно сказал Эразмус. —

Любящей, испуганной, но дурой. Она пыталась запереть океан в чайной чашке. Естественно, чашка треснула. Твоя искра не сильная. Она полная. У других есть половина. У тебя — всё.

Он встал. Его движения были плавными, пугающе легкими для такого древнего человека. Он подошел к окну в Бездну.

— Смотри туда, Арден. Что ты видишь?

— Звезды, — ответил Арден. — Темноту.

— Ты видишь Пустоту, — поправил Эразмус. — Первородный хаос. Из него всё пришло и в него всё уйдет. Крыло Света боится её. Крыло Тени хочет её сожрать. А ты... ты можешь с ней говорить.

Эразмус повернулся.

— Твои родители, Мира и Тарен. Они не были предателями, как говорит твоя выжившая из ума старуха. Они были Реформистами. Они понимали, что Совет прогнил. Свет стал слеп, а Тень — ядовита. Они хотели вернуть магию людям. Не Совету.

— Бабушка сказала, они исчезли.

— Они не исчезли, — Эразмус поморщился. — Их стерли. Совет использует магию Памяти. Они вырезали твоих родителей из реальности. Но кровь... кровь помнит. Твоя мать была из Дома Зрящих. Она видела вероятности. Она спрятала тебя там, где Смотритель не стал бы искать — в грязи и навозе Лисьей Пади. Она знала, что однажды твоя искра проснется. И когда она проснулась, ты потянул за собой всё это... — он обвел рукой кабинет. — Всю эту махину.

— Что вы от меня хотите? — спросил Арден. Голос его сел.

— Я хочу, чтобы ты выжил, — Эразмус вернулся к столу. — Я хочу, чтобы ты учился. Но ты не будешь учиться с ними.

Он достал из ящика стола два предмета.

Первый — серебряный ключ, холодный и тяжелый.

Второй — кольцо. Простое железное кольцо, тусклое, без камней.

— Это, — Эразмус подтолкнул ключ, — от твоих покоев. Ты будешь жить в Цитадели Равновесия. Это этаж между Крыльями. Там нет ни белого, ни черного. Там только серый. Тебе там будет... неприятно. Твоя магия будет постоянно пытаться перекосить баланс. Тебя будет тошнить. Голова будет раскалываться. Это цена.

Он подвинул кольцо.
— А это — мой глаз.

Арден взял кольцо. Оно было ледяным.
— Что оно делает?

— Оно позволяет мне видеть то, что видишь ты. Слышать то, что слышишь ты. Я буду твоим наставником. Лично. Если ты попытаешься убить себя — я узнаю. Если кто-то попытается убить тебя — я узнаю. Если ты узнаешь что-то интересное — я узнаю первым.

Эразмус наклонился через стол, его лица стало серьезным, исчезла безумная усмешка.
— Ты — оружие, Арден. Или инструмент. Совет будет пытаться использовать тебя. Смотрители будут пытаться убить тебя. Твои сокурсники будут либо бояться тебя, либо завидовать. Но запомни: в этой Академии нет друзей. Есть только союзники. И я — самый опасный союзник, который у тебя может быть.

— Почему вы мне помогаете? — спросил Арден.

Эразмус откинулся в кресле и снова начал чистить ногти.
— Потому что, мальчик, мне скучно. Я правлю этой баш-

ней уже сто лет. Я видел, как рождаются и умирают династии. Ты — единственное непредсказуемое событие за последнее десятилетие. А непредсказуемость... — он улыбнулся, показывая зубы, — это самая дорогая валюта в мире магии.

Внезапно воздух в кабинете сгустился. Тени в углах стали глубже. Золотой глаз Эразмуса вспыхнул.

— А вот и первые проблемы, — прошептал он. — Иди к себе. Ключ откроет дверь в конце западного коридора. Кольцо... просто надень. Оно само найдет палец.

Арден встал. Ноги всё ещё дрожали, но теперь это была не только усталость. Это был страх, перемешанный с азартом.

— Что за проблемы? — спросил он, уже идя к стене, которая должна была стать дверью.

— Кира Вэнс, — ответил Эразмус, не отрываясь от своих ногтей. — Она только что попыталась поджечь портрет основателя Академии в коридоре. Кажется, вы подружитесь.

Арден невольно усмехнулся. Впервые за этот бесконечный день он почувствовал что-то похожее на уверенность.

Он шагнул в стену.

За ней был коридор. Серый. Не белый, не черный. Цвет пепла. Цвет сумерек.

Арден надел кольцо. Металл на пальце потеплел, и в затылке возникло легкое покалывание. Словно кто-то невидимый сел ему на плечо и тяжело вздохнул.

Он нашел дверь в конце коридора. Она была сделана из дуба, но дуб этот рос корнями внутрь комнаты. Арден вставил серебряный ключ. Замок щелкнул, и дверь открылась.

Комната была круглой. В ней не было углов. Стены плавно перетекали в потолок. Мебели почти не было — только кровать, утопленная в полу, и стол, который рос прямо из стены. За огромным окном, вместо неба, медленно вращалась галактика.

Арден подошел к окну. Он был в самом центре бури. Между Светом и Тенью.

Он посмотрел на свою руку. Метка-глаз пульсировала в такт его сердцу.

— Ну что ж, — сказал он в пустоту. — Посмотрим, кто кого взорвет первым.

Где-то внизу, в недрах «Крыла Тени», раздался приглушенный взрыв и яростный крик Киры Вэнс, перекрывающий треск горящего дерева. Арден улыбнулся.

Академия приняла его. И она уже начинала гореть.

Глава 5. Распределение и первые правила

Башня Стража внутри оказалась не башней.

Когда Арден переступил порог кабинета Магистра Эразмуса, чувство дезориентации, начавшееся еще у обелиска, только усилилось. Архитектура этого места издевалась над здравым смыслом. Потолок находился там, где должен быть пол, а окна выходили не на Долину, а в бесконечную черную пустоту, где медленно дрейтовали галактики, похожие на капли пролитого молока. Воздух здесь был густым, пахнущим озоном, старым пергаментом и чем-то металлическим — кровью, которая давно засохла, но оставила свой призрак в запахе.

Эразмус не предложил ему сесть. Он стоял у того самого окна в Бездну, сцепив руки за спиной. Его мантия цвета грозового неба казалась сшитой из самой ночи. Золотой и черный глаза смотрели на Ардена немигающе.

— Садись, — наконец бросил он, не оборачиваясь. — И перестань пытаться понять, где верх, а где низ. В этой комнате гравитация — это просто вежливая просьба, а не закон.

Арден опустился в кресло, которое, казалось, было сделано из застывшего дыма. Оно приняло форму его тела, но было настолько неудобным, что сидеть в нем было актом постоянного напряжения.

— Ты видел Обелиск, — сказал Эразмус, всё так же глядя в окно. — Ты видел, как он разделил мир на две половины. Золото и Обсидиан. Порядок и Хаос. Созидание и Разрушение.

— Я видел, как они танцевали, — тихо ответил Арден. — Вместе.

Эразмус издал сухой, лающий смешок.

— Танцевали. Да. Как волк танцует с овцой, когда решает, с какой ноги начать есть. Совет любит эту сказку о Равновесии, мальчик. Им нравится думать, что Свет и Тень — это инь и ян, две половинки одного сердца. Это красивая ложь для первокурсников.

Он резко развернулся. Его золотой глаз вспыхнул, осве-

щая глубокие морщины на лице.

— В реальности, Арден, Свет и Тень ненавидят друг друга. Не как политические партии. Как виды. Как огонь и вода. Они не могут существовать в одном пространстве без того, чтобы не попытаться уничтожить друг друга. Поэтому мы их разделяем.

— Разделяете? — переспросил Арден.

— Академия разделена надвое, — Эразмус подошел к столу. Из воздуха перед ним материализовалась проекция здания. — Левое крыло — «Крыло Света». Там преподают Пирокинетику, Целительство, Световую манипуляцию. Там учат строить, лечить, защищать. Там царит дисциплина, сравнимая с армейской. Студенты спят по четыре часа, встают до рассвета и называют друг друга «Брат». Они верят, что магия — это дар, который нужно отработать служением.

Изображение сместилось.

— Правое крыло — «Крыло Тени». Там преподают Некромантию, Иллюзии, Пространственный разлом. Там учат убивать, лгать и переступать границы. Там нет расписания. Там есть только дедлайны, которые обычно заканчиваются смертью студента. Там царит дарвинизм в чистом виде. Сильный ест слабого. Студенты называют друг друга по кличкам, которые режут слух, и спят с кинжалом под подуш-

кой.

— А Центр? — спросил Арден, глядя на узкую перемычку между крыльями.

— А Центр — это ты, — Эразмус ткнул в проекцию длинным пальцем. — Это Цитадель Равновесия. Нейтральная полоса. Там нет ни белого мрамора, ни черного обсидиана. Там всё серое. Там всё... болезненное. Твоя магия, Арден, — это ошибка системы. Обелиск должен был выплюнуть тебя либо в левое, либо в правое крыло, перекосив твою природу в одну сторону. Но твоя кровь... кровь Дома Зрящих... она слишком густая. Она помнит обе стороны. Ты не можешь выбрать. И если ты попытаешься жить в Крыле Света, твоя Тень сведет тебя с ума. Если в Крыле Тени — твой Свет сожжет тебя изнутри.

Эразмус щелкнул пальцами. Проекция исчезла.

— Поэтому ты будешь жить здесь. В Башне. Ты будешь учиться по индивидуальной программе. Ты будешь ходить на лекции и в левое, и в правое крыло. Но ты никогда, слышишь меня, никогда не будешь использовать обе силы одновременно. Слияние Света и Тени — это не Равновесие. Это Аннигиляция. Маленький Большой Взрыв. Твоя дипломная работа может стать кратером, на месте которого будет новая гора.

Он наклонился через стол. Его лицо оказалось в дюймах от лица Ардена.

— Ты на особом учете. Тебя нет в общих списках. Для Крыла Света ты — «Проект Тень». Для Крыла Тени — «Проект Свет». Если они узнают, что ты можешь быть и тем, и другим, они разорвут тебя на куски, чтобы изучить, как ты устроен. Твоя жизнь здесь — это хождение по канату над пропастью с завязанными глазами. Одно неверное движение — и ты труп.

— Почему вы мне помогаете? — в который раз спросил Арден. — Вы же Магистр. Вам проще было бы запереть меня в лаборатории.

— Потому что, — Эразмус выпрямился и отошел к окну, — мне нужен катализатор. Совет застоялся. Они превратили магию в бухгалтерию. А ты... ты — хаос, который я могу контролировать. Пока что. Надень это.

Он бросил Ардену кольцо. Простое железное кольцо, тяжелое и холодное, как могильная плита.

Арден поймал его. Кольцо было ледяным, но как только металл коснулся кожи его пальца, оно потеплело, словно признавая хозяина. На внутренней стороне была выгравиро-

вана одна буква: «Э».

— Это мой поводок, — пояснил Эразмус. — Я буду видеть то, что видишь ты. Слышать то, что слышишь. Если ты решишь, что ты — особенный, и пойдешь жечь библиотеку, я узнаю об этом за секунду до того, как ты чиркнешь огнивом. И приду. Не для того, чтобы остановить тебя. Чтобы посмотреть, как далеко ты зайдешь.

— А если я сниму его?

— Попробуй, — ухмыльнулся Эразмус, обнажая зубы, которые были слишком острыми для человека.

Арден попытался разжать пальцы другой руки, чтобы стянуть кольцо. Пальцы не слушались. Они словно онемели, приклеенные к подлокотнику кресла. Он дернул сильнее — и по руке прошел разряд боли, от которого потемнело в глазах.

— Оно само выберет палец, — буднично сказал Эразмус. — И само решит, когда его можно снять. Обычно — никогда. Добро пожаловать в Академию, Арден. Твое расписание на стене. Постарайся не умереть до ужина.

Стена за спиной Ардена растворилась, выпуская его в ко-

ридор. Он ожидал увидеть лестницу, но Башня просто... выплюнула его на галерею, опоясывающую внутренний двор.

Здесь было многолюдно. Ученики в серебристо-белых мантиях (Крыло Света) двигались плавно, их шаги были синхронны, они не разговаривали громко. От них исходило ощущение стерильности. Ученики в угольно-черных одеждах (Крыло Тени) двигались резко, их плащи развевались, даже когда ветра не было, они скалились друг на друга и шипели заклинания, от которых воздух пах озоном и гарью.

Арден, одетый в простую серую тунику, которую выдал ему голем-распределитель, чувствовал себя пятном грязи на чистой скатерти. Он нашел свою дверь в конце западного коридора. Она была сделана из дуба, но корни дерева уходили прямо в камень стены, словно дверь росла из самой скалы.

Ключ, данный Эразмусом, вошел в замок с тихим, влажным чавканьем. Арден толкнул дверь и вошел внутрь.

Комната была круглой. Абсолютно круглой, без единого угла. Стены, пол и потолок сливались в одно целое, выкрашенные в цвет мокрого пепла. Мебели было минимум: кровать, утопленная в пол, как саркофаг, и стол, который рос прямо из стены, покрытый потеками серого воска. Окно выходило... никуда. За ним была серая мгла, в которой изред-

ка проплывали лица — лица спящих магов, их кошмары и мечты.

Арден подошел к столу. На нем лежал один свиток пергамента. Расписание.

06:00 — Подъем.
06:30 — Медитация (Крыло Света, Зал Хрусталя).
08:00 — Основы Теории Магии (Крыло Тени, Некрополис).
10:00 — Практика: Структура Света (Крыло Света, Лаборатория 4).
12:00 — Обед (Общая Столовая, Опасно).
13:00 — Практика: Вязь Тени (Крыло Тени, Яма).
15:00 — Факультатив: История Изгоев (Башня Стража, Кабинет Эразмуса).
18:00 — Ужин (Общая Столовая, Смертельно опасно).
20:00 — Самоподготовка.
22:00 — Отбой (Принудительный паралич, если не лег).

Арден сглотнул. «Обед (Общая Столовая, Опасно)». Это звучало не как пункт меню, а как предупреждение минного ведомства.

Он положил свиток на стол. Кольцо на пальце слегка сжалось. В затылке возникло знакомое покалывание.

«Не трогай вазу. Она проклята. И нет, я не скажу, чем именно», — прозвучал в голове голос Эразмуса. Он был сухим, как шелест песка.

Арден вздрогнул.

«Вы всегда будете... так?»

«Только когда ты делаешь что-то интересное. Или глупое. Сейчас ты просто дышишь. Мне скучно».

К столовой Арден шел, следуя потоку учеников. Коридоры Академии жили своей жизнью. Портреты на стенах не просто висели — они перешептывались, когда он проходил мимо, и замолкали, стоило ему обернуться. Доспехи в нишах поворачивали головы ему вслед. Один раз из-за угла выехала парящая стопка книг, которая чуть не снесла ему голову, ругаясь на старо-эльфийском.

Столовая оказалась под открытым небом. Но неба не было. Вместо него был купол, изображавший космос, но космос этот был живым. Звезды падали вниз, превращаясь в светлячков, которые садились на столы.

Зал был огромным. В центре возвышался фонтан, из которого била не вода, а чистое, жидкое золото. Но золото это не падало обратно в чашу. Оно застывало в воздухе, образуя арки и мосты, по которым сновали подавальщики — бес-

форменные сгустки тени.

И зал был разделен.

Четкая, видимая глазу линия делила пространство на две части. Левая половина была залита ослепительно белым светом. Столы там были из белого мрамора, еда на тарелках светилась изнутри, а ученики в белом ели в абсолютной тишине, используя серебряные приборы. Справа царил полумрак. Столы были из черного обсидиана, еда там выглядела как куски сырого мяса, светящиеся грибы и дымящиеся жидкости в колбах. Ученики в черном ели, громко чавкая, переговариваясь и периодически пуская друг в друга безвредные, но вонючие сгустки тьмы.

А посередине, за длинным столом, стоявшим перпендикулярно границе, сидели те, кто был «ни там, ни там». Их было немного. Человек десять. Они выглядели... нервно. Один парень постоянно менял цвет кожи с бледного на угольно-черный. Девушка напротив него пыталась удержать свою вилку, которая то превращалась в букет фиалок, то в извивающуюся змею.

Арден сел за этот стол, стараясь быть как можно меньше. Напротив него сидела женщина. Она была одета в серую мантию, но не такую, как у Эразмуса. Её мантия была сшита из

тысяч слоев ткани, которые постоянно двигались, создавая оптическую иллюзию — казалось, что у неё три руки или что её голова повернута на сто восемьдесят градусов.

— Ты новенький, — сказала она. Её голос звучал так, словно шелестел сухой тростник. — Двойственный. Равновесие. От Эразмуса.

— Профессор Лира? — догадался Арден, вспомнив слова директора.

— Просто Лира, — она улыбнулась, и Арден заметил, что её зубы заострены, как у хищной рыбы. — Я твой куратор. Твой... надзиратель. Называй как хочешь. Эразмус сбросил на меня дохлую кошку, и теперь я должна научить её мяукать.

Она протянула руку. На её ладони лежал серебряный медальон.

— Открой рот.

— Что?

— Открой. Рот.

Арден подчинился. Лира ловко бросила медальон ему в рот. Он ожидал металлического вкуса, но медальон растаял,

превратившись в ледяную струю, которая скользнула в горло и осела в желудке.

— Это подавитель, — пояснила Лира, вытирая руки о скатерть, которая зашипела от её прикосновения. — Твоя магия сейчас как два диких зверя в одной клетке. Они чуют друг друга. Если ты используешь Свет, Тень попытается его поглотить. Если Тень — Свет её выжжет. Этот подавитель держит их за шкирку на расстоянии фута друг от друга. Ты будешь чувствовать тошноту. Головную боль. Как будто тебя медленно пилят пополам. Это нормально.

— Как долго? — прохрипел Арден.

— Пока ты не научишься их трахать по отдельности, не давая им встретиться, — Лира откусила кусок от чего-то, похожего на светящийся кристалл, и с хрустом прожевала. — Или пока один из них не сожрет другой. Тогда ты станешь просто Светлым или просто Темным, и мы переведем тебя в нормальное крыло. Но ты не станешь. Я видела твои глаза. Ты — упрямая дрянь.

Она кивнула на его тарелку. Там лежала серая, бесформенная масса.

— Ешь. Это нейтральная пища. Спрессованный лунный свет и пепел забвения. На вкус как картон, но калории есть.

Арден ковырнул массу ложкой. Она была теплой. Он закрыл глаза и попытался «послушать» еду, как слушал лес. Еда молчала. В ней не было жизни. Это была магия, лишенная души.

— Почему Эразмус выбрал меня? — спросил Арден, заставляя себя проглотить первый кусок. Вкус был именно таким, как обещала Лира — пресным и пыльным, но после него во рту остался привкус озона. — Я же... ошибка.

— Ошибки — это любимая игрушка Магистра, — Лира наклонилась ближе, её глаза, лишенные белков, смотрели в упор. — Он коллекционирует аномалии. Но дело не только в этом. Совет ищет тебя. Они знают, что проснулась двойная искра. Если ты будешь сидеть в Крыле Света, они придут за тобой под видом «проверки знаний». Если в Крыле Тени — под видом «экзамена на выживание». Здесь, в Центре, ты под защитой самой Башни. Эразмус — её сердце. Пока ты с ним, ты в относительной безопасности.

— Относительной? — переспросил Арден.

— Ну, — Лира пожала плечами, и её мантия на мгновение сложилась в форму гроба, — иногда Башня чихает. И тогда комнаты меняются местами. Прошлый семестр один парень

зашел в уборную, а вышел в жерле вулкана в Крыле Тени. Мы нашли только его левый ботинок и очень удивленного импа.

Внезапно по залу прошел гул. Не звуковой, а магический. Вибрация, от которой зазвенели золотые цепи на фонтане.

Лира замерла. Её глаза потемнели.
— А вот и веселье.

Арден обернулся к границе между крыльями.

Там стоял парень в ослепительно белой мантии. Он был высок, с надменным лицом аристократа. Его волосы были цвета платины, а глаза — льдисто-голубыми. Он держал в руках яблоко, которое светилось так ярко, что резало глаза.

Напротив него, за столом Теней, сидел тип, чья кожа была серой, как у утопленника, а глаза горели красным. Он грыз кость, от которой шел дым.

Платиновый парень надкусил яблоко. С него сорвалась капля светящегося сока и упала на стол Теней.

Для Светлых это было, видимо, оскорблением. Для Тени — объявлением войны.

Красноглазый медленно поднял голову. Он не встал. Он просто посмотрел на платинового.

Воздух вокруг него сгустился, потяжелел. Тени от черных свечей на его столе вытянулись, пересекая границу, и поползли по белому мрамору, как тараканы.

Платиновый парень улыбнулся. Он щелкнул пальцами.

С его яблока сорвался не сок. Сорвался луч чистого света, толщиной с иглу. Он ударил в грудь красноглазому.

Тот даже не моргнул. Луч вошел в него и... исчез. Красноглазый облизнул губы, покрытые черной кровью (или соком).

— Грубиян, — сказал он.

Он сжал кулак. Тени на белом мраморе вздыбились, превратившись в шипастых псов. Они прыгнули через границу.

Зал взорвался.

Это не была битва магов из сказок. Это была уличная драка с применением термоядерного оружия.

Ученики в белом вскочили, выставляя световые щиты. Ученики в черном ответили волной некротической энергии, которая заставила белые щиты покрыться инеем и треснуть.

Фонтан с жидким золотом забурлил. Золото начало превращаться в кислоту.

Еда на тарелках ожила. Светящиеся грибы начали стрелять спорами, которые взрывались при контакте с кожей. Куски мяса на столах Тени зашевелились, пытаясь вцепиться в лица едоков.

— Не двигайся, — прошипела Лира, хватая Ардена за руку. Её хватка была железной. — Если попадешь под перекрестный огонь, Твоя Тень попытается защитить тебя от Света, и мы все превратимся в туман.

— Но они же...

— Это традиция, — Лира говорила спокойно, словно наблюдала за дождем. — Первая неделя семестра. «Приветственный костер». Они проверяют границы. Смотри.

В центре побоища платиновый парень и красноглазый всё ещё стояли на своих местах. Они не двигались. Они просто смотрели друг на друга. Вокруг них бушевал шторм. Светлячки-купола Светлых сталкивались с облаками тьмы Теней, и каждый раз, когда они соприкасались, по залу проходила ударная волна, от которой у Ардена звенело в зубах.

Платиновый парень поднял руку. На его ладони вырос

цветок из чистого пламени. Роза. Она была красива и смертоносна.

Красноглазый в ответ просто... выдохнул. Из его рта вылетело облако черного тумана, которое приняло форму черепа. Череп проглотил розу. Раздался звук, похожий на крик кита.

— Пора вмешаться, — Лира встала.

Она не сделала ни одного резкого движения. Она просто шагнула вперед. Но когда она шагнула, пространство вокруг неё изменилось.

Она оказалась в центре драки мгновенно, хотя не бежала.

Она подняла руку.

— Тихо.

Её голос не был громким. Но он был везде. Он был в костях, в камне, в воздухе.

И зал послушался.

Ожившее мясо рухнуло на тарелки. Споры замерли в воздухе. Тени осели на пол. Светлячки потухли.

Платиновый парень и красноглазый опустили руки, тяжело дыша. Их мантии были прожжены и залиты светящейся жижей.

Лира обвела взглядом зал. Её глаза, казалось, заглядывали в душу каждому.

— Столовая — зона нейтралитета, — произнесла она. Её голос снова стал обычным, шелестящим. — Вы можете резать друг друга в дуэльных ямах. Вы можете травить друг друга на лекциях. Но здесь вы едите. Если я еще раз увижу здесь боевую магию выше третьего круга, я заставлю вас переваривать друг друга. Буквально.

Она посмотрела на платинового парня.

— Вэнс, — её губы искривились в усмешке. — Опять?

— Он начал, профессор, — нагло ответил парень, утирая кровь из носа. Он выглядел так, словно только что вышел из салона красоты, а не из мясорубки.

— Я закончил, Кира, — прохрипел красноглазый из-за стола Теней, поднимаясь. Он был весь в ожогах, но улыбался. — Но в следующий раз я не буду использовать череп. Я пришлю импа в твой душ.

— Мечтай, мертвяк, — фыркнула Кира, возвращаясь на свое место.

Лира покачала головой и повернулась к Ардену. Она снова села, как ни в чем не бывало, и взяла свой кристалл.

— Познакомься, — сказала она, жуя. — Кира Вэнс. Факультет Пирокинетики. Дочь поставщика. Думает, что огонь решает все проблемы.

Затем она кивнула в сторону красноглазого.

— А это... это Мор. Факультет Некромантии. Считает, что смерть — это просто смена статуса. Они ненавидят друг друга с рождения. Это их форма флирта.

Арден смотрел на Киру. Она сидела за белым столом, окруженная своими, и громко смеялась, показывая на Мора. Мор, сидевший за черным столом, показал ей в ответ неприличный жест, от которого у ближайшего первокурсника-Левка отвалился кусок рукава.

— Твоя подруга? — спросил Арден.

— Твоя головная боль, — ответила Лира. — Она из Столицы. Она шумная. Она — Свет, который хочет обжечь. Ты... ты нечто иное.

Лира наклонилась через стол, её лицо стало серьезным.

— Запомни первое правило, Арден. В Академии нет друзей. Есть только те, кого ты еще не предал, и те, кто еще не предал тебя. Кира будет улыбаться тебе. Мор будет предлагать тебе сигареты из ядовитого мха. Они будут пытаться притянуть тебя на свою сторону.

— Почему?

— Потому что ты — флаг. Если ты пойдешь к Свету, Тень потеряет лицо. Если к Тени — Свет потеряет надежду на то, что их система идеальна. А Эразмус... Эразмус потеряет свою любимую игрушку.

Она ткнула в него пальцем.

— Твоя задача — быть никем. Серым. Невидимым. Ты ходишь на лекции Света — ты Светлый. Ты ходишь на лекции Тени — ты Темный. Ты отражаешь то, что перед тобой. Зеркало. Понял?

Арден кивнул, хотя внутри всё сжималось от отвращения. Притворяться. Скрывать ту самую правду, ради которой он здесь.

— Ешь, — Лира кивнула на его тарелку. — И привыкай к вкусу пепла. Это вкус твоего будущего.

Арден снова посмотрел на Киру. Она всё ещё смеялась. В её глазах плясали искры. Она была похожа на пожар — яркий, опасный, но дарящий тепло.

Он посмотрел на Мора. Тот смотрел прямо на Ардена своими красными глазами, и в них не было ничего, кроме спо-

койного, древнего голода.

Арден взял ложку.

Он был в самом центре бури. И буря только начиналась.

Ужин прошел в таком же напряжении, но без взрывов. Лира объяснила ему расписание перемещений. Чтобы попасть из Крыла в Крыло, нужно было пройти через «Шлюз» — длинный коридор, где магия проверялась трижды.

— Твой подавитель будет трещать, — говорила Лира, пока они шли к выходу из столовой. — Как старый радиоприемник. Это нормально. Главное, не пытайся ему помочь. Если он сгорит — ты сгоришь вместе с ним.

Они вышли в главный холл. Здесь, под гигантской статуей основателя, который держал в одной руке солнце, а в другой — луну, Арден увидел Эразмуса. Директор стоял в тени, разговаривая с одним из Смотрителей, которых Арден видел у ворот.

Смотритель поклонился Эразмусу и растворился в тенях. Эразмус повернул голову. Его золотой глаз нашел Ардена через весь зал.

Он не улыбнулся. Он просто поднял руку и сделал жест, похожий на щелчок кнутом.

В ту же секунду медальон-подавитель в желудке Ардена стал ледяным. Боль, которая до этого была фоновой, острой иглой вонзилась в позвоночник.

Арден согнулся, хватая ртом воздух.

— Что... — выдохнул он.

— Он просто напомнил, что ты на поводке, — спокойно сказала Лира, подхватывая его под локоть. — Пошли. У тебя через десять минут медитация. В Крыле Света. Постарайся не загореться. И не плакать. Они ненавидят слезы.

Она потащила его в сторону белого сияния левого крыла. Арден шел, хромая, чувствуя, как кольцо Эразмуса на пальце пульсирует в такт его сердцебиению.

Он оглянулся через плечо. В тени арки, ведущей в Крыло Тени, стоял Мор. Он не двигался. Он просто смотрел. И когда их взгляды встретились, Мор медленно провел пальцем по горлу, а затем улыбнулся.

Арден отвернулся и шагнул в ослепительный свет Крыла Света.

Белизна ударила по глазам, и на мгновение ему показалось, что он ослеп.

Но это была не слепота.

Это было выжженное на сетчатке напоминание: здесь нет безопасного места. Нигде.

Глава 6. Комната и первые уроки

Арден проснулся от того, что его кровать пыталась его переварить.

Это не было метафорой. Спальное место, утопленное в пол и напоминающее саркофаг, оказалось живым организмом. За ночь оно пустило тонкие, полупрозрачные корни, которые теперь мягко, но настойчиво оплетали его лодыжки и запястья, пульсируя в такт какому-то медленному, подземному сердцебиению.

— Отпусти, — сонно пробормотал Арден, пытаясь высвободить руку.

Корни сжались чуть сильнее, и в нос ударил запах озона и сырой земли. Это была не агрессия. Кровать просто проверяла, жив ли он. В Академии, как он уже начал понимать, всё имело свою волю. Стены дышали, полы скрипели с намеком, а мебель была хищной.

Он рывком сел. Корни с влажным чавканьем втянулись

обратно в камень, оставив на его коже липкий след, пахнущий грибами. Арден поежился. Подавитель в желудке, который вчера казался просто куском льда, сегодня ощущался как кусок раскаленного железа. Он пульсировал в такт его сердцу, и каждый удар отдавался тупой болью в основании черепа. «Тошнота, головная боль, как будто тебя пилят пополам», — вспомнил он слова Лиры. Профессор не врала. Его «искра» внутри металась, как зверь в клетке. Светлая её часть тянулась к потолку, к ослепительному белому сиянию Крыла Света, которое он видел вчера. Темная — стремилась вниз, в фундамент башни, к шепоту и холоду Тени. А подавитель Эразмуса стоял между ними, как копье, разрывая его изнутри.

Арден встал, разминая затекшую шею. Комната была всё такой же круглой, без единого угла. Но за ночь она изменилась. Стены, вчера казавшиеся просто серыми, теперь покрывала сеть едва заметных линий. Он подошел ближе. Это были не трещины. Это были руны. Они были вытравлены в камне на молекулярном уровне, заполненные чем-то, что напоминало застывшую ртуть.

Он провел пальцем по одному из символов. Тот вспыхнул бледно-фиолетовым светом и втянул его палец внутрь на миллиметр, словно пытаясь прочитать отпечаток.

«Не трогай стены», — раздался в голове сухой голос Эраз-

муса. — «Это не руны. Это шрамы. Башня помнит каждого, кто здесь сошел с ума. Она записывает их крики в камень, чтобы не забыть мелодию».

Арден отдернул руку. Палец онемел. Он посмотрел на окно. За ним всё та же серая мгла, в которой плавали чужие сны. Он чувствовал их вкус — кислый привкус чужого страха и металлический привкус чужой ярости.

Он подошел к столу. На нем лежал его дневник — кусок серого пергамента и стилос. Арден взял стилос. Он был холодным. Он поднес его к пергаменту, собираясь записать расписание, но как только кончик коснулся поверхности, пергамент зашипел. На нём проступили буквы, написанные не его рукой:

«Урок 1: Основы. Зал Хрусталя (Свет). Не используй Тень. Если используешь — не кричи. Мы не будем выносить твои кишки из портьер».

Подпись: Лира.

Арден усмехнулся. Кураторство в Академии начиналось с угроз. Он спрятал стилос в карман туники. Пора было идти.

Дорога в Крыло Света заняла двадцать минут и стоила ему нескольких лет жизни.

Чтобы попасть из Центра в левое крыло, нужно было пройти через Шлюз. Это был коридор, который не имел конца. Стены его были сделаны из зеркал, но зеркала эти отражали не тебя. Когда Арден вошел внутрь, он увидел себя, но... другого. В одном отражении он был одет в белую мантию, его волосы были идеально уложены, а глаза сияли праведным гневом. В другом — он был сгорбленным, серокожим, с длинными черными когтями, и его улыбка напоминала оскал черепа.

Отражения начали выходить из рам.

Белый Арден протянул руку.

— Идем к порядку, брат, — сказал он голосом, который был копией голоса Ардена, но лишенным сомнений.

Черный Арден зашипел из-за другого плеча.

— Идем рвать глотки, — просвистел он.

Арден замер. Он чувствовал, как его «искра» реагирует. Белый двойник излучал тепло, которое было почти болезненным, оно обещало очистить его от тьмы. Черный двойник пах гнилью и свободой.

Подавитель в желудке взвыл. Боль стала такой острой, что Арден упал на колени, схватившись за живот.

«Это Шлюз», — снова Эразмус. — «Он проверяет твою лояльность. Если ты шагнешь к Белому — он сожжет твою

Тень. Если к Черному — он растворит твой Свет. Иди прямо. Не смотри на них. Они не настоящие. Они — то, чем ты мог бы стать, если бы был проще».

Арден сжал зубы. Он пополз вперед, не поднимая глаз от пола. Отражения тянули к нему руки, их голоса слились в хор, умоляющий и угрожающий. Когда он наконец вывалился из Шлюза в Крыло Света, его кожа была покрыта холодным потом, а во рту стоял привкус крови.

Крыло Света ослепляло. Здесь не было теней. Вообще. Светильники на потолке были маленькими солнцами. Пол был из белого мрамора, на котором не оставалось следов. Ученики в серебристых туниках двигались синхронно, их шаги были бесшумны. Они не разговаривали. Они кивали друг другу. Это было не братство. Это был монастырь, где поклонялись Идеальному Порядку.

Зал Хрусталя находился в самом сердце крыла. Это была пещера, стены которой состояли из гигантских кристаллов кварца. Внутри каждого кристалла был заперт луч света, который медленно вращался. Воздух здесь звенел от чистоты.

Арден сел на пол в последнем ряду, стараясь быть как можно более плоским. Рядом с ним сидел парень с лицом настолько правильным, что оно казалось нарисованным. Он

медитировал, его грудь поднималась и опускалась с точностью часового механизма.

— Ты новенький, — сказал Нарисованный, не открывая глаз. — От Эразмуса. Пахнешь диссонансом.

— Стараюсь, — буркнул Арден.

В центр зала вышел профессор. Он был высок, лыс, а его кожа светилась изнутри мягким золотым светом. Он не шел — он скользил над полом.

— Тишина, — произнес он.

И тишина наступила. Не просто отсутствие звука, а абсолютная, звенящая пустота. Даже мысли в голове Ардена, казалось, стали тише.

— Меня зовут Профессор Соларис, — его голос был подобен звону хрусталя. — Я — Первый Наставник Крыла Света. Вы здесь, потому что в вас есть Дар. Но Дар без Контроля — это не магия. Это истерика ребенка с факелом в пороховом погребе.

Он щелкнул пальцами. В воздухе перед ним возник сгусток света размером с яблоко. Он пульсировал ровным, теплым золотым светом.

— Свет, — сказал Соларис. — Это созидание. Это струк-

тура. Это обещание. Он строит города, он лечит раны, он разгоняет тьму. Но что будет, если я дам этому свету волю?

Он разжал пальцы. Сгусток не упал. Он начал расти. Золотое сияние стало невыносимым. Кристаллы на стенах начали плавиться, превращаясь в стекло. Воздух нагрелся.

— Без контроля Свет становится Пожаром, — спокойно продолжил Соларис, пока ученики вокруг сидели, прикрывая лица руками от жара. — Он не выбирает, что сжигать. Он сжигает всё. Вашего врага. Вашего друга. Вас самих.

Он сжал кулак. Пожар схлопнулся в точку и исчез.

— Тьма, — Соларис снова щелкнул пальцами.

Теперь в его ладони была капля чернил. Она не отражала свет, она его пила.

— Тьма — это потенциал. Это тайна. Это покой. Но без контроля Тьма становится Бездной. Она не убивает. Она стирает. Она забирает смысл.

Капля чернил начала растекаться по полу. Она не оставляла пятна — она поглощала мрамор. Там, где она прошла, пола больше не было. Просто пустота, ведущая в никуда.

— Бездна не остановится, пока не выпьет всё сущее, — Соларис наступил на край чернильной лужи, и она отступила, словно боясь его. — Поэтому мы разделили вас. Свет

учит вас строить. Тень учит вас резать. Никогда. Не. Смешивайте.

Арден почувствовал, как кольцо Эразмуса на пальце сжалось. Профессор говорил правильные вещи, но от них веяло могилой. Это была магия, лишенная страсти. Магия в корсете.

— А теперь практика, — Соларис улыбнулся, и его золотые зубы блеснули. — Я хочу, чтобы вы создали «Искру». Самый простой конструкт. Просто удержите свет. Не давайте ему стать пожаром.

Ученики сели в позу лотоса. Нарисованный парень рядом с Арденом уже светился. В его ладонях танцевал маленький, послушный огонек.

Арден закрыл глаза. Он попытался дотянуться до своей «искры».

Это было всё равно что пытаться погладить одновременно тигра и полярного медведя, сидящих в одной бочке.

Светлая часть рванулась вверх. В ладонях вспыхнул ослепительный шар. Арден испугался — шар был слишком горячим, он жег кожу. Он попытался его унять, как учила бабушка — успокоить, уговорить.

Но как только он потянулся к свету, чтобы погасить его, из темноты его души, из-под «копья» подавителя, ударила Тень.

Она не была черной. Она была фиолетовой, густой, как сироп. Она обвила светящийся шар, пытаясь его поглотить.

В ладонях Ардена столкнулись две стихии.

Бум.

Это не был взрыв. Это был звук рвущейся ткани мироздания.

Золотой свет и фиолетовая тьма не аннигилировали. Они слились в нечто третье. Шар в его руках стал серым, как грозовая туча, и начал вращаться с бешеной скоростью, издавая низкое гудение, от которого у всех в зале заболели зубы.

Кристаллы на стенах задрожали. Один из них треснул, и запертый внутри луч света вырвался на свободу, ударив в потолок.

Нарисованный парень открыл глаза. Его идеальный огонек задрожал и погас.

— Что это за мерзость? — прошептал он.

Профессор Соларис больше не парил. Он стоял на полу, и его золотая кожа потускнела. Он смотрел на руки Ардена так, словно увидел там змею.

— Арден, — его голос потерял звонкость, став хриплым. — Что ты делаешь?

— Я не... — Арден попытался разжать руки, но ладони словно склеило. Серый шар пульсировал, становясь то золотым, то черным. — Оно само!

— Закрой канал! — рявкнул Соларис. Он выставил вперед руку, создавая щит из чистого света. — Ты разрываешь структуру!

Арден собрал всю волю, всё отчаяние, на которое был способен. Он представил, что подавитель в желудке — это не боль, а замок. Он мысленно повернул ключ.

Шар в руках издал писк, похожий на крик чайки, и взорвался.

Но взрыва не было. Он просто втянулся обратно в ладони Ардена, оставив после себя запах озона и ощущение, что он только что проглотил молнию.

В зале повисла тишина. Соларис медленно опустил щит. Его лицо было бледным — впервые за столетия его золотое сияние сошло на нет.

— Вон, — тихо сказал он.

— Что? — Арден не понял.

— Вон из моего зала. Вон из Крыла Света. Иди к Лире. Пусть она... разберет это. Ты не Свет. Ты — Ошибка. И если я увижу тебя здесь снова, я выжгу тебе глаза, чтобы ты не портил мне геометрию пространства.

Арден встал. Ноги не слушались. Он попятился к выходу, чувствуя на себе взгляды тридцати учеников. В их глазах не было страха. Там было чистое, незамутненное отвращение. Для них он был ересью, ходячим нарушением правил.

Лира ждала его в коридоре, прислонившись к стене, которая пыталась от неё уползти. Она жевала что-то, похожее на кусок гранита.

— Ну? — спросила она, когда Арден вывалился из зала. — Уже выгнали? Быстро. Соларис обычно терпит хотя бы до обеда. Ты что, нассал в его источник света?

— Я просто создал шар, — Арден всё ещё дрожал. — А потом... потом пришла Тень. И они... поженились.

Лира оторвалась от стены. Её мантия из слоев ткани на мгновение сложилась в форму волка, который оскалился.

— Поженились? — она фыркнула. — Мальчик, ты устроил оргию в монастыре. Соларис сейчас, наверное, пьет святую воду и плачет.

Она подошла ближе, её глаза без белков внимательно изучали его лицо.

— Покажи руки.

Арден протянул ладони. Они были целы, но на коже проступили тонкие серые линии, похожие на прожилки мрамора.

— Мило, — хмыкнула Лира. — Ты оставил на себе отпечаток. Теперь ты официально Серый. Поздравляю, ты только что стал легендой. Новички будут пугать тобой друг друга. «Ешь кашу, а то придет Арден и сделает тебе Бракованную Искру».

— Это плохо? — спросил Арден.

— Это не плохо и не хорошо, — Лира вздохнула, и её мантия снова стала похожа на одежду. — Это дорого. Твоя магия не просто конфликтует. Она интегрируется. Ты пытался удержать Свет, и Тень пришла на помощь, чтобы его стабилизировать. Или наоборот. Они уже не два зверя. Они начинают строить один вольер.

Она взяла его за запястье. Её пальцы были холодными, как у трупа.

— Правило номер два, — сказала она тихо, наклонившись

к самому его уху. — Эразмус хочет, чтобы ты был оружием. Но оружие, которое может выстрелить само, никому не нужно. Если ты еще раз выкинешь такой фокус на лекции, Совет пришлет не Смотрителей. Они пришлют Палачей. И они не будут тебя изучать. Они пустят тебя на ингредиенты. Понял?

Арден кивнул, хотя в горле стоял ком.

— Ладно, — Лира отпустила его. — У тебя через час лекция в Некрополисе. Это в Крыле Тени. Надень капюшон. Там не любят бледных мальчиков, которые пахнут солнцем. И ради всех демонов Бездны, если почувствуешь, что сейчас снова начнешь «жениться» — падай на пол и притворяйся мертвым. Я прикрою.

Путь в Крыло Тени через Шлюз был еще хуже.

Отражения здесь были не просто злыми. Они были голодными. Черный Арден, вышедший из зеркала, схватил настоящего Ардена за горло. Его когти были ледяными.

— Дай мне выйти, — прошипел он. — Дай мне сжечь их белые рты.

Арден ударил его Светом. Не специально. Это был рефлекс. Из его ладони вырвался тонкий луч золотого света. Он ударил двойника в грудь.

Черный Арден не сгорел. Он зашипел, как раскаленное

железо, опущенное в воду, и отшатнулся. На его груди остался дымящийся золотой шрам в форме ладони.

— Ах ты... ублюдок, — прохрипел двойник, растворяясь обратно в зеркало.

Настоящий Арден стоял, тяжело дыша. Он только что ударил свою собственную тьму светом. И тьме это не понравилось.

Некрополис оказался под землей.

Лестница вела вниз, в катакомбы, где воздух был густым от запаха тления, озона и старых костей. Здесь не было света. Тьма здесь была не отсутствием освещения, а средой обитания. Она висела в воздухе клочьями, как паутина.

Студенты здесь сидели на гробах. Буквально. В зале стояли каменные саркофаги, служившие скамьями. Профессор, который их ждал, выглядел как ожившая мумия. Его кожа была пергаментной, а один глаз был заменен светящимся рубином.

— Меня зовут Декстер Морт, — проскрипел он. — Я преподаю Вязь Тени. Это искусство лжи, распада и... эффективности.

Он щелкнул пальцами. Один из гробов в первом ряду рассыпался в прах.

— Тень не строит, — Декстер прошелся между рядами, его шаги не издавали звука. — Тень освобождает. От формы. От жизни. От правил.

Он остановился перед Арденом. Его рубиновый глаз вспыхнул, сканируя его.

— А. Двойственный. Ходячий парадокс. Профессор Соларис прислал мне весточку. Он назвал тебя «аллергической реакцией на порядок».

По залу прошелестел смешок. Тени в углах задвигались. Арден почувствовал, как кольцо Эразмуса нагрелось. Директор слушал.

— Сегодня мы будем учиться «Стиранию», — Декстер поднял руку. На его ладони сидел сгусток тьмы, похожий на паука. — Это базовое заклинание. Оно не убивает. Оно просто... отменяет. Отменяет связь атомов. Отменяет память. Отменяет боль.

Он дунул на «паука». Тот прыгнул на стену и пополз по ней. Там, где он прошел, камень становился серым, рыхлым, а затем превращался в пыль.

— Попробуйте, — Декстер щелкнул пальцами, и перед каждым студентом возник комок тьмы. — Возьмите его. Не бойтесь. Тень не кусает своих. Она кусает только тех, кто

притворяется Светом.

Студенты потянулись к сгусткам. Арден тоже.

Как только его пальцы коснулись тьмы, он почувствовал... облегчение. Тень была прохладной. Она не жгла. Она шептала. Она обещала забрать ту боль, которую причинял ему подавитель. Она хотела врасти в него, заполнить пустоты.

«Вкусно, да?» — голос Эразмуса в голове. — «Тьма всегда вкуснее. Она не требует усилий. Просто отпусти. Позволь ей сожрать всё».

Арден сжал комок. Тьма потекла по его руке, как чернила. Она была приятной. Она успокаивала ту часть его «искры», которая билась в истерике всё утро.

Он поднял руку, пытаясь повторить жест профессора. Он представил, что хочет «отменить» пылинку в воздухе.

Из его ладони вырвался не сгусток тьмы.

Из его ладони вырвался луч абсолютного, стерильного, белого света.

Но это был не теплый свет Солариса. Это был холодный, хирургический свет, который не освещал, а препарировал. Он ударил в стену. Камень не расплавился. Он просто... исчез. Вместе с куском пространства. В стене образовалась ды-

ра, ведущая в соседнюю пещеру, где какой-то студент-Тень вскрикнул от неожиданности.

В зале повисла тишина, нарушаемая только звуком падающих капель воды. Декстер Морт медленно повернул голову. Его рубиновый глаз горел ярче обычного.

— Интересный метод, — проскрипел он. — Ты пытаешься «стереть» материю, используя энергию созидания. Это... противоестественно. Как пытаться утопить рыбу, поливая её кипятком.

Он подошел к дыре, заглянул в неё, затем обернулся к Ардену.

— Ты опасен, мальчик. Ты — нож, который режет в обе стороны. Ты не можешь контролировать это, потому что ты не хочешь выбирать.

Декстер щелкнул пальцами. Комок тьмы перед Арденом втянулся обратно в пол.

— Практика окончена. Те, кто не смог удержать Тень — свободны. Те, кто смог — идите за мной в Яму. Нам нужно практиковаться на крысах.

Студенты начали вставать. Декстер задержал взгляд на Ардене.

— У тебя есть дар к обеим сторонам, — сказал он тихо, чтобы слышал только Арден. — Но ты используешь их как дубину. Светом ты пытаешься убить Тень. Тенью ты пытаешься выжечь Свет. Ты воюешь с самим собой. Рано или поздно одна из сторон победит. И я надеюсь, что это буду я, когда приду забирать твой труп для вскрытия.

Арден вернулся в свою комнату в Башне, когда над Академией (там, наверху, за куполом) сгустились сумерки.

Он был выжат. Тело ломило, голова раскалывалась от боли, которую причинял подавитель. Он чувствовал себя так, словно его пропустили через мясорубку, а потом попытались собрать обратно на живую нитку.

Он рухнул на кровать. На этот раз она не пыталась его съесть. Она лишь тихо вздохнула, выпуская облачко спор, и подстроилась под форму его измученного тела.

Арден закрыл глаза.

В затылке тут же возникло покалывание.

«Как прошел день?» — голос Эразмуса был полон ядовитого веселья. — «Соларис рыдает в шкафу. Декстер заказал новый скальпель с твоим именем. Лира пьет. Я доволен. Ты привлек внимание. Но если ты продолжишь взрывать стены, ты привлечешь внимание не только мое. Совет уже знает, что

ты здесь. Они чуют дисбаланс, как акула чует каплю крови за милю».

— Что мне делать? — прошептал Арден в пустоту.

«Спать», — отрезал Эразмус. — «А завтра... завтра мы начнем настоящие уроки. Я буду учить тебя лгать. Себе. Им. Своей магии. Ты должен стать Серым не только снаружи, но и внутри. Ты должен стать ничем. Пустотой, в которой Свет и Тень могут лишь смотреть друг на друга, но не касаться».

Арден провалился в сон мгновенно.

Ему снилась комната. Но в этом сне руны на стенах светились ярче. Они складывались в карту. Карту его вен. И по этим венам текла не кровь, а жидкое серебро и черная смола, смешиваясь в его сердце в смертельный коктейль.

Где-то в коридоре Башни Лира стояла на страже, её мантия из сотен слоев ткани превратилась в единый монолит, похожий на тень. Она смотрела на дверь Ардена и слушала, как бьется его сердце. Оно билось неровно. Два удара. Пауза. Один удар.

Ритм хаоса.

Она поудобнее перехватила свой посох, сделанный из кости неизвестного левиафана, и прошептала:

— Держись, ошибка. Если ты сломаешься, Эразмус сделает из твоей души пепельницу. А я хочу досмотреть этот спектакль до конца.

Глава 7. Правила и исключения

Арден перестал спать.

Не в том смысле, что он страдал бессонницей. Сон приходил мгновенно, как только его голова касалась пульсирующей подушки-кровати. Но это был не отдых. Это был архив.

Каждую ночь его разум погружался в ту серую мглу, что заменяла небо в его круглой комнате, и он начинал видеть чужие жизни. Это не были сны. Это были «утечки» — обрывки памяти, которые Башня Стража, этот древний живой организм, сбрасывала в него, как в сточную канаву. Он просыпался в холодном поту, чувствуя вкус пепла и железа, с именами людей, которых никогда не знал, на языке.

Вчера он проснулся, зная, как пахнет кровь магистра, убитого триста лет назад. Сегодня он проснулся с пониманием того, как звучит крик камня, когда его стирают из реальности.

Он сел на кровати. Корни тут же втянулись, извиняясь.

Арден потер лицо. Подавитель в желудке сегодня ощущался не как кусок льда, а как гнездо ядовитых змей. Каждый удар сердца отдавался спазмом. Его «искра» внутри больше не металась в панике. Она затаилась. Свет и Тень свернулись в два плотных комка по обе стороны от «копья» Эразмуса, и от их напряжения воздух в комнате дрожал.

Арден встал и подошел к столу. На сером пергаменте, который он купил у теневого торговца в Некрополисе, он начал выводить строки. Его дневник. Его единственный собеседник, который не пытался его препарировать.

День 7. Башня помнит всё. Я думал, это метафора. Это буквально. Стены плачут. Вчера я коснулся руны в коридоре, и она показала мне смерть. Не картинку, а ощущение. Как рвутся легкие. Я больше не трогаю стены. Профессор Лира сказала, что я «антенна». Я притягиваю остаточную магию. Если я не научусь её заземлять, я сойду с ума раньше, чем Совет пришлет палачей.

Он отложил стилос. Металл был влажным от его пота.

В дверь постучали. Стук был не физическим — он просто возник в костях Ардена.

— Войдите, — сказал он, зная, что это бесполезно.

Лира не вошла. Она просто была уже в комнате. Её мантия из сотен слоев ткани сегодня выглядела как застывший водопад. Она сидела на подоконнике, хотя минуту назад её там не было.

— Ты плохо выглядишь, — констатировала она. — Твои глаза светятся. Не романтично, а как у чумного.

— Я видел смерть архитектора, — хрипло сказал Арден. — Ту, что строил Башню. Он умирал три дня, вмурованный в фундамент. Его замуровали заживо, потому что он потребовал плату.

Лира долго молчала, глядя на него своим пустым взглядом. Затем она щелкнула пальцами. В воздухе между ними возникла проекция — сложная геометрическая фигура, похожая на снежинку, сплетенную из колючей проволоки.

— Это «Схема Баланса», — сказала она. — То, что они рисуют в учебниках для идиотов в Крыле Света. Смотри.

Она указала на центр.

— Видишь это? Точка Нуля. Идеальное равновесие. Совет молится на неё. Они думают, что если Свет и Тень равны, то мир стабилен.

Её палец скользнул влево.

— Это Крыло Света. Порядок. Структура. Они берут Точ-

ку Нуля и тянут её в сторону Гармонии. Но гармония — это стагнация. Это болото. Если дать Свету полную волю, он превратит мир в идеальный кристалл. Все будут счастливы. Все будут мертвы. Не будет ни времени, ни изменений. Только вечное «сейчас».

Палец скользнул вправо.

— Это Крыло Тени. Хаос. Потенциал. Они тянут в сторону Свободы. Если дать Тени полную волю, она превратит мир в Бездну. Не будет боли, но не будет и радости. Не будет тел, не будет памяти. Только вечное «ничто».

Лира посмотрела на Ардена.

— А теперь смотри сюда.

Она ткнула пальцем прямо в Ардена. В то место, где в воздухе висел он сам.

— Ты. Ты — Двойственный. Ты не стоишь в Точке Нуля. Ты содержишь обе силы в одной оболочке. Ты не мост. Ты — контейнер.

Она щелкнула пальцами снова. Проекция изменилась. Теперь это был сосуд, внутри которого бились две молнии — белая и черная.

— Правило номер один этого мира, Арден: Силы не должны смешиваться. Никогда. Это закон физики, магии и здра-

вого смысла. Когда Свет и Тень встречаются без посредника — происходит аннигиляция. Вспышка, которая стирает не только мага, но и милю пространства вокруг.

— Но я не аннигилировал, — возразил Арден. — Вчера в Некрополисе... я ударил Тень Светом. Она зашипела, но не исчезла.

— Потому что ты ударил свою Тень своим Светом, — Лира наклонилась вперед, её мантия зашелестела, как сухие листья. — Ты воюешь сам с собой. Это неэффективно и очень больно. Но главная проблема не в этом.

Она встала. Комната, казалось, стала меньше.

— Проблема в том, что ты — Исключение. Двойственные рождаются раз в триста лет. Не потому, что это биологически сложно. А потому, что Совет их убивает. В колыбели.

— Почему? — прошептал Арден.

— Потому что ты — Ошибка Системы, — Лира прошипела это слово. — Но для Эразмуса ты — Инструмент. Смотри внимательно, мальчик. Я покажу тебе, почему Соларис обделался, а Декстер захотел пустить тебя на перчатки.

Она подошла к стене и приложила к ней ладонь. Камень

под её рукой пошел рябью.

— Баланс — это не равенство. Баланс — это напряжение. Как натянутая струна. Свет тянет в одну сторону, Тень — в другую. Если струна порвется — инструмент сгниет.

Она повернулась к Ардену. Её глаза на мгновение стали абсолютно черными, без белков.

— Двойственный может делать то, что не могут другие. Ты можешь взять Свет и окрасить его Тенью. Не сжечь, не стереть, а изменить.

Она щелкнула пальцами.

В её ладони возник шар золотого света. Самый обычный, какой был у Солариса.

— Смотри, — сказала она.

Она дунула на шар. Из её рта вылетело облачко фиолетового тумана.

Туман не поглотил свет. Он вошел в него.

Шар в её руке начал меняться. Он остался золотым, но внутри него теперь кружились черные вихри. Свет стал... тяжелым. Он больше не грел. Он давил. Он обещал не исцеление, а вечную, ясную агонию.

— Это «Свет Забвения», — Лира разжала пальцы. Шар упал на пол и прожег в камне аккуратную, дымящуюся дыру.

— Я взяла созидание и добавила в него принцип распада. Я не уничтожила свет. Я его отравила.

Она посмотрела на Ардена в упор.

— А теперь представь, что будет, если ты сделаешь это в масштабе. Если ты возьмешь солнце и дашь ему вкус могилы. Или возьмешь Бездну и дашь ей структуру, чтобы она могла строить из пустоты. Ты — единственный, кто может создать Третью Магию. Магию, которой не существует. И именно поэтому, если ты потеряешь контроль, ты не просто взорвешься. Ты сломаешь саму Игру. Правила перестанут работать. И Эразмус, который так любит свою коллекцию аномалий, останется править кучкой пепла, которая раньше была миром.

Арден почувствовал, как колени подгибаются. Он оперся о стол.

— Мои родители... — голос его сел. — Бабушка сказала, они были изгоями. Что они хотели служить людям, а не Совету.

Лира фыркнула, возвращаясь к подоконнику. Её мантия снова стала похожа на обычную одежду.

— Твоя бабушка была дилетантом в политике. Она видела только верхушку айсберга. Твои родители, Мира и Тарен, не были просто «реформистами». Это слово для плакатов. Они

были «Смотрителями Слепых».

— Кем? — Арден поднял голову.

— Тайный орден, — Лира достала из складок мантии что-то маленькое и протянула Ардену. Это был медальон, идентичный тому, что висел на его груди. — Они не хотели менять Совет. Они знали, что Совет — это лишь симптом. Они охраняли Границы.

— Какие границы?

— Между мирами, — Лира закатила глаза, словно объясняя очевидное идиоту. — Ты думаешь, магия берется из воздуха? Она берется из Бездны. Той самой, что за куполом. Крыло Тени — это просто те, кто научился пить из этого колодца, не падая туда. Но Бездна... она живая. И она голодная.

Она наклонилась, её лицо оказалось в дюймах от лица Ардена.

— Иногда из Бездны лезут гости. Не демоны с рогами. Хуже. Сущности, у которых нет формы. Которые стирают смысл из всего, к чему прикоснутся. Твоя мать, Мира... она была Видящей. Она могла смотреть в вероятности и видеть, где ткань реальности истончается. Твой отец, Тарен... он был «Якорем». Его Тень была настолько густой, что он мог вбить

её в землю и удержать целый квартал от распада.

Лира выпрямилась.

— Они не были политиками. Они были сантехниками. Они чинили протечки Бездны. И они использовали свою... особенность. Свой Двойной дар. Они смешивали силы. По чуть-чуть. Тарен брал Тень Мира и делал её твердой. Мира брала Свет Тарена и делала его видящим. Это было... неестественно. Но это работало.

— И Совет их за это убил? — спросил Арден.

— Совет их за это использовал, — поправила Лира. — Пока они были полезны. А когда они начали задавать вопросы о том, почему Совету плевать на протечки в трущобах, но важны ритуалы в Золотом зале... их «вычеркнули». Стерли. Эразмус тогда был просто Архивариусом. Он нашел их дневники. И он поклялся, что если появится еще один Двойственный, он не даст Совету его убить. Он вырастит его сам. Как оружие.

Лира ткнула пальцем в грудь Ардена.

— Твоя боль, мальчик. Твой подавитель. Это не просто защита. Это намордник. Эразмус боится, что ты начнешь «чинить трубы», как родители. Потому что если ты начнешь, ты увидишь, насколько прогнил фундамент этого здания. И ты

можешь решить его снести.

Она замолчала. Тишина в комнате стала плотной, как вода.

— Что мне делать? — спросил Арден. Вопрос звучал жалко даже для него самого.

— То, что я скажу, — Лира щелкнула пальцами. На столе перед Арденом материализовалась книга. Толстая, в переплете из кожи, которая, казалось, всё ещё дышала. — Это «Кодекс Исключений». Написан Эразмусом. Там только одно правило: «Не дай им узнать, что ты можешь».

Она развернулась к двери.

— У тебя есть час. Потом урок по «Истории Изгоев». В Башне. С Эразмусом. Он будет тебя пытать. Не физически. Он будет задавать вопросы, на которые нельзя ответить правду, но нельзя и солгать. Выживешь — получишь ужин. Не выживешь — я скормлю твои остатки тем тварям, что живут в канализации под Некрополисом.

Она вышла. Стена за ней сомкнулась, не оставив и следа щели.

Арден остался один.

Он посмотрел на книгу. «Кодекс Исключений». Он открыл её. Страницы были пусты.

Он коснулся пергамента.

Чернила начали проступать, написанные его собственной рукой, хотя он не держал пера.

«Правило 1: Боль — это метроном. Если боль от подавителя становится ритмичной — ты в безопасности. Если она становится хаотичной — твоя магия пытается вырваться. Умойся ледяной водой. Ударь себя. Выровняй ритм».

Арден отдернул руку. Книга писала сама. Она писала его почерком.

Он понял. Это не книга. Это его дневник. Его связь с Эразмусом. Всё, что он здесь напишет, Магистр увидит.

Он взял стилос. Руки всё ещё дрожали. Он поднес острие к бумаге.

«Я боюсь», — вывел он.

Слова вспыхнули золотом и тут же впитались в кожу страницы.

В затылке возникло покалывание.

«Это нормально», — появился ответ, написанный витиеватым, древним почерком Эразмуса. — «Страх — это признак того, что ты еще не сошел с ума. Безумцы счастливы. Они думают, что понимают мир. Пиши дальше».

Арден сглотнул.

«Лира сказала, что я могу сломать мир».

«Лира склонна к драматизму. Она три тысячи лет была любовницей одного из Древних Богов, пока он не надоел ей и она не украла его сердце. Буквально. Так что её стандарты "поломки" завышены. Но технически она права. Если ты создашь стабильную Третью Магию, Совету конец. Их власть держится на дуализме. Свет и Тень держат друг друга за горло. Если появится третья сторона, которая не держит, а режет... баланс рухнет».

Арден посмотрел на свой медальон. Спираль, ветвь, глаз.

«Мои родители. Смотрители Слепых. Это правда?»

Пауза. Длинная. Эразмус не отвечал так долго, что Арден успел трижды прочитать надпись на кольце.

«Правда — это роскошь, которую я не могу себе позволить, Арден. Твоя мать была Видящей. Это подтверждено архивами. Твой отец... его происхождение туманно. В архивах Тени его нет. В архивах Света — тоже. Он возник из ниоткуда. Слишком сильная Тень для человека без родословной. Ходили слухи, что он — "осколок". Кусок Бездны, принявший форму».

Арден почувствовал, как пол уходит из-под ног.

«Я — сын Бездны?»

«Ты — сын двух людей, которые слишком долго смотрели в Abyss, — ответил Эразмус. — И она посмотрела в ответ. Но не пугайся. Мы все здесь — осколки чего-то большего. Я, например, осколок чьего-то терпения. Пиши. Опиши свою боль. Мне скучно».

Урок по «Истории Изгоев» проходил не в аудитории.

Он проходил в кабинете Эразмуса, на вершине Башни Стража.

Кабинет изменился. Теперь одна стена была из живого огня, а другая — из замерзшего времени. Посреди стоял стол, на котором лежал человеческий череп, играющий в шахматы сам с собой.

Эразмус сидел в кресле, закинув ногу на ногу. Его золотой глаз горел ярче, чем огонь в камине.

— Садись, — бросил он.

Арден сел. Стул под ним зашевелился, пытаясь принять форму дыбы.

— Сядь ровно, — рявкнул Эразмус. — Мебель в моем кабинете с характером. Она не любит нытиков.

Стул затих, превратившись в обычный, но крайне неудобный кусок дерева.

— Ты вел дневник, — сказал Эразмус. Это не был во-

прос. — Я читал. Ты боишься. Это хорошо. Страх делает тебя осторожным.

— Профессор Лира сказала... — начал Арден.

— Лира много говорит, — перебил Эразмус. — Она считает, что знание — это сила. Я считаю, что знание — это груз. Чем больше ты знаешь, тем тяжелее тебе идти. Твои родители знали слишком много. Поэтому они упали.

Эразмус взял со стола череп и подбросил его. Череп щелкнул челюстями.

— Твоя проблема, Арден, не в том, что у тебя две силы. А в том, что у тебя есть инстинкт. Ты пытаешься их примирить. Это биология. Клетка тянется к подобной клетке. Твоя Светлая часть хочет обнять Тьму и сделать её доброй. Твоя Тьма хочет поглотить Свет и сделать его вечным.

— А разве это плохо? — осмелился спросить Арден.

Эразмус улыбнулся. Это была самая страшная улыбка, которую Арден видел. В ней не было веселья. Только анатомический интерес.

— Это прекрасно. Это поэтично. Это убьет тебя. Понимание — это конец конфликта. А конфликт — это двигатель. Пока Свет и Тень внутри тебя воюют, ты человек. Как толь-

ко они договорятся — ты станешь Прорывом. А Прорывы, мальчик, либо становятся Богами, либо становятся дверьми. И в эту дверь обычно входит что-то очень голодное.

Он наклонился вперед.

— Поэтому мы меняем тактику. Лира учила тебя сдерживать. Это бесполезно. Ты слишком силен. Ты как бочка с порохом, которую пытаются удержать руками.

Эразмус щелкнул пальцами.

Подавитель в желудке Ардена вспыхнул. Боль была ослепительной. Арден закричал, падая со стула. Его «искра» внутри заметалась в панике, грозя вырваться.

— Тише, — голос Эразмуса был как удар хлыста. — Не смей.

Боль отступила, но стала другой. Она больше не была замком. Она стала... иглой.

Арден почувствовал, как Эразмус — через кольцо — коснулся его магии.

Он не сдерживал её. Он направлял.

— Почувствуй это, — сказал Эразмус. — Я держу твою Тень за хвост. Я держу твой Свет за горло. Но я не мешаю им биться. Я просто задаю направление.

Арден открыл глаза. Его руки были в крови — он прокусил губу.

Он посмотрел на стену.

Эразмус кивнул.

— А теперь ты. Сделай то, что сделал в Некрополисе. Ударь Тень Светом. Но сделай это осознанно.

Арден закрыл глаза. Он перестал бороться с болью. Он принял её. Он потянулся к своей Тьме. Она была прохладной, обволакивающей. Он коснулся её, не пытаясь поглотить. Просто поздоровался.

Затем он потянулся к Свету. Он был горячим, резким.

Он не стал их сталкивать.

Он заставил их... танцевать.

Он пустил нить Света сквозь сердце Тьмы.

В его ладонях возник сгусток. Он не был серым. Он был темно-бордовым, цвета венозной крови. Он не гудел. Он пульсировал.

Это была Жизнь. Не созидание и не распад. Просто пульс.

Арден открыл глаза и посмотрел на Эразмуса.

Магистр сидел, подавшись вперед. Его золотой глаз был расширен от удивления. Черный — сужен, как у хищника

перед прыжком.

— Контролируемая интеграция, — прошептал Эразмус. — Без катализатора. Без рун. Ты сделал это сам.

Он медленно встал.

— Это невозможно. По всем законам, это должно было разорвать твои вены.

Эразмус подошел к Ардену. Он был высоким, и сейчас, в тесном кабинете, он казался огромным.

Он протянул руку и коснулся бордового сгустка в ладонях Ардена.

Сгусток не обжег его. Он втянулся в палец Эразмуса, как вода в губку.

Магистр закрыл глаза. На мгновение его лицо исказилось экстазом.

— Вкус... — выдохнул он. — Вкус невозможного.

Он открыл глаза. Золотой глаз пылал безумием.

— Ты не просто Двойственный, Арден, — сказал он тихо, почти нежно. — Ты — Эволюция.

Он отступил на шаг.

— Урок окончен. Иди. Тебя ждет Лира. Она будет в яро-

сти, что я позволил тебе это сделать. Она считает, что ты сломаешься. Но я... — Эразмус улыбнулся, и на этот раз в улыбке было чистое, детское восхищение. — Я думаю, ты просто начнешь менять правила.

Арден вышел из кабинета на ватных ногах.

Он шел по коридору Башни, и руны на стенах тускло светились в такт его шагам.

Он спустился на свой этаж.

В комнате Лира стояла у окна, её мантия была похожа на грозовую тучу.

— Он позволил тебе интегрировать, — сказала она, не оборачиваясь. Это не был вопрос. — Я чувствую запах твоей крови в коридоре. Идиот. Ты должен был упасть в обморок.

— Я не упал, — сказал Арден.

Лира резко повернулась. Её глаза метали молнии.

— Ты — ошибка! Ты — аномалия! Ты не должен быть стабилен!

Она ударила кулаком по стене. Камень треснул.

— Знаешь, что бывает, когда аномалия становится нормой? Система обновляется. А обновление системы всегда сопровождается форматированием. Мир сгорит, Арден. Сго-

рит дотла, чтобы на пепле выросла твоя новая, «идеальная» магия.

Она подошла к нему вплотную. От неё пахло пылью и вечностью.

— Эразмус играет в бога. Он думает, что сможет удержать тебя на поводке. Но поводок порвется. И когда это случится... я хочу быть как можно дальше отсюда.

Она ткнула его пальцем в грудь.

— Правило третье: никому не доверяй. Особенно тем, кто называет тебя «эволюцией».

Она развернулась и пошла к двери.

— И вымой пол. Ты капаешь на мой ковер.

Когда она ушла, Арден остался один.

Он посмотрел на свои руки. Они всё ещё слегка светились бордовым.

Он подошел к столу. Взял дневник.

«Эволюция», — написал он. — «Лира боится, что я изменю мир. Эразмус хочет этого. А я... я просто хочу, чтобы перестало болеть».

Он закрыл книгу.

За окном Башни, в серой мгле чужих снов, на мгновение мелькнул силуэт огромной птицы.

Совы с письмом.

Но в этот раз письма не было.

Она просто смотрела.

Ждала.

Глава 8. Знакомство с Тео

Арден перестал различать дни недели.

В Академии время измерялось не восходами солнца — солнца здесь не было, был лишь пульсирующий свет купола, — а циклами боли. Боль от подавителя Эразмуса стала его метрономом. Утро начиналось с того, что кольцо на пальце сжималось, впиваясь в кость, и «искра» внутри него, вместо того чтобы метаться в панике, замирала в напряженном, звенящем покое.

Он привык к своей комнате в Башне. Привык к кровати, которая по ночам пыталась интегрировать его в свою корневую систему. Привык к рунам на стенах, которые теперь светились для него, как дорожные знаки, предупреждая о всплесках остаточной магии. Он стал «антенной», как сказала Лира. Он ходил по Академии, и его кожа впитывала эхо чужих заклинаний. В Крыле Света он чувствовал привкус

озона и горелого сахара. В Крыле Тени — запах мокрой земли и гниющих цветов.

Но сегодня метроном сбился.

Подавитель в желудке не просто пульсировал — он вибрировал на высокой, неприятной ноте, от которой ныли зубы. Арден стоял в Главном зале, прислонившись к колонне, которая на ощупь была теплой и влажной, словно кожа живого зверя. Он пытался «слушать» зал, как учила Лира. Отделять фоновый шум от сигналов.

Вокруг него кипела жизнь.

Кира Вэнс, одетая в новую, идеально белую мантию (уже прожженную в двух местах), громко спорила с группой студентов из Крыла Тени о том, чей огненный шар «чище». Её голос был подобен трещотке.

Мор, серокожий некромант, стоял в тени арки, медленно вращая в пальцах череп, который, кажется, пытался его укусить. Его молчание было тяжелее, чем крики Киры.

Арден закрыл глаза.

«Ты похож на дохлую кошку», — раздался в голове голос Эразмуса. — «Твои показатели падают. Ты перестал реагировать на раздражители. Это скучно. Иди в библиотеку. Там пахнет пылью и страхом. Это должно тебя взбодрить».

Арден проигнорировал его. Он открыл глаза и посмотрел на фреску на потолке. Она изображала Основателя, раздирающего Бездну на две части — Свет и Тьму. Но сегодня фреска выглядела иначе. По краям золотого нимба Основателя шли тонкие, едва заметные трещины. И от них тянулась... паутина.

Не обычная паутина.

Она была вытканна из света, но свет этот был мертвым. Бледно-зеленым, цвета гнилой воды.

Арден прищурился. Его «искра» внутри дернулась. Это было не его эхо. Это был свежий след. Кто-то здесь, в самом сердце Академии, в Главном зале, где запрещено любое колдовство выше первого круга, использовал магию, которой не должно существовать. Магию, которая гниет.

— Смотришь на плесень, Серый?

Арден вздрогнул. Голос был тихим, как шуршание сухих листьев.

Рядом с ним стоял парень. Он был настолько неприметным, что Арден не заметил его, хотя тот стоял в трех шагах.

У него были волосы цвета сухой соломы, бледная кожа, покрытая мелкими, едва заметными веснушками, и глаза...

глаза были странного, водянисто-серого цвета, почти бесцветные. Но в них не было пустоты. В них было дно колодца.

Он был одет в тунику неопределенного, застиранного бежевого цвета. На ней не было ни гербов, ни знаков отличия. Он выглядел как мебель.

— Я Тео, — сказал парень. — Меня обычно не видят. Я предпочитаю так.

— Арден, — ответил Арден, всё ещё глядя на потолок. — Ты видишь это?

Тео поднял голову. Он не щурился. Он просто смотрел, слегка наклонив голову набок, как птица.

— Вижу, — кивнул он. — Это «Тлен Бездны». Старая школа. Очень грязная. Кто-то пустил корни в фундамент.

— Ты знаешь, что это за магия? — Арден повернулся к нему.

Тео пожал плечами. Движение было вялым, лишенным энергии.

— Я знаю всё, что оставляет след, — сказал он. — Я — Эхо. Так меня называют в архивах. Профессор Лира, наверное, упоминала. Я чувствую, где чихнули сто лет назад.

Он протянул руку. Арден ожидал рукопожатия, но Тео просто ткнул пальцем в воздух рядом с плечом Ардена.

— От тебя воняет, — констатировал он. — Двумя псинами, которые дерутся в одной будке. И еще... кровью. Ты используешь интеграцию?

Арден замер.

— Откуда...

— Не здесь, — Тео мотнул головой в сторону Киры, которая как раз запустила в Мора сгустком плазмы (Мор ответил струей жидкой тени, и теперь по потолку растекалось горящее пятно). — Идем. Я покажу тебе, как читать обои.

Тео вел его не через главные коридоры.

Он нырнул в неприметную нишу за статуей плачущего ангела, нажал на кирпич, который выглядел точно так же, как остальные, и часть стены отъехала в сторону, открывая узкий лаз.

— Старые вентиляционные шахты, — пояснил Тео, протискиваясь внутрь. — Здесь эхо живет дольше. Стены тоньше.

Арден последовал за ним. Внутри было тесно, пахло озоном, машинным маслом и пылью веков. Они шли гуськом.

Тео двигался бесшумно, его ноги в мягких туфлях не издавали ни звука.

— Магия — это не то, что происходит, — говорил Тео на ходу, не оборачиваясь. — Это то, что остается. Представь, что мир — это кусок мягкого воска. Когда маг колдует, он не просто создает свет или тень. Он продавливает воск. Остается отпечаток.

Они вышли в широкий технический коридор. Здесь трубы извергали пар, а по стенам шли кабели, в которых пульсировало синее пламя.

Тео подошел к участку стены, который выглядел абсолютно нормально. Обычный серый камень.

— Смотри, — сказал он.

Он приложил ладонь к камню. Арден приготовился увидеть вспышку, руны, что угодно. Но ничего не произошло.

Тео просто стоял, закрыв глаза.

— Здесь, — он постучал пальцем, — три года назад один идиот-первокурсник пытался призвать огненного элементаля, чтобы тот сдал за него экзамен по алхимии. Элементаль не пришел. Пришел его дядя. Очень злой ифрит.

Арден прищурился, пытаясь «слушать» стену.

Сначала он слышал только гул труб. Но потом, когда он

расслабил свою «искру», позволив ей не защищаться, а просто воспринимать, он уловил его.

Под слоем камня, в самой его структуре, дрожала тонкая, золотистая нить. Она была тусклой, почти угасшей, но она всё ещё хранила в себе панику и запах серы.

— Я вижу, — прошептал Арден.

— Ты не видишь, — Тео убрал руку. — Ты чувствуешь. Это разные вещи. Ты — Контейнер. Ты носишь магию в себе. Я — Слепец. Я вижу только то, что осталось снаружи.

Тео пошел дальше. Он провел рукой по стене, словно гладил животное.

— Смотри сюда, — он остановился у стыка двух плит. — Видишь, как стык... светится? Не глазами. Чувствуешь, как воздух там плотнее?

Арден подошел ближе. Да. На стыке плит воздух был густым, как кисель.

— Это «Печать Смотрителя», — сказал Тео. — Свежая. Поставлена вчера. Они запечатали что-то внизу. Что-то, что пахнет... неправильным.

— Чем? — спросил Арден.

— Тленом, — Тео поежился, обхватывая себя руками.

— Тем самым, что на потолке в зале. Кто-то внизу колдует «Тленом». А Смотрители пытаются это замять. Но они мажут грязью поверх дыры в полу. Это не работает, если дыра ведет в Бездну.

Они свернули за угол. Коридор здесь заканчивался тупиком. Точнее, должен был заканчиваться. Стена была завешена старым гобеленом с изображением охоты на вепря.

— За ним, — сказал Тео. — Старый архив. Его закрыли после инцидента с Пожирателем Книг в 1412 году. Туда никто не ходит. Там идеальное место для того, чтобы спрятать... что угодно.

Тео коснулся гобелена. Ткань рассыпалась в прах, не долетая до пола. За ней оказалась массивная дубовая дверь, окованная железом.

На двери висел замок. Огромный, ржавый, выглядевший так, будто его не открывали столетиями.

— Я не открываю замки, — сказал Тео. — Я просто знаю, что за ними.

Он приложил ухо к дереву.

— Там кто-то есть, — прошептал он. — Живой. Сердцебиение... странное. Как будто у него два сердца, и они бьются в разные стороны.

Арден подошел к двери. Он положил ладонь на холодный металл замка.

Его «искра» внутри заворочалась. Светлая часть потянулась к ржавчине, желая очистить её, превратить в золото. Темная — хотела изучить структуру металла, понять, как он распадается.

Подавитель в желудке взвыл предупреждением. Арден стиснул зубы, гася порыв.

Но он всё равно почувствовал дверь.

И то, что за ней.

Это был не просто запах магии. Это была вонь. Физическая, удушливая вонь разложения, смешанная с запахом озона, как после удара молнии в кладбище.

— Они используют «Тлен» прямо сейчас, — голос Тео стал тонким, испуганным. — Я чувствую, как распадаются молекулы. Это не учебное заклинание. Это... это как хирургическая операция, которую делает мясник.

Внезапно из-за двери раздался звук.

Не крик. Не стон.

Это был звук рвущейся бумаги, но усиленный в тысячу раз. Звук, с которым реальность теряет свою форму.

Тео отшатнулся от двери, бледнея еще сильнее.

— Нам нужно уходить, — прошептал он. — Сейчас же. Если Смотрители узнают, что мы здесь...

— Подожди, — Арден не убрал руку.

Он сосредоточился. Не на магии. На боли.

Эразмус. Он должен знать.

Арден потянулся к кольцу, к той связи, что соединяла его с Магистром.

«Эразмус», — послал он мысль. — «В старом архиве. Кто-то использует Тлен Бездны. Тео со мной».

Ответ пришел мгновенно. Он был не в словах. Он был в виде ледяной иглы, вонзившейся в мозг Ардена.

«Не вмешивайся. Наблюдай. Не дай себя заметить. Я скоро буду».

— Он знает, — сказал Арден, открывая глаза. — Эразмус в курсе. Он велел наблюдать.

Тео посмотрел на него так, будто Арден признался в людоедстве.

— Ты разговариваешь с ним? Прямо в голову?

— Это долгая история, — Арден снова повернулся к двери. — Скажи мне, Тео. Что именно делает «Тлен»?

Тео облизнул пересохшие губы. Он выглядел так, словно вот-вот упадет в обморок.

— Это магия вычитания, — сказал он. — Свет — это сложение. Тень — это перемещение. А Тлен — это стирание. Но не просто объекта. Он стирает причину. Он берет закон природы и вычеркивает его.

Он ткнул пальцем в замок.

— Если применить Тлен к железу, железо забудет, что оно железо. Оно станет... ничем. Пустотой, которая выглядит как железо. А если применить его к человеку... человек забудет, что он человек. Или забудет, что у него есть сердце. Или забудет, как дышать.

Тео содрогнулся.

— Тот, кто там... он не учится. Он делает хирургию на самой ткани реальности. И он делает это грязно. Остатки... они стекают в фундамент. Вот почему Академия скрипит. Она гниет изнутри.

Внезапно Тео замер. Его бесцветные глаза расширились.

— Сердцебиение, — прошептал он. — Оно... прекратилось.

Тишина за дверью стала абсолютной.

А затем раздался новый звук.

Шлепанье босых ног по камню.

И тихое, влажное причмокивание. Словно кто-то шел, отрывая ноги от мокрого пола.

— Он идет к двери, — выдохнул Тео.

Арден среагировал на инстинктах.

Его «искра» вспыхнула. Но он не дал Свету и Тени столкнуться. Он сделал то, что показал ему Эразмус. Он заставил их танцевать.

Он вытянул руку в сторону Тео.

Из его ладони вырвался не сгусток энергии, а плотная, вязкая волна «отрицающей» тишины. Это была Тень, переплетенная со Светом так туго, что они стали броней.

Волна ударила в Тео, в дверь, в стены коридора.

Для любого наблюдателя — для Смотрителей, для Эразмуса, для самих стен — Тео и Арден просто... перестали быть. Они стали пустотой. Плоским серым пятном на фоне серого камня.

Дверь архива с грохотом распахнулась.

Из темноты вывалилось нечто.

Это когда-то было человеком.

Но теперь его кожа висела лохмотьями, а под ней виднелись не мышцы, а переплетение черных, пульсирующих корней, которые светились тем самым гнилым зеленым светом. У существа не было лица. Только гладкая маска из застывшей плоти, в центре которой вращался глаз Бездны — водоворот из звезд и гноя.

Существо сделало шаг в коридор. Оно не шло по полу. Оно вытягивало из камня новые ноги, а старые растворялись в лужах черной слизи.

Оно остановилось.

Оно повернуло свою безликую голову прямо туда, где стояли Арден и Тео.

Оно не видело их. Оно чувствовало дыру в магии, которую создал Арден своим заклинанием тишины.

Существо издало звук. Высокий, вибрирующий вой, от которого у Ардена заныли пломбы в зубах.

Оно начало тянуться к ним. Его руки удлинялись, превращаясь в бритвенно-острые нити из застывшего света.

— Оно меня видит, — прошептал Тео. Его голос дрожал. — Оно видит Эхо. Я для него как маяк.

Арден не думал.

Он влил в свое заклинание больше силы.

Он приказал своей магии не просто скрывать их, а показывать существу что-то другое.

Он взял Свет — яркий, обжигающий — и придал ему форму. Форму Киры Вэнс, которая как раз в этот момент должна была проходить по главной лестнице, громко ругаясь на Мора.

Он взял Тень — густую, холодную — и придал ей форму дыма от сигары, которую курил Декстер Морт где-то в Некрополисе.

Он создал иллюзию. Не картинку. Ощущение.

Для существа за дверью коридор теперь пах озоном и табаком, и в нем стояла раздраженная блондинка.

Существо замерло. Его глаз-водоворот сузился. Оно издало звук, похожий на кашель, и втянуло свои нити обратно. Оно сделало шаг назад, в темноту архива, явно сбитое с толку.

Дверь медленно, со скрипом, закрылась сама собой.

Арден выдохнул. Он пошатнулся. Боль в желудке стала невыносимой. Подавитель Эразмуса раскалился добела. В глазах потемнело.

Он упал бы, если бы Тео не подхватил его.

Парень оказался на удивление сильным.

— Ты... ты только что обманул порождение Бездны, — прошептал Тео, таща обмякшее тело Ардена в сторону вентиляционной шахты. — С помощью... театрального представления.

Арден не мог ответить. Его трясло.

В голове всё ещё звенел голос Эразмуса: «Не дай себя заметить».

Магистр видел всё. Через кольцо. Он видел, как Арден чуть не умер от перегрузки, спасая какого-то бесцветного парня и скрывая государственную тайну.

Когда они выбрались в безопасную нишу за статуей, Тео опустил Ардена на пол.

— Оно вернется, — сказал Тео, вытирая пот со лба. — Оно учится. Оно поймет, что Кира Вэнс не пахнет тленом.

— Что это было? — выдавил Арден, пытаясь унять дрожь в руках.

— Это был провал, — сказал Тео. — Эксперимент. Кто-то пытался создать «Мост». Двойственного. Но вместо того, чтобы держать Свет и Тень в балансе, они слили их в один комок грязи. Это... это Голем Бездны. Он не живой. Он про-

сто... дыра в форме человека.

Тео посмотрел на Ардена с новым, почти благоговейным ужасом.

— А ты... ты Серый. Ты не дыра. Ты — узел. Ты связал их. И ты только что использовал это, чтобы спасти нас.

Арден закрыл глаза.

«Эволюция», — вспомнил он слова Эразмуса.

— Я не хочу быть узлом, — прошептал он. — Я хочу быть просто студентом.

Тео грустно усмехнулся. В его бесцветных глазах впервые мелькнуло что-то похожее на веселье.

— В Академии, Арден, «просто студент» — это самая опасная должность. Идем. Я знаю место, где стены не слушают. Нам нужно заварить тебе чай из трав, которые растут на могилах. Это поможет с тошнотой.

Он помог Ардену встать.

Они пошли по коридору, сливаясь с тенями.

Но теперь Арден знал: в этом идеальном, разделенном на Свет и Тень мире, внизу, под полом, растет третья сила. И она гниет.

Часть II. Чай на костях и правила выживания

Место, куда привел его Тео, не значилось ни на одной карте Академии.

Оно называлось «Кафедра Слепых». Это была заброшенная оранжерея на самом нижнем уровне Башни Стража, глубоко под фундаментом, где давление Бездны ощущалось почти физически — как тяжесть океана на дне. Сюда не проникал ни золотой свет Крыла Света, ни фиолетовая мгла Тени. Здесь царил вечный, густой полумрак, освещаемый лишь биолюминесцентными грибами, которые росли прямо из стеллажей.

Тео толкнул скрипучую дверь, обитую медью, и пропустил Ардена вперед. В лицо ударил запах влажной земли, прелой листвы, корицы и чего-то сладковато-химического, напоминающего формалин.

— Добро пожаловать в мою крепость, — сказал Тео, проходя внутрь. Его шаги были бесшумными, но грибы на полу при его приближении вспыхивали мягким синим светом, отмечая его путь, словно рассыпанные звезды. — Здесь Смотрители не ставят метки. Слишком много остаточного эха. Оно сводит их с ума. Они думают, что здесь призраки. Но это просто я.

Арден огляделся. Оранжерея была огромной, куполообразной. Вместо деревьев здесь стояли стеклянные колбы и гробы из зачарованного льда. Внутри них плавали растения, которые не должны были существовать: цветы с лепестками из хрусталя, лозы, чьи листья были сделаны из застывшего дыма, и огромные, пульсирующие грибы, размером с человеческую голову, которые дышали в такт сердцебиению.

— Ты всё это вырастил? — спросил Арден, проводя пальцем по стеклу колбы, внутри которой плавал цветок, источающий золотистую пыльцу. Пыльца складывалась в воздухе в крошечные руны, прежде чем раствориться.

— Я их... уговорил, — Тео пожал плечами, доставая из старого деревянного шкафа медный чайник. — Растения помнят. Если магия была использована для создания жизни, она остается в семени. Я просто слушаю, что они хотят рассказать, и даю им почву. Большинство магов кричат на мир. Я шепчу. Это эффективнее.

Он поставил чайник на небольшую спиртовку, горевшую ровным фиолетовым пламенем.

— Садись. Вон тот стул. Только не облокачивайся на спинку, она всё ещё злится на студента, который попытался её полировать Тенью в прошлом веке. Она переварила его тень, и теперь стул считает себя хищником.

Арден осторожно сел на указанный стул — простой дубовый табурет. Он чувствовал себя так, словно его пропустили через мясорубку. Кости гудели, а подавитель в желудке, остыв после вспышки, теперь пульсировал тупой, ноющей болью, похожей на застрявший осколок льда.

Тео тем временем копался в жестяных банках. На них не было этикеток, только выжженные символы: «Корни забвения», «Слезы мандрагоры», «Пыльца спокойствия».

— У тебя классический случай «Резонансного шока», — бормотал Тео, отмеряя что-то медной ложечкой. — Когда ты создал ту иллюзию для Голема, ты заставил свою магию делать то, для чего она не предназначена. Ты — Контейнер. Ты должен держать внутри. А ты выплеснул это наружу, да еще и смешал с театральным искусством. Твой подавитель сейчас пытается переварить саму концепцию твоего существования.

— Эразмус видел, — хрипло сказал Арден. — Через кольцо. Он велел наблюдать.

Тео замер с ложечкой в руке. Он обернулся. Его бесцветные глаза, обычно тусклые, сейчас казались острыми, как осколки обсидиана.

— Эразмус велел наблюдать, пока Голем жрал бы твои

кишки? — голос Тео стал тише, в нем прорезалась сталь. — Наш Магистр — коллекционер. Он собирает поломки. Но он не чинит свои игрушки. Если ты сломаешься окончательно, он просто поставит твой мозг в банку и будет тыкать в него палочкой, чтобы посмотреть, как искра дергается.

Он подошел к Ардену и протянул ему дымящуюся кружку. Пар шел от неё не вверх, а спиралью, закручиваясь против часовой стрелки.

— Пей. Это «Эхо-мятный». Вкус как у зубной боли и старых писем, но через пять минут ты перестанешь чувствовать свои ребра. Это полезно.

Арден принял кружку. Керамика была ледяной, хотя чай внутри обжигал. Он сделал глоток.

Вкус был именно таким, как описал Тео — горьким, с привкусом чернил и озона. Но как только жидкость достигла желудка, подавитель Эразмуса отреагировал. Боль не исчезла, она... отступила. Словно отошла в сторону, чтобы посмотреть, что будет дальше. Арден почувствовал, как расслабляются мышцы шеи, о которых он даже не подозревал, что они напряжены.

— Спасибо, — сказал он, сделав еще глоток. — За то, что вытащил меня. И за то, что не побежал к Смотрителям.

Тео усмехнулся, но в усмешке не было веселья. Он сел на стопку старых фолиантов напротив Ардена.

— Я не бегу к Смотрителям, потому что я — их профессиональный кошмар, — сказал он. — Ты спросил, что такое «Тлен»? Я тебе покажу.

Тео вытянул руку над столом ладонью вверх. Он ничего не колдовал — не было ни вспышек, ни рун. Но воздух над его ладонью задрожал.

— Смотри на стол, — прошептал он.

Арден посмотрел на дубовую столешницу. Внезапно дерево... исчезло. На его месте появилась серая, осыпающаяся труха. Но это была не иллюзия. Арден почувствовал запах гниения.

Тео сжал кулак.

Труха осыпалась на пол, обнажив металлическую сетку, из которой торчали острые, как бритва, стеклянные иглы.

— А теперь смотри глубже, — сказал Тео.

Арден прищурился, используя свой дар. Он посмотрел сквозь слои магии.

Под сеткой, под металлом, под фундаментом Башни, он увидел дыру.

Это не была просто пустота. Это была рана. Края этой раны были черными, обугленными, но в центре пульсировал

тот самый гнилой зеленый свет. И из этой раны, как гной из нарыва, медленно сочилась субстанция, которая не была ни материей, ни энергией. Она была «анти-бытием». Она поглощала свет грибов в оранжерее, и те начинали мерцать в панике.

— Это утечка, — голос Тео стал хриплым. — Академия построена на разломе. Совет знал об этом. Они решили, что если построить здесь Башню Стража, то Эразмус станет идеальной пробкой. Но пробка гниет. И то, что внизу... оно просыпается.

Тео разжал кулак. Стол снова стал целым, дубовым, пахнущим лаком. Как будто ничего не было.

— Тот Голем в архиве... он не просто эксперимент. Это авангард. Он питается этой утечкой. Он учится ходить. И он ищет таких, как мы.

— Таких, как мы? — переспросил Арден.

— Тех, кто фонит, — Тео постучал себя пальцем по виску. — Для Смотрителей магия — это дисциплина. Для Голема магия — это еда. А ты, Арден... ты для него как накрытый стол. Ты излучаешь и Свет, и Тень одновременно. Для существа из Бездны, которое хочет всё стереть, ты — самый изысканный деликатес, потому что в тебе есть всё.

Внезапно грибы в оранжерее вспыхнули ярко-красным. Тревога.

Тео вскочил на ноги так быстро, что его чай расплескался, но не долетел до пола — капли зависли в воздухе.

— Смотрители, — прошипел он. — Двое. Идут по северному коридору. Они используют «Сонару». Пеленгуют остаточный след твоей иллюзии. Они знают, что здесь был маг, но не знают, кто.

— Что делать? — Арден тоже встал. Боль в желудке снова дала о себе знать, но теперь она была фоном. — Мой подавитель... Эразмус почувствует, если я использую магию.

— Не используй свою, — Тео схватил Ардена за рукав и потащил к стене, увитой лианами. — Используй мою.

Он прижал ладонь Ардена к переплетению корней.

— Чувствуешь это? — прошептал Тео. — Это «Маскарад». Лианы помнят, как прятать беглых рабов во время Великого Раскола. Они ненавидят Смотрителей. Просто отдай им свой вес. Стань... веткой.

Арден сделал, как сказано. Он перестал сопротивляться. Он перестал быть человеком. Он стал частью оранжереи.

Это было странное ощущение. Он всё ещё мыслил, всё

ещё чувствовал страх, но его магическая подпись... исчезла. Она растворилась в тысячах других эхо, наполнявших это место. Он стал запахом земли. Он стал скрипом старой кости в стеллаже.

Дверь оранжереи с грохотом распахнулась.

Вошли двое.

Первый был высок, затянут в идеально выглаженную черную форму Крыла Тени. Его лицо было бледным, как у утопленника, а глаза — абсолютно белыми, без зрачков. Он нес в руках жезл из черного хрусталя, который тихо гудел.

Второй был из Крыла Света. Его мантия сияла так ярко, что грибы в ужасе втягивали свои светящиеся шапочки под листья. У него не было глаз вовсе — только гладкая, золотая кожа там, где они должны были быть.

— След здесь обрывается, — проскрипел Смотритель Тени. Его голос был похож на звук царапающего стекла. — Это зона Тео. «Эхо».

— Эхо не колдует, — ответил Смотритель Света. Его голос звенел, как колокол. — Эхо только слушает. Здесь был активный выброс. Двойственный. И он использовал интеграцию.

Арден замер. Сердце пропустило удар. Если они поймут,

что это он...

— В Академии три Двойственных, — сказал Смотритель Тени, поворачивая голову прямо в сторону Ардена. Ардену показалось, что его сейчас стошнит от ужаса, но тело, напитанное «Маскарадом», не поддалось. — Эразмус. Лира. И Ошибка. Ошибка сейчас в Некрополисе, режет крыс с Декстером. Это не он.

— Тогда кто? — Смотритель Света поднял руку. Золотой свет вырвался из его глазниц, сканируя помещение. Он прошел сквозь Ардена, как солнечный луч сквозь стекло. Арден почувствовал тепло, но не более. Свет не увидел в нем мага. Он увидел лишь дерево. — Здесь фонит «Тлен».

— Утечка усиливается, — Смотритель Тени ткнул жезлом в пол. — Башня стонет. Эразмус знает?

— Эразмус всегда знает, — ответил Светлый. — Но он молчит. Ему выгодно, чтобы фундамент гнил. Это держит Совет в напряжении. Держит их занятыми.

Они прошли вглубь оранжереи. Арден чувствовал, как от Смотрителя Тени веет холодом абсолютного нуля, а от Смотрителя Света — жаром, способным испарить воду.

Они остановились у того самого стола, где пил чай Арден.

— Здесь был кто-то еще, — сказал Светлый. — Слабый. Пустой. Только эхо.

— Тео, — фыркнул Тень. — Наверное, опять прятался от своего обеда. Он чувствует «Тлен» как мы чувствуем запах еды. Он, должно быть, стоял здесь и пускал слюни.

— Или он что-то видел, — Светлый повернул свою слепую голову в сторону стеллажей. — Найди его.

Смотритель Тени кивнул. Он вытянул руку, и тени в углах оранжереи сгустились, превращаясь в черных гончих псов. Они зарычали и бросились в проходы между стеллажами, вынюхивая след.

— Нам нужно уходить, — прошептал Тео прямо в ухо Ардену, хотя губы его не двигались. — Мои лианы их задержат, но Гончие Тени чуют страх. А ты сейчас боишься так громко, что тебя слышно в Лисьей Пади.

Арден попытался успокоить дыхание. Он вцепился в корни, к которым прижимался.

«Я — дерево», — повторял он про себя. — «Я просто старый, пыльный корень».

Гончие подбежали к их укрытию. Одна из них — сгусток

абсолютной тьмы с горящими фиолетовым пастью — остановилась в дюйме от ноги Ардена. Она принюхалась. Арден почувствовал, как его «искра» внутри сжалась в комок, готовая выдать их с головой.

Но затем Гончая чихнула.

Она отшатнулась, тряся головой.

— Грязная магия, — проскрипел Смотритель Тени. — Здесь всё пропитано «Тленом». Следов нет. Только гниль.

— Уходим, — бросил Смотритель Света. — Доложим Декстеру. Пусть спустит своих некротических угрей в канализацию. Может, поймаем Голема.

Они развернулись и вышли. Дверь закрылась.

Свет в оранжерее снова стал мягким, синим.

Арден выдохнул. Он осел на пол, дрожа всем телом. Тео отпустил его руку и тяжело привалился к стеллажу. Грибы вокруг них сочувственно замерцали.

— Они... они говорили про Эразмуса, — выдавил Арден. — Что он... позволяет фундаменту гнить. Специально.

— Конечно, — Тео сполз по стеллажу на пол, садясь рядом. Он выглядел изможденным. Использование «Маскарада» на двоих высосало из него силы. — Наш Директор — не спаситель. Он — паук. Он сидит в центре этой паутины. Ес-

ли Совет будет слишком силен — он срежет нити. Если Тени захватят власть — он срежет нити. Он держит их в равновесии, позволяя им грызть друг друга. А утечка Бездны... это его рычаг давления.

Тео достал из кармана сушеный гриб и начал его жевать, чтобы успокоить нервы.

— Знаешь, почему я прячусь здесь, Арден? — спросил он, глядя на светящийся потолок. — Потому что я слишком хорошо слышу. Я слышу, как Смотрители шепчутся в своих казармах. Я слышу, как Декстер Морт торгуется с демонами за ингредиенты. Я слышу, как Кира Вэнс плачет по ночам, потому что боится стать такой же, как её отец.

Он посмотрел на Ардена. В его бесцветных глазах стояли слезы, но он не моргал, и они просто стекали по щекам.

— И я слышу, как Эразмус смеется. Он смеется, когда студенты умирают. Он смеется, когда Башня трескается. Потому что пока все боятся Бездны под ногами, никто не смотрит на него.

Арден молчал. Слова Лиры эхом отдавались в голове: «Он вырастит тебя как оружие». Слова Эразмуса: «Ты — Эволюция».

— Что нам делать? — спросил Арден.

— Нам? — Тео горько усмехнулся. — Мне — продолжать пить чай и делать вид, что я сумасшедший. Тебе... тебе придется быть очень осторожным. Если Эразмус узнает, что ты можешь обманывать Смотрителей и интегрировать силы без боли... ты перестанешь быть студентом. Ты станешь инструментом.

— Он уже знает, — сказал Арден. — Он видел всё.

— Значит, он ждет, — Тео поднялся, опираясь на стену. — Он ждет, когда ты сломаешься. Или когда ты станешь достаточно сильным, чтобы быть полезным.

Тео подошел к своему рабочему столу, заваленному банками и старыми пергаментами. Он взял кусок угля.

— Идем, — сказал он. — Я научу тебя читать правильно. Не только эхо. Я научу тебя читать намерения.

Следующий час превратился для Ардена в самый сложный урок в его жизни.

Тео подвел его к северной стене оранжереи. Она была покрыта не рунами, а тонким слоем серебристой пыли, похожей на паутину.

— Это «Память Камня», — объяснил Тео. — Не магия, просто... физика. Когда маг использует силу, он возмущает

воздух. Воздух трется о камень. Остается статика.

Он провел рукой по стене. Пыль собралась в его ладони, превратившись в крошечную модель — силуэт человека.

— Смотри, — Тео указал на ноги силуэта. — Видишь, как глубоко вдавлены следы? Это был кто-то тяжелый. Или кто-то, кто стоял здесь долго.

Он указал на руки. — Пальцы скрючены. Это не учебное заклинание. Это был крик. Боль.

Арден присел, разглядывая пылинки. Теперь, когда Тео указал на них, он видел. Он видел, как в одном месте пыль закручена в спираль — там использовали Свет. А рядом, в другом, она лежала плоско и мертво — там была Тень.

Но между ними...

— Здесь, — Арден коснулся места, где две пыли смешались. — Здесь был я. Вчера.

— Да, — кивнул Тео. — Видишь, как они переплетены? Как веревка. Это не столкновение. Это танец. Ты не просто используешь их. Ты их... сшиваешь.

Тео стер силуэт и провел рукой в другом месте.

— А вот это... — его голос стал напряженным. — Это Голем.

След был ужасающим. Пыль здесь была не просто потревожена — она была испугана. Она собралась в острые, рваные края, отвернувшись от центра следа.

— Он не оставляет следов, — прошептал Тео. — Он стирает их. Но камень помнит страх. Камень помнит, как его чуть не превратили в ничто. Видишь? Здесь нет магии. Здесь только дыра, где она была.

Внезапно Тео замер. Его рука зависла над стеной. Грибы в оранжерее тревожно замигали.

— Что? — спросил Арден.

— Тихо, — Тео поднял палец. — Слушай.

Арден закрыл глаза. Сначала он слышал только дыхание Тео и бульканье чайника. Но потом, глубже...

Он услышал скрежет.

Не камня о камень.

Это был звук, с которым пустота пытается стать чем-то.

Скрежет доносился не сверху. Он шел снизу. Сквозь пол. Сквозь фундамент Башни.

— Он снова колдует, — голос Тео был едва слышен. — В архиве. И он... он растет.

Скрежет стал громче. Теперь к нему добавился звук капа-

ющей воды. Но вода эта капала вверх.

Внезапно один из стеклянных гробов на дальнем стеллаже треснул.

Лед внутри него почернел и начал испаряться, не тая. Растение внутри — огромный фиолетовый цветок с зубами — издало беззвучный крик и рассыпалось в пепел.

— Он касается нас, — прошептал Тео. — Фундамент... он тянет щупальца вверх.

Пол под ногами Ардена дрогнул. Не сильно. Но достаточно, чтобы пыль со стены осыпалась серебряным дождем.

Вибрация прошла по ногам, ударила в колени, в позвоночник.

И в этот момент Арден почувствовал нечто, чего не чувствовал никогда.

Его «искра» внутри... не завибрировала. Она запела.

Светлая часть потянулась вниз, к вибрации, пытаясь упорядочить её, сделать её гармоничной.

Темная часть потянулась вниз, желая поглотить этот хаос, сделать его частью себя.

А посередине... посередине была пустота, которую оставил подавитель Эразмуса.

И эта пустота начала заполняться.

Не болью.

А тем самым скрежетом.

Арден упал на колени. Он схватился за голову.

— Я слышу его, — прохрипел он. — Тео, я слышу его мысль.

Тео подбежал к нему, схватил за плечи.

— Не впускай! — крикнул он. — Если ты свяжешься с ним, он выпьет твой Свет! Он ненавидит жизнь! Он...

— Он не ненавидит, — выдохнул Арден, глядя в пол невидящими глазами. — Он... он одинок.

Это была не его мысль. Она пришла из-под земли. Из той дыры.

«Холодно. Темно. Скука. Хочу. Еще. Хочу. Форму. Хочу. Играть».

Существо внизу не было злым в человеческом понимании. Оно было подобно ребенку, который нашел коробку с ножами и не понимает, почему нельзя резать всё вокруг. Оно было Разумом Бездны. И оно только что заметило Ардена.

«Серый», — пришла новая мысль. На этот раз она была направлена прямо на него. — «Узел. Смешно. Смешно. Дай.

Поиграть».

Пол под ногами Ардена снова дрогнул. Но на этот раз это был не просто толчок.

Из-под половиц, разрывая камень, полезли те самые черные корни, что Арден видел в архиве. Они не росли — они выталкивались из реальности, игнорируя законы физики.

Тео вскрикнул, отскакивая. Грибы в оранжерее вспыхнули ослепительно-белым светом от ужаса и сгорели, превратившись в угольки.

Корень, черный и блестящий, с тем самым гнилым глазом на конце, пробил пол прямо между Арденом и Тео.

— Бежим! — Тео дернул Ардена за руку.

Но Арден не мог пошевелиться. Он смотрел в глаз на корне.

И глаз моргнул.

В этот момент дверь оранжереи разлетелась в щепки.

В проеме стоял Декстер Морт. Профессор Некрополиса. Его рубиновый глаз горел, как угольный пласт. В одной руке он держал череп, в другой — цепь из застывшего крика.

— Проблемы с сантехникой, мальчики? — проскрипел он. — Живо за мной. Если эта тварь затащит вас вниз, я не

буду вас воскрешать. У меня закончились этикетки для банок.

Декстер щелкнул пальцами.

Из его тени вырвались три пса, сотканные из абсолютной тьмы. Они бросились на корень. Тот зашипел, выпуская облако спор, которые заставляли псов... сомневаться в своем существовании. Один из псов осыпался пеплом.

— Шевелись, ошибка! — рявкнул Декстер на Ардена.

Тео, преодолев оцепенение, потащил Ардена к разбитому окну оранжереи.

— Сюда! Через грибные плантации!

Они прыгнули в заросли светящихся лиан. Позади них Декстер Морт начал читать заклинание на языке, от которого у Ардена пошла носом кровь. Это была магия абсолютного запрета. Магия, которая приказывала реальности «Нет».

Выбираясь из разбитого окна в вентиляционную шахту, Арден оглянулся.

Декстер стоял в центре оранжереи, окруженный черными корнями. Он смеялся.

— Слишком медленно, — бросил он Бездне. — Я был стар, когда твой дедушка был еще просто грязной лужей.

Он вонзил цепь из крика в пол.

Всё здание Башни содрогнулось.

Свет. Тьма. И Декстер Морт слились в одну ослепительную, оглушительную вспышку абсолютного порядка.

Грибы, камни, корни — всё на мгновение стало идеальным, мертвым кристаллом.

А затем раздался рев. Рев существа, которому только что дали по зубам.

Арден и Тео кубарем выкатились в коридор. Шахта за их спиной захлопнулась, отрезая звуки битвы.

Они сидели на грязном полу технического коридора, тяжело дыша.

— Он... он играет с ним, — прохрипел Тео, вытирая кровь из носа. — Декстер. Он не пытается закрыть утечку. Он просто... дразнит зверя.

Арден посмотрел на свои руки. Они дрожали.

Но дрожали не от страха.

От восторга.

От ужаса.

Он только что услышал Голос Бездны. И Голос назвал его «Серым». Он назвал его «Узлом».

— Тео, — тихо сказал Арден. — Оно знает мое имя.

Тео посмотрел на него. В его глазах больше не было страха. Только тяжелая, безмерная усталость.

— Оно знает всё, Арден. Оно было здесь до первого камня. Оно — то, что останется, когда последний камень превратится в пыль.

Он поднялся, помогая встать Ардену.

— Идем. Нам нужно выпить. И мне нужно найти новый дом. Этот Декстер только что взорвал мою оранжерею.

Они пошли по коридору, который теперь казался еще более узким и темным.

Где-то глубоко внизу, под их ногами, Бездна зализывала раны и планировала новую игру.

А где-то наверху, в своей Башне, Магистр Эразмус, должно быть, улыбался, делая пометку в своем невидимом дневнике.

Урок номер восемь был окончен. Студент сдал экзамен по выживанию.

С оценкой «Превосходно».

Глава 9. Первое расследование

Часть I. Запах пыли и нарушение правил

Арден проснулся от того, что кольцо Эразмуса на его пальце вибрировало в ритме, напоминающем похоронный марш.

Подавитель в желудке, который обычно пульсировал монотонно, как больное сердце, сегодня выдавал двойные удары. Тук-тук. Пауза. Тук-тук. Это означало, что Магистр не просто наблюдает. Он анализирует вчерашний инцидент в оранжерее. Эразмус прогонял данные через свои алгоритмы, пытаясь понять, как «Ошибка» смогла обмануть Гончих Тени, не вызвав при этом локального апокалипсиса.

— Ты слишком громко думаешь, — раздался в голове сухой голос. — Твои мысли скрипят, как несмазанная телега. Прекрати рефлексировать. У тебя сегодня «История Изгоев». Не опаздывай. Декстер не любит, когда его мертвецов остужают.

Связь оборвалась так же резко, как и началась. Арден сел на кровати. Корни, пытавшиеся ночью оплести его ноги, разочарованно втянулись обратно в камень, оставив на щиколотках липкий след, пахнущий медом и тленом.

Арден встал и подошел к столу. Его дневник — кусок серого пергамента, который Эразмус зачаровал так, чтобы он

записывал мысли хозяина — был открыт на вчерашней записи.

«Оно назвало меня Серым. Оно хотело играть. Эразмус знает. Тео боится. Я боюсь. Но внизу, под полом, что-то просыпается, и оно знает мое имя».

Арден коснулся строчки пальцем. Чернила едва заметно светились. Он чувствовал присутствие Магистра за этими словами. Эразмус читал это прямо сейчас.

Арден взял стилос и дописал внизу: «Если ты хочешь, чтобы я был оружием, дай мне цель. Иначе я найду её сам».

Он не знал, дойдет ли эта дерзость. Но риск был сладким.

Завтрак в Башне Стража был мероприятием тихим. Арден сидел за «Серым столом» — длинной дубовой секцией посередине зала, где ели такие же аномалии, как он. Напротив него сидел Тео.

Выглядел «Эхо» паршиво. Его бесцветные глаза покраснели, а под ними залегли тени, похожие на синяки от удара. Он механически жевал кусок хлеба, который, казалось, не имел для него ни вкуса, ни текстуры.

— Ты не спал, — констатировал Арден, размешивая в кружке серую жижу, которую здесь называли «кофе».

— Спал, — отозвался Тео. — Но сны здесь слишком гром-

кие. Я слышал, как в 1342 году один алхимик пытался превратить свою тень в жену. Это был очень неприятный брак. Она всё время пыталась его задушить, но у неё не было рук.

Арден хмыкнул.

— После того, что ты видел вчера... ты всё ещё хочешь лезть в архив?

Тео перестал жевать. Он посмотрел на Ардена долгим, изучающим взглядом.

— Вчера, — медленно произнес он, — я видел, как Декстер Морт врезал по роже самой Бездне. Я видел, как ты... ты сшил себя воедино, чтобы спрятать нас. И я понял одну вещь, Арден.

— Какую?

— Если мы не пойдем туда сами, туда придут они, — Тео кивнул в сторону столов Крыла Света, где Кира Вэнс громко рассказывала, как её огненный шар вчера чуть не расплавил столовую. — Смотрители. Эразмус. Они будут ковыряться в этой дыре палками, пока она не лопнет. Я хочу знать, что они пытаются спрятать. Моя магия... она всё помнит. Я не могу просто игнорировать запах «Тлена» в своей постели.

Арден посмотрел на свои руки. Вчера он использовал ма-

гию осознанно. Не от страха, не от боли, а для защиты. Это было... правильно. Это ощущалось как первый глубокий вдох после долгого бега.

— Хорошо, — сказал он. — Но не сегодня. Сегодня у меня свидание с Декстером. Я не хочу приходить к нему с гнилью на ботинках.

— Мудро, — кивнул Тео. — Мертвые профессора очень трепетно относятся к чистоте своих лабораторий. Встречаемся после заката. У статуи плачущего ангела. И... Арден.

— Что?

— Если Эразмус спросит, куда мы идем, скажи, что мы идем трахаться в Некрополис. Он решит, что мы нормальные подростки, и отстанет.

Урок по «Истории Изгоев» проходил в Некрополисе.

Декстер Морт стоял на возвышении из черепов, которые, казалось, меняли выражения лиц в зависимости от того, насколько скучной была его лекция. Сегодня они выглядели скучающими.

— Тема сегодняшнего занятия, — проскрипел он, — «Почему бунтари — это мусор, а порядок — это просто более эффективная форма тирании».

Он взмахнул рукой. В воздухе возникла проекция: карта

Академии, разделенная на две части.

— Вы, идиоты из Света, думаете, что Изгои — это благородные мученики, вроде родителей нашего Серого друга Ардена. Вы думаете, они хотели «свободы».

Декстер сплюнул на пол. Слюна зашипела, растворяя камень.

— Свобода — это для поэтов и нищих. Изгои прошлого хотели не свободы. Они хотели монополии.

Он указал на проекцию.

— Триста лет назад существовала группа. «Дети Равновесия». Звучит красиво, да? Почти как «Радуга и Единороги». На деле — это были самые прагматичные ублюдки, которых рождала земля. Они поняли, что Совет слаб. Они решили, что если смешать Свет и Тень в правильной пропорции, они смогут создать армию, которой не сможет противостоять никто.

— И что случилось? — спросила Кира с первого ряда. Она выглядела скучающей, но Арден видел, как её пальцы выбивают дробь на подлокотнике. Она ненавидела историю. Она любила только огонь.

— Случился вторник, — хмыкнул Декстер. — Эразмус, тогда ещё молодой и не такой циничный, вычислил их. Он

не стал их убивать. Это было бы слишком просто. Он предложил им сделку.

Проекция изменилась. Теперь она показывала Башню Стража.

— Он дал им Башню. Он дал им ресурсы. Он сказал: «Смешивайте всё, что хотите. Но делайте это здесь. Под моим надзором». И они согласились. Почему? Потому что власть — это не возможность делать что хочешь. Власть — это возможность делать что хочешь и не быть испепеленным за это.

Декстер повернул свой единственный зрячий глаз на Ардена.

— Твои родители, Арден. Они были последними из «Детей Равновесия». Они не хотели разрушать Совет. Они хотели стать Советом. Они думали, что смогут контролировать Бездну. Они думали, что они умнее камня, на котором всё построено.

— И они ошиблись, — закончил за него Арден.

— Нет, — Декстер улыбнулся, и эта улыбка была страшнее любой угрозы. — Они были правы. Они могли контролировать Бездну. Но они не учли, что Эразмус не любит конкурентов. Он спустил на них Смотрителей. Не чтобы убить.

Чтобы «вычеркнуть». Стереть из памяти мира. Твоя мать, Арден, не утонула. Её просто... удалили. Как файл с ошибкой.

В зале стало холодно. Даже Кира перестала стучать пальцами.

— Это была не казнь, — продолжил Декстер, прохаживаясь между рядами. — Это была административная процедура. Их лишили имени. Лишили истории. Их существование стало математической невозможностью.

Он остановился рядом с Арденом.

— Поэтому, мальчик, когда ты читаешь в учебниках, что «Изгои боролись за свободу», — смейся. Они боролись за кресло директора. И проиграли. А теперь откройте страницу сорок два. Сегодня мы будем изучать, как правильно препарировать призрака, который слишком много знал.

Часть II. Заброшенный коридор

Закат в Академии был понятием условным. Это был тот момент, когда золотой свет Крыла Света становился багровым, а фиолетовая мгла Тени — почти черной, и они сливались в тошнотворно-бордовую кашу на куполе.

Арден нашел Тео у статуи плачущего ангела. Статуя дей-

ствительно плакала — из её глаз сочилась вода, которая, падая на пол, превращалась в мелких, прозрачных скорпионов, тут же рассыпающихся в пыль.

— Ты вовремя, — сказал Тео. — Я уже полчаса слушаю, как статуя оплакивает свою неудачную карьеру в скульптуре.

Он был одет в ту же бесцветную тунику, но на плече у него теперь висела сумка, набитая звенящими склянками.

— Что это? — спросил Арден.

— Антидоты, — Тео потряс сумку. — И немного святой воды. На случай, если архивный Голем всё ещё голоден. Идем.

Они пошли не через главные коридоры. Тео вел его лабиринтами технических шахт. Здесь пахло озоном, горячим металлом и застарелым страхом. Стены здесь были покрыты «Памятью Камня» — слоем светящейся пыли, которая фиксировала каждое заклинание, произнесенное за последние пятьсот лет.

— Смотри, — Тео остановился у перекрестка, где трубы сплетались в сложный узел. — Видишь эти спирали? Это «Световой патруль». Смотрители проверяют стены раз в неделю. А вот это...

Он указал на участок, где пыль была выжжена в форме черной кляксы.

— Это «Тень». Кто-то из Некрополиса пытался спрятать здесь труп. Труп сопротивлялся.

Арден шел, пытаясь «слушать» не только магию, но и пространство. Башня была живой. Она дышала. И сегодня её дыхание было прерывистым. Где-то внизу, в фундаменте, всё ещё отдавался эхом рев Бездны, который они слышали вчера.

— Мы близко, — вдруг сказал Тео, останавливаясь перед глухой стеной, завешенной старым гобеленом с изображением охоты на грифона. — Я чувствую... стыд.

— Стыд? — переспросил Арден.

— Камень стыдится того, что за ним. Это старая лаборатория. Её запечатали не Смотрители. Её запечатали сами Изгои. Перед тем как исчезнуть.

Тео провел рукой по гобелену. Ткань рассыпалась в прах, не долетая до пола. За ней оказалась дверь из темного дерева, окованная полосами холодного железа. На двери не было замка. Был лишь символ: спираль, перечеркнутая кинжалом. Знак «Детей Равновесия».

— Они не хотели, чтобы это нашли, — прошептал Тео.

— Но они не хотели и защищать это. Они просто... ушли и хлопнули дверью.

Он толкнул дверь. Она открылась без звука.

Внутри пахнуло не просто «Тленом». Пахнуло катастрофой.

Это была лаборатория, похожая на внутренности часов, которые попытались разобрать молотком. Стены были заставлены стеллажами с ретортами, но половина из них была оплавлена, а другая — заморожена изнутри, покрытая инеем, который не таял. В центре комнаты стоял массивный каменный стол, который служил одновременно и алтарем, и верстаком.

Но самым страшным был пол.

Он был покрыт сложным узором, выложенным из толченого мела, смешанного с чем-то темным, похожим на запекшуюся кровь. Узор был в форме двойной спирали — символа Равновесия. Но спираль была разорвана. В ней был разрыв, словно кто-то начал чертить круг, но на середине линии его что-то отвлекло, и он ушел, оставив геометрию незавершенной.

— Ритуал, — выдохнул Арден. Он чувствовал, как его «искра» внутри сжимается от боли. Магия, вложенная в этот

рисунок, была мертвой, но она всё ещё вибрировала.

— Не просто ритуал, — Тео опустился на колени, не боясь испачкать одежду. Он провел пальцем по линии мела. — Это «Якорение». Они пытались привязать что-то. Что-то очень большое.

Он указал на центр спирали. Там, в месте разрыва, камень пола был покрыт слоем черного стекла, похожего на обсидиан.

— Смотри, — Тео достал из сумки одну из своих склянок. Внутри неё плескалась светящаяся зеленая жидкость. — Это «Слеза Горгоны». Она реагирует на застывшее время.

Он капнул одну каплю на черное стекло.

Капля не стекла. Она зашипела. И там, где она коснулась поверхности, стекло на мгновение стало прозрачным.

Арден заглянул внутрь.

Он увидел не пустоту. Он увидел движение. Под полом, глубоко в фундаменте, что-то пульсировало. Что-то размером с сердце великана. Оно было черным, но по нему пробегали золотые прожилки.

— Они пытались создать Ключ, — прошептал Тео, отшатываясь. — Они пытались запечатать Утечку. Но они не успели.

— Что пошло не так? — Арден подошел к столу.

На столе лежали остатки пергамента. Они были не сожжены — они были стерты. От них остались только обугленные края, а всё, что было внутри, превратилось в ничто. Арден осторожно, кончиками пальцев, коснулся края.

Его «искра» дернулась.

Светлая часть потянулась к пустоте, пытаясь заполнить её. Темная — отшатнулась в ужасе.

— Здесь была формула, — сказал Арден. — Но её не просто уничтожили. Её вычли из реальности.

Тео подошел к нему, держа в руках другую склянку — с мутной, серой водой.

— Это «Эхо-память», — сказал он. — Она ловит звуки, которые издала комната. Не слова, а... интонации.

Он капнул воду на обрывок пергамента.

Вода зашипела и пошла рябью. А затем комната наполнилась звуком.

Это был не голос. Это был скрежет, крик и, в самом конце, звук, похожий на разочарованный вздох.

«Нестабильно... слишком быстро... оно... оно...»

И тишина.

— Они призвали что-то, — Тео стер воду рукавом. — Что-то из Бездны. Но это не был Голем. Голем — это грязь. А это... это было чистое. Слишком чистое.

— И оно их убило? — спросил Арден.

— Нет, — Тео покачал головой. — Посмотри на свечи.

Вокруг каменного стола стояло семь свечей. Три из черного воска, три из белого. Седьмая — в центре — была сделана из чего-то, похожего на застывший янтарь.

Белые свечи сгорели до основания. Черные — тоже.

А седьмая... седьмая была цела. Она даже не была зажжена.

— Они не умерли, — тихо сказал Тео. — Они прервали ритуал. Они поняли, что то, что они вызывают, не будет их слушать. И они сбежали. Но они не просто закрыли дверь. Они стерли память об этом месте, чтобы никто не повторил их ошибку.

Арден посмотрел на разорванную спираль на полу.

— Значит, Утечка... она не только снизу. Она была здесь. И они пытались её закрыть, но вместо этого...

— Вместо этого они ткнули в неё палкой, — закончил

Тео. — И теперь палка гниет.

Внезапно в коридоре за дверью раздались шаги.

Тяжелые, ритмичные шаги. Металл о камень.

Смотрители.

— Патруль, — прошептал Тео. — Смена караула. Они сверяют часы. У нас тридцать секунд, прежде чем они заглянут сюда.

Арден не стал доставать палочку. Он посмотрел на разорванный ритуал. Он посмотрел на свою руку.

Он сделал то, чему научился в оранжерее.

Он не стал скрывать их. Он стер их.

Он взял свою магию и приказал пыли на полу помнить, что лаборатория была запечатана сто лет назад, и с тех пор здесь не было ни души. Он приказал воздуху быть старым.

Тео смотрел на него с восхищением и ужасом.

— Ты переписываешь Память Камня, — прошептал он. — Без рун. Просто... волей.

Шаги остановились прямо у двери.

Раздался скрип.

Дверь приоткрылась.

В щель заглянул Смотритель Тени. Его белые глаза

скользнули по комнате. Он видел стол. Он видел свечи. Он видел разорванную спираль.

Но он не видел нарушения. Для него всё выглядело так, как должно было выглядеть в заброшенной, запечатанной лаборатории.

Он хмыкнул.

— Пыль, — проскрипел он. — Декстер опять экономит на уборщиках.

Дверь закрылась. Шаги удалились.

Тео выдохнул. Он осел на пол, прямо в меловой узор.

— Ты опасен, — сказал он, глядя на Ардена снизу вверх. — Ты не просто Двойственный. Ты — Редактор.

Арден ничего не ответил. Он смотрел на седьмую свечу.

— Мы никому не скажем, — сказал он. — Ни Лире. Ни Эразмусу.

— Почему? — Тео поднял голову. — Это их работа. Закрывать такие места.

— Потому что Эразмус знал, что это здесь, — Арден посмотрел на Тео. — Декстер сегодня на лекции говорил о «Детях Равновесия». Они не были героями. Они были амбициозными идиотами. И Эразмус позволил Утечке расти. Он использует её. Он держит Совет в страхе перед Бездной, чтобы

они не смотрели на него.

Тео медленно поднялся. Его бесцветные глаза стали твердыми, как стекло.

— Значит, мы копаем сами, — сказал он. — Если мы принесем это Эразмусу, он просто сотрет нас. Или сделает своими руками.

— Нам нужно найти тех, кто начал этот ритуал, — Арден пнул кусок обугленного пергамента. — «Дети Равновесия» не исчезли. Они просто научились прятаться лучше.

Тео кивнул. Он подошел к столу и взял седьмую свечу. Она была теплой на ощупь.

— Я знаю, где искать, — тихо сказал он. — В архивах Крыла Тени есть уровни, которых нет на картах. Места, куда Декстер сбрасывает «неудачные эксперименты». Если «Дети» сбежали, они забрали свои записи с собой. И если они пытались запечатать Бездну... они должны были оставить инструкцию. Как не делать это снова.

Арден посмотрел на свои руки. Они всё ещё слегка светились тем самым бордовым цветом — цветом его интегрированной магии.

— Идем, — сказал он. — У нас много работы. И нам нужно найти свечи. Настоящие свечи.

Они вышли из заброшенного коридора, аккуратно закрыв за собой дверь. Спираль на полу осталась разорванной, но теперь она была скрыта под слоем новой, «старой» пыли, которую создал Арден.

Они шли по коридорам Академии, два призрака в машине из камня и магии.

Арден чувствовал, как кольцо Эразмуса на его пальце горит огнем.

Магистр знал, что они были в архиве. Он видел их через сеть Башни.

Но теперь он видел лишь то, что Арден позволил ему увидеть.

Это была первая ложь.

Первое настоящее расследование.

И Арден понимал, что пути назад уже нет. Он больше не был просто студентом.

Он был соучастником.

Часть III. Архивы Декстера и цена памяти

Путь в «Нижние Архивы» занял почти час, и за всё это время Тео не произнес ни слова. Он двигался впереди, его бесцветные волосы сливались с белесым туманом, который здесь, на уровнях ниже Некрополиса, заменял воздух. Арден

шел следом, стараясь ступать точно в следы Тео.

Здесь, глубоко под Академией, правила менялись. Свет Крыла Света сюда не проникал вовсе, а Тень Крыла Тени была настолько густой, что казалась твердой. Арден чувствовал, как его «искра» внутри сжимается, словно пытаясь спрятаться от давления. Подавитель Эразмуса в его желудке вибрировал на частоте, которая вызывала зубную боль. Магистр знал, что они ушли из зоны наблюдения. Он не одобрял автономии.

— Сюда, — прошептал Тео, останавливаясь у стены, которая выглядела абсолютно монолитной.

В отличие от верхних уровней, здесь не было ни рун, ни замков. Тео просто приложил ладонь к камню и надавил. Арден почувствовал волну магии — не Свет и не Тень, а что-то третье. Что-то, пахнущее озоном и старым пергаментом. Это была магия Архивов. Камень пошел рябью, как вода, и в нем открылся проем, похожий на раззявленную пасть.

— Нижний Архив, — сказал Тео, оглядываясь. — Место, куда Декстер складывает всё, что не сработало. Или сработало слишком хорошо.

Они вошли.

Внутри пахло пылью, формалином и отчаянием. Это была пещера, размеры которой терялись во мраке. Вместо стеллажей здесь стояли стеклянные саркофаги, подвешенные в воздухе без видимых опор. Внутри каждого саркофага было... нечто.

Арден подошел к ближайшему. Внутри, в жидкости, напоминающей мед, плавал человек. Но у него не было кожи. Его мышцы переливались перламутром, а вместо головы был сложный механизм из шестеренок и пульсирующего света. Он был жив. Арден видел, как медленно сокращаются его легкие.

— Что это? — выдохнул Арден.

— Попытка создать идеального Смотрителя, — ответил Тео, не сбавляя шага. — Проект «Автоматон». Декстер решил, что если убрать человечность, останется только долг. Но оказалось, что без человечности нет и мотивации. Он просто стоит. Уже сорок лет.

Они шли дальше, проходя мимо кошмаров, которые не сумели стать оружием. Здесь были люди, сросшиеся с книгами (их пальцы стали страницами), деревья, растущие из человеческих спин, и лужи живой ртути, которые пытались принять форму людей, но забывали, как выглядит лицо.

— Почему он их не уничтожает? — спросил Арден, чувствуя, как тошнота подступает к горлу.

— Потому что Декстер — коллекционер, — Тео остановился у секции, скрытой за завесой из паутины, которая не была паутиной. Это были застывшие крики. — Но он не сентиментален. Он хранит их, чтобы помнить, как нельзя. Это его библиотека ошибок.

Тео коснулся завесы из криков. Она рассыпалась, не издав ни звука.

— Нам нужен Сектор «Равновесие». Декстер педант. Он сортирует свои провалы по алфавиту.

Сектор «Равновесие» находился в самом дальнем углу пещеры, там, где давление Бездны ощущалось почти физически — как тяжесть океана на дне. Саркофаги здесь были другими. Они не были стеклянными. Они были сделаны из цельных блоков «Тлена» — того самого черного, гниющего камня, который Арден видел в заброшенном коридоре.

— Он боится этого, — прошептал Тео, касаясь одного из блоков. — Он не может уничтожить это, потому что «Тлен» стирает саму структуру пространства. Если разбить такой саркофаг, дыра в реальности будет расти, пока не поглотит

всю Башню. Поэтому он просто... запечатывает их.

Арден подошел к центральному саркофагу. Он был больше остальных — высотой в два человеческих роста. На его поверхности не было ни пылинки, хотя воздух вокруг был густ от неё. Казалось, сам камень отталкивает грязь.

На крышке была выгравирована спираль. Но она не была перечеркнута. Она была разорвана. Точно так же, как на полу в заброшенном коридоре.

— Это оно, — сказал Арден. — То, что они пытались вызвать.

— Нет, — Тео покачал головой. — Это то, что вышло.

Он достал из сумки ту самую склянку с «Слезой Горгоны».

— Я не буду открывать его, — предупредил он. — Я просто... посмотрю сквозь.

Он капнул зеленую жидкость на поверхность «Тлена».

Черное стекло помутнело, став прозрачным, как дешевая оптика.

Арден заглянул внутрь и отшатнулся, едва не упав.

Внутри не было тела. Не было механизма.

Внутри была дыра.

Но это была не пустота. Пустота — это отсутствие. А это было присутствие отсутствия. В саркофаге была заключена Идея Аннигиляции. Арден видел, как свет из пещеры, попадая внутрь, просто переставал существовать. Фотоны умирали, не долетая до дна.

— Они поймали Закон, — прохрипел Тео, его голос сел. — Они пытались поймать Бездну в банку, но поймали саму концепцию «Ничего». И теперь оно смотрит на нас.

Арден почувствовал, как его «искра» внутри в панике метнулась в сторону. Светлая часть хотела осветить это. Темная — поглотить. Но обе они понимали: если они коснутся этого, их не станет. Не убьет — вычтет.

Тео поспешно стер «Слезу Горгоны» рукавом. Чернота снова стала непроницаемой.

— Нам не нужна эта банка, — сказал Тео, вытирая пот со лба. — Нам нужны записи. Те, что до.

Он пошел вдоль ряда саркофагов, ведя рукой по воздуху. Он не смотрел глазами. Он слушал эхо.

— Здесь... здесь... Слишком много гнили... А. Вот.

Он остановился у саркофага, который выглядел иначе. Он

не был черным. Он был сделан из обычного дуба, но дерево это было мертвым так давно, что стало камнем. На крышке не было спирали. Там был выгравирован простой символ: перо, пронзающее чернильницу.

— «Протоколы», — прочитал Тео. — Личный архив Мастера Равновесия. Того, кто вел их.

— Как мы его откроем? — спросил Арден. — Там есть «Тлен»?

— Нет, — Тео улыбнулся, и в этой улыбке было что-то хищное. — Там есть бюрократия. Декстер ненавидит магические замки. Он считает их ненадежными. Он использует «Закон Архива».

Тео положил ладонь на дубовую крышку.

— Я — Эхо, — сказал он в пустоту. — Я — память этого места. Я пришел по праву свидетеля. Открыть протокол номер семь. Статус: «Катастрофа. Отложено».

Воздух в пещере загудел.

Это не была магия. Это была администрация.

Саркофаг издал звук, похожий на вздох усталого чиновника. Крышка издала щелчок, похожий на удар судейского молотка, и медленно отъехала в сторону.

Внутри не было жидкости. Внутри были бумаги.

Тысячи листов пергамента, пожелтевшего от времени, скрепленных медными зажимами. Они лежали аккуратной стопкой, и от них пахло не гнилью, а сухой лавандой и чернилами.

— Он не уничтожил это, — прошептал Арден, беря верхний лист. — Декстер просто... забыл здесь бюрократию.

— Декстер ничего не забывает, — Тео начал быстро перебирать листы, его пальцы летали с невероятной скоростью. — Он спрятал это здесь, потому что в Верхних Архивах это бы нашли. А здесь это просто «бумага». Для Смотрителей бумага не имеет магического следа, если на ней нет рун.

Он вытащил один свиток, толще остальных, перевязанный лентой цвета засохшей крови.

— Вот, — он развернул его на полу. — «Журнал Эксперимента. Объект: Якорь. Цель: Изоляция Разлома. Руководитель: Элиан Вэнс».

— Вэнс? — Арден нахмурился. — Кира? Она из рода Вэнс.

— Не та Вэнс, — Тео провел пальцем по строчкам. — Это

было... сто двадцать лет назад. Но посмотри на инициалы. Э.В. Это объясняет, почему Кира так реагирует на «Тлен». Это у неё в крови. Её прадед пытался закрыть Утечку.

Арден склонился над текстом. Почерк был изящным, но нервным. Буквы на концах загибались вниз, как когти.

«День 14. Мы ошиблись. Мы думали, что Равновесие — это сумма. Мы думали, что если взять достаточно Света и достаточно Тени, мы получим Ноль. Но Ноль — это не отсутствие. Ноль — это потенциал. Бездна — это не пустота, куда всё падает. Бездна — это голод, который всё пожирает, чтобы стать всем».

— Они были философами, — фыркнул Тео.

— Они были напуганы, — возразил Арден, читая дальше.

«День 21. Элиан предлагает сменить тактику. Мы не можем "запечатать" Разлом. Любая печать — это структура. А Бездна ненавидит структуру. Она будет грызть её вечно. Он предлагает "Уснуть". Если мы не можем закрыть дверь, мы должны убедить дом, что двери никогда не существовало».

— «Уснуть»? — переспросил Арден.

— Ритуал стирания, — Тео перевернул страницу. — Смотри. Формула.

Арден посмотрел на схему. Это была не спираль. Это была фрактальная структура, напоминающая легкие или корни дерева, которые растут внутрь самих себя.

— Это не магия, — сказал Арден. — Это... архитектура.

— Это «Антитеза», — кивнул Тео. — Они хотели построить внутри Утечки комнату, которая «забыла», что она комната. Если Бездна попытается поглотить её, она не найдет, за что зацепиться. Она соскользнет.

— И где эта комната? — Арден поднял глаза.

Тео молча указал на следующий абзац.

«День 28. Катастрофа. Мы начали "Уснуть". Но Элиан... он не выдержал. Он посмотрел в Разлом. И Разлом посмотрел в него. Он понял, что "Уснуть" — значит стереть себя. Стереть свою семью. Свою память. Стереть всё, ради чего мы боремся. Он прервал ритуал. Он разорвал круг. Он сказал, что лучше пусть мир сгорит, чем станет пустотой. Он забрал Ключи и ушел. Мы не смогли его остановить. Он слишком быстрый. Он — Тень, которая решила стать Светом».

— Это твой прадед, — тихо сказал Арден, глядя на Тео. — Он не хотел закрывать Утечку. Он хотел её использовать. Он понял, что Бездна — это сила. И он забрал её с собой.

— Он не забрал, — Тео покачал головой, его голос дрожал. — Он просто... спрятал Ключ внутри себя. Слушай дальше.

«День 30. Мы запечатываем лабораторию. Мы используем "Тлен", чтобы никто не вошел. Но мы оставляем это здесь. Если кто-то из наших потомков найдет это... Бегите. Элиан не спаситель. Он — новая Утечка. Он теперь — Ходячий Разлом. И если он когда-нибудь потеряет контроль, Башня падет за один вздох. Не пытайтесь его убить. Убить то, что стоит одной ногой в Бездне, невозможно. Просто... молитесь, чтобы он спал».

Тео отпустил свиток. Он выпал из его рук и свернулся в трубку.

— Мой прадед, — прошептал он. — Он не спрятался. Он стал частью этого. Вот почему я слышу эхо. Вот почему я чувствую «Тлен». Это не просто магия в фундаменте. Это... семейное проклятие.

Арден положил руку на плечо Тео.

— Теперь мы знаем, — сказал он. — Мы знаем, что внизу.

И мы знаем, что Элиан Вэнс — это не решение. Это бомба с часовым механизмом.

— Что нам делать? — Тео поднял на него свои бесцветные, полные отчаяния глаза. — Мы не можем пойти к Эразмусу. Он использует это. Мы не можем пойти к Смотрителям. Они уничтожат Башню, пытаясь это выкопать.

— Мы делаем то, что начал твой прадед, — сказал Арден, вставая. — Мы строим «Антитезу».

— У нас нет формул, — Тео махнул рукой на разбросанные бумаги. — Декстер забрал основные расчеты. Здесь только философия.

— У нас есть кое-что получше, — Арден посмотрел на свою руку, на кольцо Эразмуса. — У нас есть я.

Тео непонимающе моргнул.
— Ты о чем?

— Элиан пытался создать «Якорь» из Тени, — Арден начал ходить между саркофагами, его мысли неслись вскачь. — Он был Тенью, которая хотела стать Светом. Он был нестабильным. Но я... я уже и то, и другое. Я — Контейнер. Я — «Узел», как назвало меня существо внизу.

Арден остановился.

— Если Бездна — это голод по форме, то я — форма, которая уже содержит в себе всё. Если мы не можем построить «Антитезу» из камня... мы построим её из меня.

— Ты сошел с ума, — Тео вскочил. — Если ты свяжешься с Разломом, он выпьет тебя! Ты станешь вторым Элианом! Ходячей катастрофой!

— Элиан прервал ритуал, потому что боялся исчезнуть, — Арден посмотрел прямо на Тео. — Я уже исчез. Для Совета. Для Эразмуса. Я — «Ошибка». Меня официально не существует. Мне не страшно стать ничем, Тео. Потому что для них я уже ничто.

Тео смотрел на него несколько секунд. Затем его плечи поникли.

— Ты безумец, — сказал он, но в его голосе не было страха. Только смирение. — Хорошо. Что нам нужно?

— Нам нужно туда, — Арден кивнул в сторону пола. — Вниз. К самой Утечке. Тео, ты говорил, что чувствуешь стыд камня. Ты можешь... провести нас? Не по коридорам. Напрямую? Сквозь слои?

— Это называется «Прыжок Эхо», — Тео потер виски. — Это больно. И это оставляет следы. Декстер будет в ярости. Мы вырежем дыру в его фундаменте.

— Он уже в ярости, — Арден подошел к стеклянному саркофагу с человеком-шестеренкой. — Он знает, что мы ушли. Но он не знает, куда. Мы сделаем это сейчас. Пока он занят тем, что пытается понять, почему его «Ошибка» вдруг стала разговаривать сама с собой.

Часть IV. Прыжок Эхо

Они встали в центре зала, подальше от саркофагов. Тео снял свою бесцветную тунику, оставшись в одних штанах. Его кожа была бледной, почти прозрачной, и под ней, казалось, текла не кровь, а жидкий дым.

— Сними кольцо, — внезапно сказал Тео.

— Что? — Арден посмотрел на свою руку.

— Эразмус, — пояснил Тео. — Если ты прыгнешь со своим поводком, он почувствует вектор. Он поймет, где мы. А если мы идем к Бездне, я не хочу, чтобы он стоял у нас за спиной. Сними его. Мы сделаем это в тишине.

Арден посмотрел на золотой ободок. Это было всё, что связывало его с безопасностью. С правилами. С ролью «сту-

дента».

Он сжал кольцо. Металл был горячим.

— Если я умру, Тео... передай Кире, что огонь — это всё-таки красиво.

— Если ты умрешь, я первым делом спалю его Башню, — мрачно пообещал Тео. — А теперь заткнись. Это требует концентрации.

Тео закрыл глаза. Он поднял руки.

Арден почувствовал это за секунду до начала.

Воздух перестал быть газом. Он стал густым, как кисель. А затем кисель начал замерзать.

Тео не открывал дверь. Он вычитал пространство между «Здесь» и «Там».

Для Ардена это ощущалось так, будто его душу пропустили через мясорубку, а затем собрали обратно, но в неправильном порядке. Его «искра» внутри взвыла. Свет и Тень внутри него потянулись в разные стороны с такой силой, что он подумал, что его разорвет. Подавитель Эразмуса, всё ещё находившийся в желудке, завибрировал так, что, казалось, кости сейчас превратятся в песок.

А потом был удар.

Свет.
Ослепительный, белый, болезненный.

Арден упал на колени.
Они были не в пещере.

Они стояли на твердой поверхности, но это был не камень. Это было... время. Оно выглядело как черный обсидиан, но в нем застыли вихри, похожие на галактики. Это был фундамент Башни. Это была сама Бездна, но не жидкая, а застывшая под колоссальным давлением.

Вокруг них не было стен. Была лишь пустота, освещенная тем самым гнилой-зеленым светом, который Арден видел в коридоре.
И прямо перед ними...

Оно дышало.

Утечка.

Это не была дыра. Это был пульсирующий, влажный сгусток абсолютной черноты, размером с собор. От него исходили ритмичные волны давления. Каждая волна заставляла «галактики» в полу вокруг них искажаться.
И от него шел звук. Не скрежет.

Это был звук голода.

«Узел», — пришел голос. Не в ушах. Прямо в мозг. Он был мягче, чем вчера. — «Пришел. Играть».

— Оно нас видит, — прошептал Арден.

— Оно видит всё, — Тео стоял рядом, его трясло. Он был бледен как смерть. Капля крови стекла из его носа и упала на «время-пол». Она не разбилась. Она просто исчезла, поглощенная жаждой камня. — Не двигайся. Не думай о Свете. Оно съест его и попросит добавки.

Арден сделал шаг вперед.

Его «искра» внутри не металась. Она... кланялась.

Светлая часть и Темная часть внутри него вдруг перестали воевать. Они обе смотрели на Бездну с благоговением.

— Элиан, — позвал Арден в пустоту. — Ты здесь?

Черный сгусток пульсанул.

Из него вытянулась тень. Не просто отсутствие света, а тень, имеющая плотность. Она приняла форму человека. Но лица не было. Был только силуэт, сотканный из того же голода.

«Элиан. Спит», — ответил Голос. — «Сыт. Устал. Ты. Новый».

— Я не новый, — Арден почувствовал, как страх уходит, сменяясь странным, холодным спокойствием. — Я — Исправление.

Он поднял руку. Кольца Эразмуса на ней не было. Он был один.

— Ты хочешь форму? — спросил Арден. — Ты хочешь играть?

Бездна внизу взволновалась. Волны стали чаще.

«Да. Да. Играть. Строить. Рвать».

— Тео, — Арден не оборачивался. — Начинай чертить.

— Что? Прямо здесь? — выдохнул Тео. — На фундаменте? Это же...

— Делай, — приказал Арден.

Тео, шатаясь, достал из сумки кусок мела. Его руки дрожали так сильно, что он едва мог держать его. Он опустился на колени и начал чертить на черном «времени».

Он чертил спираль. Но он не просто копировал рисунок

из коридора. Он слушал. Он слушал пульс Бездны и подстраивал линии под него. Это был танец.

Арден смотрел на это, а затем сделал то, чего боялся и чего хотел одновременно.

Он шагнул к сгустку Бездны.

— Я — Арден, — сказал он. — Я — Контейнер.

Он открыл себя.

Он не выпускал магию. Он просто... убрал барьеры.

Он позволил Бездне увидеть его структуру.

Голод внизу стал осмысленным.

«Свет. Тень. Боль. Металл. Эразмус. Смешно».

— Ты можешь войти, — сказал Арден. — Но не ешь всё. Только смотри.

Черная тень Элиана, стоявшая рядом, задрожала. А затем из основного сгустка вытянулось тонкое, как игла, щупальце.

Оно коснулось груди Ардена.

Боли не было.

Было изучение.

Щупальце прошло сквозь кожу, ребра, не повредив их. Оно коснулось «искры».

Арден почувствовал, как Бездна нюхает его. Она пробовала на вкус его интеграцию.

Она была в замешательстве. Она привыкла рвать. А здесь всё было сшито.

«Крепко», — удивился Голос. — «Узел. Хороший».

— Я — Якорь, — сказал Арден, чувствуя, как холод Бездны заполняет его вены. — А ты — мой Груз.

Тео закричал.

Арден обернулся.

Тео закончил спираль. Но вокруг спирали он чертил вторую. И третью. Фрактал. Он строил «Антитезу» прямо на живом теле Бездны.

— Готово! — крикнул Тео. — Арден, назад! Сейчас оно...

Бездна внизу взревела.

Но это был не гнев. Это был восторг.

Ей дали игрушку. Ей дали сложную геометрическую задачу.

Щупальце, торчащее из груди Ардена, дернулось. Оно потянулось к чертежу Тео.

Оно коснулось мела.

Мел вспыхнул.

Но он не сгорел. Он стал частью структуры. Линии Тео начали светиться тем самым гнилой-зеленым светом, но этот свет больше не был гнилым. Он стал... структурированным.

— Оно принимает, — прошептал Тео, пятясь назад. — Оно... лечит чертеж.

Арден посмотрел на свою грудь. Щупальце всё ещё было там. Оно пульсировало в такт с Утечкой.

— Элиан, — позвал Арден. — Ты всё ещё там?

Тень Элиана, стоявшая рядом, вдруг задрожала сильнее. Она повернула свою безликую голову к Ардену.

Из того места, где должны были быть глаза, потекла черная смола.

«Слишком. Крепко. Узел. Болит».

— Он сопротивляется, — понял Тео. — Твой прадед не хочет быть Якорем. Он хочет быть свободным. Он хочет, чтобы Бездна вырвалась.

— Я не дам ему, — Арден сжал кулак.

Он сделал то, что сделал вчера в оранжерее. Он приказал.

Он не использовал Свет. Он не использовал Тень.

Он использовал Связь.

Он потянул за щупальце, которое было частью Бездны, но торчало из него.

Это было похоже на попытку сдвинуть гору пальцем.

Бездна внизу взвыла. Пол под ногами пошел трещинами.

«Нет. Мое».

— Ты — мой, — выдохнул Арден, чувствуя, как кровь идет горлом. — Элиан. Спи.

Он вложил в приказ всю ту усталость, которую чувствовал. Всю тяжесть Башни. Всю боль своего подавителя.

Тень Элиана замерла.

А затем она начала осыпаться.

Черная смола падала на пол и превращалась в пыль.

Сущность прадеда Киры, которая пыталась удержать Бездну в себе столетиями, наконец расслабилась. Он перестал бороться. Он просто... отпустил.

Щупальце в груди Ардена втянулось обратно в сгусток.

Но Утечка внизу... она изменилась.

Пульс стал ровным. Ритмичным. Как сердцебиение спящего гиганта.

Гнилой-зеленый свет сменился мягким, глубоким синим.

— Мы... мы сделали это? — Тео опустился на пол, выглядя так, словно постарел на десять лет.

Арден посмотрел на свою руку. На груди, там, где было щупальце, теперь был узор. Тонкая, черная спираль, похожая на татуировку. Она не болела. Она была теплой.

— Мы не закрыли её, — сказал Арден. — Мы её... успокоили. Мы дали ей Якорь. Меня.

Внезапно пещеру залил резкий, белый свет.

Не магический. Электрический.

Вокруг спирали, начерченной Тео, с гудением опустилась стальная клетка, выдвинувшаяся из ниоткуда.

На краю Утечки стоял Декстер Морт.

В руках он держал не череп. Он держал огромный, тяжелый арбалет, заряженный копьем из чистого серебра.

— Как трогательно, — проскрипел Декстер. Его рубиновый глаз горел ярче обычного. — Урок анатомии для первокурсников. Вы только что доказали, что «Тлен» можно стабилизировать. Поздравляю. Вы только что подписали Башне смертный приговор.

— Мы её усмирили! — крикнул Тео, вскакивая.

— Вы сделали её полезной, — Декстер улыбнулся, и эта улыбка была страшнее любого крика. — Эразмус будет в восторге. Теперь у нас есть бесконечный источник энергии, который не взрывается. А вы... вы — предохранители.

Декстер поднял арбалет.

— А теперь, — сказал он, — мы поднимемся наверх, и вы напишете отчет. А потом я заберу у тебя кольцо, Арден. Оно тебе больше не нужно. Ты теперь — часть фундамента.

Он нажал на спуск.

Копье свистнуло в воздухе, летя прямо в грудь Ардена.

Арден не двигался.

Он просто позволил своей «искре» сделать свою работу.

Когда копье было в дюйме от него, он выдохнул.

Из его груди вырвался не щит.

Вырвался Резонанс.

Смесь Света и Тени, настроенная на частоту Бездны.

Копье столкнулось с этим полем.

Оно не отскочило.

Оно застыло.

Серебряное древко начало покрываться черными пятнами «Тлена», а наконечник — плавиться от золотого жара. Через секунду копье просто осыпалось на пол горсткой пепла.

Декстер моргнул. Его рубиновый глаз впервые за сто лет выражал что-то похожее на удивление.

— Я же говорил, — тихо сказал Арден, глядя прямо в глаз Магистру Некрополиса. — Я — Узел.

Тео посмотрел на Ардена, потом на Декстера, а затем на спокойную, синюю Бездну под ногами.

— Кажется, — прошептал Тео, — мы только что создали новую фракцию.

Декстер медленно опустил арбалет. Впервые за всё время его каменное лицо исказилось подобием улыбки.

— Добро пожаловать в Совет, мальчики, — проскрипел он. — Урок окончен.

Глава 10. Конфликт в классе

Часть I. Запах озона и чужие правила

Арден ненавидел утро вторника.

Не потому, что оно было хуже других — в Академии все дни сливались в один бесконечный цикл боли от подавителя Эразмуса, — а потому, что утро вторника означало «Практику: Структура Света». Это означало возвращение в Крыло Света, в Зал Хрусталя, к Профессору Соларису и его идеальному, стерильному отвращению.

После событий в заброшенном коридоре и визита в Нижние Архивы Декстера Арден чувствовал себя так, словно нес в себе радиоактивное ядро. Тео «Прыжок Эхо» провел их сквозь фундамент Башни, и теперь Арден буквально светился остаточной энергией Бездны. Подавитель в желудке работал на пределе, пытаясь замаскировать этот фон под «нормальный диссонанс Двойственного», но Арден знал: если Смотрители в патруле используют хотя бы базовый сканер, его заберут в Некрополис для «уточнения диагноза».

Он шел по Золотому коридору, стараясь ступать так, чтобы его подошвы не издавали ни звука на идеальном мраморе. Студенты Крыла Света расступались перед ним. Не из уважения. Из брезгливости.

Для них он был «Серым». Ошибкой. Мусором, который забыли вынести.

Когда он вошел в Зал Хрусталя, кристаллы на стенах жалобно задрожали. Они чувствовали в нем Тень.

— Явился, — голос Профессора Солариса был подобен звону разбитого стекла. — Опоздание на сорок три секунды. В моем Крыле время — это структура. Ты нарушаешь геометрию пространства, Ошибка.

Арден молча занял свое место в последнем ряду. Он больше не пытался оправдываться. Оправдания лишь давали им повод говорить.

Зал был полон. Студенты в серебристых мантиях сидели в позе лотоса, их ауры были ровными, белыми, без единого пятнышка. Арден чувствовал себя среди них как грязный сапог на операционном столе.

— Сегодня, — Соларис взмыл над полом, его золотая кожа сияла, — мы переходим к дисциплине интеграции. Вы научитесь не просто удерживать Свет, но направлять его через сопротивление.

Он щелкнул пальцами. В воздухе перед ним возник сгусток энергии — идеальный, слепящий золотой шар.

— Я буду создавать помехи. Ваша задача — удержать конструкт, не дав ему исказиться. Тот, кто позволит помехе из-

менить форму Света, будет чистить уборные факультета до конца семестра.

Соларис дунул на шар.

Из его рта вырвалось облачко фиолетового тумана — чистая, концентрированная Тень.

Шар в его руках начал сопротивляться. Золото пыталось оттолкнуть фиолетовый яд, но туман проникал внутрь, делая свет тусклым, тяжелым, болезненным.

— Смотрите, — проскрипел Соларис. — Это то, что происходит, когда Свет соприкасается с нечистотой. Он не становится сильнее. Он становится отравленным.

Он заставил шар лопнуть. Вспышка была такой яркой, что у Ардена заныли зубы.

— А теперь вы.

Студенты начали медитировать. Арден закрыл глаза.

Он больше не боялся своей Тени. После визита в архив он знал: Тень — это не зло. Это просто... другая физика. Но он не мог позволить Солярису увидеть, что он контролирует её.

Он потянулся к своей «искре».

Светлая часть рванулась вверх, создавая маленький, послушный огонек.

Затем он позволил Тени — той части, что была пропитана запахом Бездны и пыли архива — слегка коснуться этого огонька.

В его ладонях возник шар.

Он не был золотым. Он был бордовым. Цвета венозной крови.

Он пульсировал ровно, спокойно. Это была не интеграция в панике, как в прошлый раз. Это был контролируемый сплав.

— Вэнс! — голос Солариса разрезал тишину, как нож. — Что это за мерзость?

Арден открыл глаза. Кира Вэнс сидела в первом ряду. Её идеальный белый шар света дрожал, потому что она пыталась победить туман Солариса силой, вместо того чтобы принять его. Лицо Киры было красным от напряжения и ярости.

Но Соларис смотрел на Ардена.

— Я спросил, что это за мерзость в твоих руках, Ошибка!

— Это Свет, Профессор, — ровно ответил Арден. — Просто... структурированный иначе.

— Это ересь! — Соларис спустился ниже. Его золотой

глаз горел праведным гневом. — Ты смешиваешь принципы! Ты нарушаешь Закон Двух! Ты создаешь то, чего не должно быть!

— Вы сказали удержать форму, — Арден не повышал голоса. — Я удержал. Он не взорвался. Он не стал пожаром.

Соларис побелел. Не от страха. От унижения. Первокурсник, «Ошибка», только что выполнил упражнение для третьего курса, да еще и издевался над ним при всех.

— Ты смеешь учить меня моей дисциплине? — прошипел он. — Вон из моего зала. Иди к своей няньке Лире. Пусть она объяснит тебе, почему мир не терпит исключений.

— Как скажете, — Арден встал.

Он не стал гасить шар. Он просто позволил ему втянуться обратно в ладони.

Выходя из Зала Хрусталя под ненавидящими взглядами тридцати «чистых» студентов, Арден чувствовал на спине взгляд Киры Вэнс. В нем не было презрения. Там была чистая, незамутненная ненависть. Для неё он был не просто «Серым». Он был самозванцем, который играл с её стихией и делал это лучше неё.

Часть II. Яма и закон стаи

Если Зал Хрусталя был стерильной операционной, то «Яма» в Крыле Тени была скотобойней.

Арден спустился по винтовой лестнице, выдолбленной прямо в кости земли. Здесь не было света. Здесь была Тьма — густая, фиолетовая, пахнущая озоном, кровью и старыми кострами.

Урок по «Вязи Тени» вел Декстер Морт, но сегодня его не было. Вместо него на кафедре из черепов сидел гость.

Профессор Моргана Вейн.

Она не была похожа на некроманта. Она была похожа на хищную птицу. Худая, с кожей цвета старой бумаги и глазами, в которых не было белков — только вертикальные, кошачьи зрачки, пульсирующие в темноте.

— Садись, Серый, — проскрипела она, когда Арден вошел. — Твое место сегодня в центре.

В Яме не было стульев. Студенты сидели на полу, скрестив ноги. Вокруг Ардена образовалось пустое пространство. Студенты Крыла Тени — бледные, с татуировками из застывшей тени на шеях, с глазами, привыкшими к мраку — смотрели на него не с брезгливостью Светлых, а с холодным, профессиональным интересом хищников, оценивающих чу-

жую добычу.

— Сегодня, — Вейн щелкнула пальцами. В воздухе материализовалась стая призрачных крыс. — Мы изучаем «Поглощение».

Она бросила одну крысу в толпу.

Студент слева от Ардена — парень с зашитыми глазами — просто открыл рот. Крыса влетела в него и растворилась. Он облизнулся.

— Вкусно, — прохрипел он.

— Тень — это не структура, — Вейн ходила по периметру Ямы, её мантия шуршала, как сухие листья. — Тень — это голод. Свет хочет быть. Тень хочет взять.

Она остановилась рядом с Арденом.

— Ты, Серый. Ты носишь в себе Свет. Я хочу, чтобы ты отдал его. Мне.

Арден посмотрел в её кошачьи глаза.

— Профессор Лира запретила мне использовать интеграцию без надзора, — сказал он.

— Я не прошу интегрировать, — Вейн улыбнулась, показывая слишком острые зубы. — Я прошу сдаться. Позволь

моей Тени коснуться твоей. Посмотрим, кто кого выпьет.

Арден вздохнул. Он устал. Кости всё ещё ныли после «Прыжка Эхо» с Тео.

Он позволил своей защите немного опуститься.

Тьма в Яме всколыхнулась. Она потянулась к нему, как черная вода.

Она не была похожа на «Тлен» из архива. Она была живой, текучей, любопытной.

Она коснулась его «искры».

Арден почувствовал холод. Но это был приятный холод. Как вода в жару. Тень хотела успокоить его, забрать боль, дать покой.

Она начала просачиваться в него.

Внезапно в Яме раздался звук пощечины.

Резкий, влажный, хрусткий.

Арден открыл глаза.

Прямо перед его лицом в воздухе висела та самая призрачная крыса. Но она была раздавлена. Её призрачная кровь стекала по невидимому барьеру вокруг Ардена.

— Как грубо, — прошептал голос за спиной Вейн.

В центре Ямы, там, где сидели «коренные» студенты Тени, встал парень.

Он был высок, одет в черную кожу, сшитую, казалось, из крыльев нетопыря. Его волосы были цвета воронова крыла, а на левой щеке красовался шрам в форме молнии.

Мор.

Тот самый некромант, который пил «Тлен» и дрался с Кирой в столовой.

— Профессор, — Мор склонил голову в издевательском поклоне. — Вы пытаетесь напоить пирата из его же собственной фляги. Это дурной тон.

— Не лезь не в свое дело, Мясник, — прошипела Вейн.

— О, это мое дело, — Мор шагнул вперед. Студенты вокруг него расступились. — Серый — это аномалия. А аномалии в Тени либо пожирают всё, либо становятся легендами. Я не хочу, чтобы он стал легендой. Я хочу посмотреть, как он сдохнет.

Мор щелкнул пальцами.

Из пола Ямы полезли корни. Но это были не лианы Тео. Это были костяные лозы, покрытые гниющей плотью и светящимися личинками. Они метнулись к Ардену.

Арден не стал строить щит.

Он сделал то, что сделал в заброшенном коридоре.

Он ответил.

Его «искра» вспыхнула.

Но он не смешивал Свет и Тень.

Он использовал их по отдельности, но одновременно.

Он ударил по костяным лозам Светом — чистым, хирургическим, дезинфицирующим. Лозы вспыхнули белым пламенем.

А затем он ударил по дыре, из которой они лезли, Тенью — густой, тяжелой, поглощающей. Дыра схлопнулась с чавкающим звуком.

В Яме на секунду стало тихо.

А затем эта тишина взорвалась.

— Он с-смешал их, — прошептал студент с зашитыми глазами.

— Без рун, — добавил другой.

— Без боли, — выдохнул третий.

Мор смотрел на Ардена. Его кошачьи зрачки сузились в щели.

Вокруг Мора начала сгущаться его собственная аура —

черная, как деготь, пульсирующая алыми венами.

— Ты не Серый, — прошипел Мор. — Ты — Мутант. Ты — насмешка над Законом.

Он выбросил руку вперед.

Из его ладони вылетел сгусток «Тлена» — того самого гниющего камня. Он летел прямо в лицо Ардену. Это была не магия уровня студента. Это была попытка убийства.

Арден не успел бы поставить щит.

Но ему не пришлось.

Между ним и сгустком «Тлена» возникла фигура.

Она не вышла из тени. Она просто была там.

Профессор Лира.

Её мантия из сотен слоев ткани сегодня выглядела как монолитная броня. Она не двигалась. Она просто стояла.

Сгусток «Тлена», летевший со скоростью пули, врезался в неё... и рассыпался в безвредную пыль, не долетев до её груди.

— Довольно, — её голос был тихим, но он заставил костяные лозы на полу замереть, а Тьму в углах — сжаться.

Мор отступил на шаг, его лицо дернулось. Он не ожидал,

что она появится так быстро.

Лира посмотрела на Ардена. Её глаза, лишенные белков, казались дырами в черепе.

— Встать.

Арден поднялся. Ноги всё ещё дрожали.

Лира перевела взгляд на Мора.

— Твои амбиции понятны, Мясник. Ты хочешь доказать, что ты альфа. Но ты только что нарушил правило номер один: Не привлекай внимание Совета к аномалиям.

— Он нарушил Закон первым! — выпалил Мор. — Он...

— Он адаптировался, — отрезала Лира. — А ты просто буйный. Еще одна такая выходка, и я лично спущу Декстера с цепи. Он обещал пустить тебя на ингредиенты, если ты испортишь его канализацию еще раз. Уйди с глаз моих.

Мор зарычал, но подчинился. Он растворился в тенях у стены, оставив после себя запах озона и ярости.

Лира повернулась к остальным студентам.

— Урок окончен. Все свободны. Кроме тебя, Арден.

Студенты Тени начали выползать из Ямы, бросая на Ардена взгляды, полные теперь уже не любопытства, а суеверного ужаса. Он не просто был «Серым». Он был тем, кого не смогла задеть магия Мора.

Когда Яма опустела, Лира тяжело вздохнула. Слои её мантии на мгновение сложились в форму очень уставшей женщины.

— Ты идиот, — сказала она.

— Он пытался меня убить, — Арден всё ещё чувствовал привкус «Тлена» во рту.

— Он пытался тебя проверить, — Лира подошла ближе. — В Крыле Тени нет правил чести. Есть только закон стаи. Слабый — еда. Сильный — хозяин. Ты показал силу, не показав зубов. Для них это страшнее, чем если бы ты его сжег. Теперь они будут пытаться найти твою слабость.

— Какую слабость? — Арден посмотрел на неё. — У меня её нет.

— Твоя слабость — это Тео, — Лира ткнула его пальцем в грудь. — И твоя дружба с Кирой. Ты связался с двумя самыми громкими аномалиями в этой дыре. Ты — узел, Арден. И ты только что ударил по этому узлу молотком.

— Что мне делать? — спросил он. — Перестать быть собой?

— Поздно, — Лира усмехнулась, но в усмешке не было веселья. — Ты показал Эразмусу, что можешь интегрировать без боли. Ты показал Декстеру, что его «Тлен» для тебя — просто грязь. Ты показал Тени, что ты неуязвим.

Она подошла к стене Ямы и провела по ней рукой. Камень зашипел, и на нем проступило лицо Эразмуса. Не проекция. Лицо было вытравлено в камне магией.

— Магистр недоволен, — сказала Лира, глядя на лицо. — Он говорит, что ты тратишь слишком много ресурсов его подавителя. Он говорит, что если ты продолжишь так фонить, Совет пришлет не Смотрителей. Они пришлет Инквизиторов. А они не берут пленных.

Лицо Эразмуса в камне моргнуло.

«Ты привлек внимание, Ошибка. Это... забавно. Но если ты сдохнешь, я заберу твой мозг для изучения. Не разочаруй меня».

Лицо исчезло.

— Он играет с тобой, — прошептала Лира. — Как кот

с мышью. Но ты не мышь, Арден. Ты — змея. И если ты укусишь его первым, он будет в ярости. Но если он укусит тебя... от тебя не останется даже пепла.

— Что ты предлагаешь? — Арден посмотрел на неё. — Сдаться?

— Нет, — Лира покачала головой. — Я предлагаю тебе перестать быть студентом. Студенты ходят на лекции. Ты — ходишь по лезвию.

Она достала из складок мантии маленький флакон с черной жидкостью.

— Это «Слепая кровь», — сказала она. — Выпьешь перед уроками Света. На три часа она сделает твою ауру... скучной. Соларис решит, что ты просто бездарность, и перестанет пытаться тебя сжечь.

Она достала второй флакон, светящийся белым.

— А это «Песнь Тени». Выпьешь перед Некрополисом. Декстер решит, что ты просто трусливый дурак, и перестанешь пытаться тебя вскрыть.

Арден взял флаконы. Они были ледяными.

— А что мне делать с Кирой и Мором?

— С Мором — ничего. Он сам сдохнет, если будет нарываться на Декстера, — Лира повернулась к выходу. — А с Кирой...

Она остановилась в дверях Ямы, её силуэт казался вырезанным из самой ночи.

— Кира Вэнс — это открытая рана, Арден. Её отец был Изгоем. Её семья проклята. Она ненавидит систему, но хочет её признания. Ты для неё — либо доказательство того, что система лжет, либо доказательство того, что ты — предатель, которого система гладит по голове.

Лира посмотрела на него через плечо. Её глаза на мгновение стали нормальными, человеческими, полными старой, злой усталости.

— Запомни правило, Серый. В Академии нет друзей. Есть только те, кого ты еще не предал, и те, кто еще не предал тебя. Кира хочет огня. Мор хочет крови. Эразмус хочет науки. А я... я просто хочу, чтобы моя сменная мантия не сгорела до конца недели. Выживи. И постарайся не взорвать столовую. Ужин сегодня из синтетического белка, он и так отвратителен, не делай его радиоактивным.

Она ушла, растворившись в тенях коридора.

Арден остался один в Яме.

Он посмотрел на флаконы в своей руке.

Затем он посмотрел на свои ладони.

На них всё ещё проступал тот самый бордовый узор — след его истинной магии.

Он спрятал флаконы в карман.

Он не будет пить «Слепую кровь».

Пусть смотрят.

Пусть боятся.

Он вышел из Ямы, и фиолетовая тьма коридоров, казалось, расступалась перед ним, признавая своего.

Конфликт в классе стал объявлением войны.

И Арден знал, что в этой войне он не может позволить себе быть щитом.

Ему пора было стать мечом.

Часть III. Вкус пепла и правила Тео

Арден не пошел в свою комнату в Башне Стража.

После столкновения в Яме его кожа всё ещё покалывала от остаточного фона Тени, а в ушах звенело от эха голоса Лиры: «В Академии нет друзей». Флаконы с «Слепой кровью» и «Песнью Тени» холодили карман, но он не собирался их использовать. Лира предлагала ему маску. Арден решил,

что ему больше идет лицо.

Он спустился на уровень «Кафедры Слепых».

Оранжерея Тео встретила его запахом гниющих фруктов и озона. Грибы на потолке пульсировали в ритме, напоминающем панику. Тео сидел на стопке фолиантов, которые служили ему стулом, и жевал корень, светящийся синим. Его бесцветные глаза смотрели в одну точку, но Арден знал — Тео «видит» всё пространство вокруг на мили вперед.

— Она пыталась тебя вскрыть, — сказал Тео, даже не повернув головы. Его голос звучал так, словно шелестел сухой тростник. — Вейн. Она пустила «Тлен» в твою ауру. Я чувствовал вибрацию отсюда.

— Лира пришла вовремя, — Арден сел на пол, скрестив ноги. Усталость навалилась на него бетонной плитой. — Мор не был так вежлив.

Тео наконец повернулся. Его лицо, обычно лишенное эмоций, исказилось в гримасе, похожей на оскал.

— Мор — это открытая канализация с амбициями. Он чует силу, как акула — кровь. То, что ты сделал в Яме... ты не просто отразил его заклинание. Ты переварил его.

— Я просто ударил Светом по лозам, а Тенью — по источнику, — Арден достал из кармана флакон с черной жидкостью, рассматривая его на свет. — Это не было интеграцией. Это было... жонглированием.

— Для них это одно и то же, — Тео спрыгнул со стопки книг. Его движения были бесшумными, но грибы под его ногами вспыхивали синим и тут же гасли, словно стесняясь. — Ты нарушил главное правило, Арден.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.